

ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
№ 11 МАРТ 1952

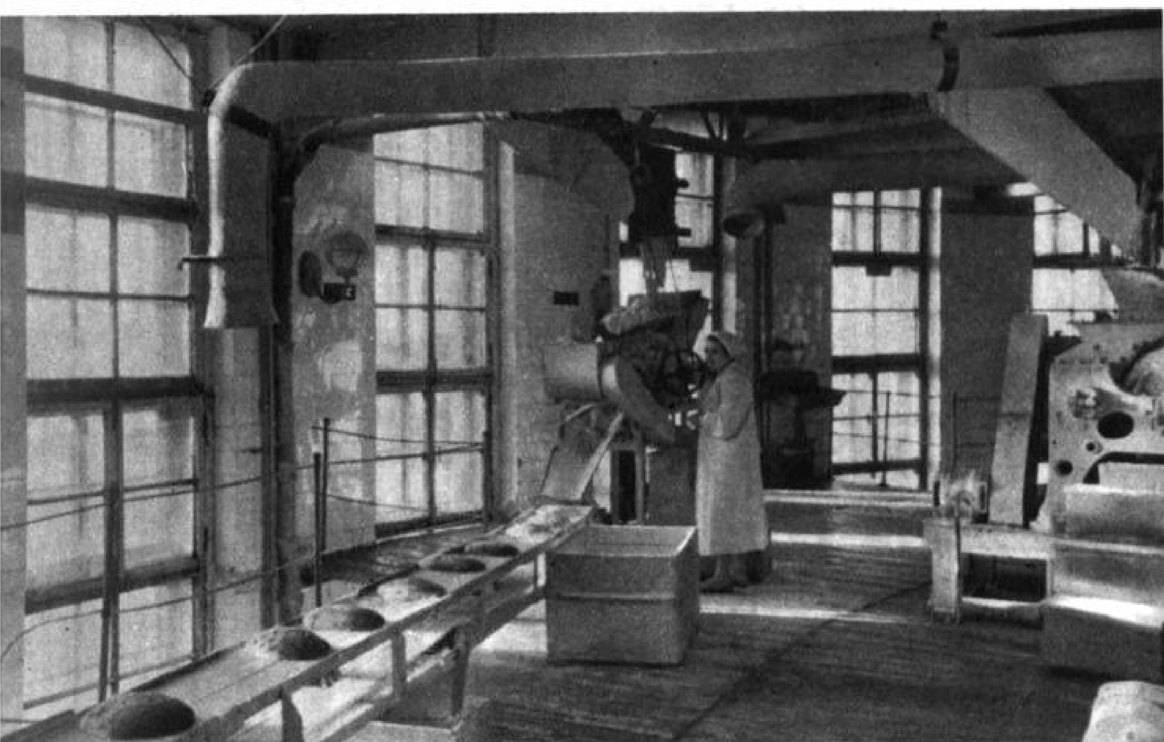
Хлебозавод-автомат

Кто хочет видеть кусок социализма — пусть идет на хлебозавод, говорил пламенный трибун революции Сергей Миронович Киров. Это было сказано много лет назад, после пуска в Ленинграде первого советского автоматического хлебозавода. С тех пор советская техника ушла намного вперед. И кировские слова с полным правом могут быть отнесены к Московскому хлебозаводу имени Н. С. Хрущева — одному из самых механизированных и автоматизированных предприятий подобного рода в нашей стране.

Огромное здание цилиндрической формы со всех сторон открыто солнцу, дневному свету. Стены просторных, круглых залов-цехов выложены сияющими белизной кафельными плитками, полы выкрашены, воздух чист, почти не ощущается мучная пыль, хотя завод перерабатывает в сутки несколько сот тонн муки.

Весь производственный процесс, начиная от выгрузки муки из железнодорожных вагонов и кончая выдачей готовой продукции, механизирован и автоматизирован. Сейчас механизируется последняя операция перед посадкой хлеба в печь.

...Ритмично работает завод-гигант. По заводской железнодорожной ветке к платформе подходит длинный состав, груженный мукой. Ленточными транспортерами мешки выгружаются и укладываются в штабеля. Лаборанты берут для анализа пробы разных сортов муки, разрабатывают рецептуру изготовления хлеба, батонов. В рецептуре точно указывается, сколько и какой муки взять для составления смеси, сколько потребуется различных добавок: воды, растворов соли и сахара, витаминов. Мука просеивается на специальных машинах и пропускается через магнитные установки для очистки от примесей.

Смесь готова. Начинается длительный производственный процесс. Переходя по конвейеру с этажа на этаж, смесь попадает сначала в тестомесильные, затем в тестоделительные, закаточные и формующие машины и, наконец, в печь. Контролеры тщательно проверяют качество изделий, работницы укладывают их в лотки и на тележках откатывают в экспедицию. Здесь при помощи кранов лотки грузятся в автомашины, развозящие продукцию хлебозавода по магазинам.

Сложные операции, которые, казалось, доступны только проворной человеческой руке с ее гибкими пальцами, безукоризненно выполняют замечательные машины и приборы, сконструированные советскими специалистами и образующие оригинальный кольцевой конвейер системы советского инженера Г. П. Марсакова. По уровню автоматизации хлебозавод имени Н. С. Хрущева не имеет равного себе в мировой технике хлебопечения.

До ста сорока разных сортов хлеба и хлебо-булочных изделий предоставляются на выбор столичному потребителю. В этом ассортименте большая доля принадлежит хлебозаводу имени Н. С. Хрущева.

На снимках сверху вниз:
1. Цех жидких дрожжей. 2. Тесторазделочный цех. 3. Из печи по желобу выпеченный хлеб попадает на циркуляционный стол. 4. Автопоезд с хлебом направляется по магазинам.

Фото Я. Берлинера

На первой странице обложки: Старшая пионервожатая женской средней школы № 34 Фрунзенского района Москвы Наталия Валандина.

Фото Дм. Бальтерманца

На последней странице обложки: Юный лыжник.

Фотоэтюд В. Марунина

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 11 (1292)

9 МАРТА 1952

30-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2 марта в Москве, на Гоголевском бульваре, в торжественной обстановке был открыт новый памятник великому русскому писателю Н. В. Гоголю.

От имени Совета Министров СССР памятник открыл председатель Всесоюзного юбилейного комитета по проведению 100-летия со дня смерти Н. В. Гоголя писатель Н. С. Тихонов.

На открытии памятника присутствовали тысячи трудящихся столицы, представители братских республик и зарубежные гости.

Автор нового памятника — скульптор Н. Томский.

Фото Б. Дмитриева

«Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) приветствует всех трудящихся женщин Советского Союза в Международный женский день 8 марта и выражает твердую уверенность в том, что советские женщины еще более повысят свою творческую активность на всех участках коммунистического строительства, будут и впредь самоотверженно бороться за укрепление могущества нашей великой советской социалистической Родины».

Из постановления Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) о Международном женском дне 8 марта.

Любовь ЗАБАШТА

Наше знакомство произошло не совсем обычно.

Мне показали домик в старой Каховке, на улице Калинина. Было рабочее время. Не надеясь застать дома самоё Феликсу Гнатовскую, я решила расспросить о ней хозяйку дома.

На стук мне никто не ответил. Я открыла дверь и только тогда услышала чей-то приветливый голос. На узенькой койке лежала миловидная девушка. Она казалась подростком.

— Заболела,— сказала она как-то виновато.— Вчера простыла...

Гнатовскую я знала по фотографиям в газетах. Здоровая девушка с кельмой в руке. Вид, как мне показалось, несколько самоуверенный. И мысли у меня не мелькнуло, что передо мною именно та Гнатовская, которую я знала по фотографиям. Я стала расспрашивать о ней девушку.

— Я и есть Гнатовская,— просто и дружелюбно сказала мне больная.

Я была поражена. Вот эта беленькая миловидная девочка с лицом семиклассницы, кажущаяся на первый взгляд неженкой, и есть знатный штукатур Каховки?

Ее маленькая жесткая рука с трещинами от раствора устало опустилась на пылающий лоб.

— Вот некстати эта болезнь,— озабоченно сказала она.— Мне ведь ругаться надо с прорабом. Не застеклил окна. Как там девчата?

Разговор на этот раз не получился. Пришел врач, осмотрел Феликсу, выписал ей порошки и велел отлежаться.

На другой день я встретила ее на Ново-Каховском строительном участке. Самым удивительным было то, что вид у девушки был совершенно здоровый. Бригада ее готовилась к работе в отепленном двухэтажном доме.

— Наша Феликса на месте не сидит! — с гордостью говорили девчата.— Если нужно что, из-под земли достанет. Вот и сейчас добилась: времянку приволокли, окна в доме застеклили.

Был у нас на участке один старший прораб. Краснобай, каких мало! Бригаде нередко приходилось простаивать из-за его халатности. Не раз бегала Гнатовская к прорабу. И с одной стороны к нему подойдет и с другой: и с просьбой и с требованием.

— Поймите, товарищ прораб, не можем мы простаивать! Мы ведь комсомольско-молодежная бригада на стройке коммунизма!

— Не одна вы у меня,— отмахнется тот.

Феликса начала акты составлять. Скоро прораб с актами свыкся. Феликса посоветовалась с девчатами, написала в газету. Прораб рассвирепел. Пошла борьба всерьез.

Трудность какая — прораб «советует»: «Выходите из затруднения сами».

— Был такой случай,— рассказывают девушки.— Заставил нас прораб штукатурить цементным раствором деревянные потолки. По инструкции это не положено. Пока Феликса бегала к начальнику участка с протестом, мы потолок набросали. Потеря раствора, конечно, была большая — половина на полу, половина на потолке. Вскоре прибыл алебастровый раствор, и пришлось нам целых полдня соскабливать цемент. Алебастровый раствор к цементу не пристает.

— Нет, так дальше длиться не может,— сказала Феликса и рассказала обо всем в партийном комитете. Прораб был снят.

...Вечером мы идем к Феликсе домой.

Мы снова в маленькой, уютной комнатке на улице Калинина. Я, как влюбленная, смотрю на Феликсу.

— Как жаль, что я не художница,— говорю я ей,— обязательно нарисовала бы вас... ,

— А меня тут уже рисовал один художник,— говорит она мне.— Все пытался схватить какое-то «характерное выражение».

— Ну, и схватил? — спрашиваю я.

— Сказал, что вышло. Но надоел он мне, правду сказать, до чортиков.

Особенно хорош у Феликсы смех. Его не опишешь. Он у нее совсем особенный.

Бывает так: узнаешь человека, и жаль становится, почему не знал его раньше. Как было бы хорошо знать эту девочку еще там, в далекой Чаплинке, когда она водила пальчиком по строчкам букваря! Еще тогда, когда она босыми ногами ступала по пересохшим полям родной Григорьевки и плакала от бессильной злости на природу, такую скупую на дожди в южных Херсонских степях... И потом, когда она, узнав о геройской смерти отца под Берлином, пошла работать в огородную бригаду и вместе с девчатами вылила сотни ведер воды на потрескавшиеся от зноя огороды родного колхоза... Я мысленно вижу ее в степи на уборке хлопка. Шестнадцать лет! Велики ли годы? А она уже звеньевая! Ее слушаются взрослые женщины!

Какая сила таится в этой девочке еще с детского возраста! У нее всегда много друзей. И, наверное, им с ней так же легко, как вот мне сейчас. Слушала бы ее без конца!

Феликса рассказывает, как ее избрали секретарем комсомольской организации в родном селе и как быстро эта организация, насчитывавшая сначала семь человек, разрослась до пятидесяти.

— А знаете, с чего я начинала? — спрашивает она.— С драмкружка. Никогда в жизни не играла, а тут пришлось стать артисткой. Ставили мы и «Бесталанну», и «Зою Космодемьянскую», и «Назара Стодолю». Молодежь повалила к нам. Самой трудной оказалась для меня роль Варьки.

Я громко смеюсь:

— Вот уж никак не могу представить вас в роли игривой и двуличной Варьки!

Феликса поспешно объяснила:

— Никто не соглашался на эту роль — пришлось играть мне.

Я всматриваюсь в ее лицо с золотистыми веснушками и светлыми, весенними глазами и думаю: «До чего же она всем своим обликом напоминает мне «веснянку» из романа Гончара «Земля гудит»! Вот бы какая роль подошла ей! Именно такой, как Феликса, представляется мне маленькая храбрая партизанка из романа А. Гончара.

Про решение Совета Министров о стройках на юге Украины и в Крыму Феликса услышала в Херсоне, на областной конференции комсомола. Во время перерыва она подошла к секретарю обкома комсомола и заявила, что уедет на стройку коммунизма. Так и сделала. Домой заехала попрощаться да написать заявление председателю колхоза. Сначала ее не хотели отпускать: как же, лучшая звеньевая Чаплинского района! А потом провожали всем колхозом и говорили: «Смотри же, Феликса, не посрами честь нашей Григорьевки!»

— Жаль было мне оставлять комсомольскую организацию,— говорит Феликса.— Девчата-то у нас какие были! Вера Городецкая, Галя Мущинская... Их бы сюда, на стройку!

Бригадир штукатуров Феликса Гнатовская.

Фото М. Мельника (ТАСС)

В отделе кадров Гнатовской предложили:

— Поработайте пока ученицей штукатура.

Она дала согласие, надеясь, что в скором времени найдется более интересная и трудная работа. Однако с первых же дней пребывания в бригаде она увидела, что хорошим штукатуром стать не так-то легко.

Сначала Феликсе казалось, что она никогда не научится штукатурить так, как ее подруги. Как внимательно ни присматривалась она к их работе,— увы! — брошенный на потолок раствор почти весь падал на голову. Девушки добродушно посмеялись над ее первой неудачей и решили помочь.

Учить Феликсу вызвалась Нина Иванова. До Каховки она уже успела поработать на восстановлении Днепростроя. Обучение Феликсы Иванова начала с затирки стен и потолка.

— Работали мы рядом,— говорит Феликса.— Я смотрела на Нину и завидовала ей. У нее терка шла ровно и легко, а у меня она обязательно вгрузала в раствор и оставляла следы.

— Разве ж так держат терку? — сказала Нина.— Она у тебя жестко зажата в кулаке. Никакой свободы движения! Пальцы нужно продеть через ручку и держать их совершенно свободно и параллельно терке.

Феликса была единственной ученицей в бригаде, и ей все время казалось, что именно она своим неумением тянет бригаду назад.

— Ничего, не журись,— подбадривала ее Нина.— Думаешь, у всех все сразу получалось? — И затем посоветовала: — Знаешь что, Филя? Чтобы не расходовать зря раствор, попробуй-ка набрасывать сначала песком. Ведь здесь главное — техника.

Подруги остались после работы на строительном участке. В распоряжении их было сколько угодно стен и целая куча песка. Нина держала руку подруги в своей и учила ее бросать раствор плавно, без рывков. Когда броски начали наконец получаться удачно, Филя попробовала работать раствором. При первых же удачных бросках она на весь строительный участок закричала:

— Ура! Получилось, получилось!

До совершенства было еще далеко, но коечто у нее действительно уже получалось.

На воскресенье Феликса взяла с собой весь штукатурный инструмент. У нее возникла мысль: оштукатурить своей хозяйке сарай. К счастью, хозяйки с утра не было дома.

Замесив раствор, она начала набрасывать его на стену. Получалось неплохо, и девушка, увлекшись, забыла, что раствор нужно стягивать влажным. Вся стена сарая оказалась покрытой полувысохшими буграми, и спасти положение можно было, только соскоблив всю мазню. За этой работой и застала ее хозяйка, возвратившись домой.

— Ой, лышенько, що ж ты наробыла! — воскликнула она растерянно.— Пропав сарай!

Феликса стояла на козлах, с ног до головы выпачканная в глину. Ей было стыдно и радостно. Набрасывать раствор она все-таки научилась!

К вечеру одна стенка сарая была полностью оштукатурена, и хотя работа была признана соседями далеко не идеальной, хозяйка Феликсы уже не сердилась и даже была довольна, что в стене старого сарая были тщательно заделаны все трещины и дыры.

На второй день бригадир Мария Пархоменко, просмотрев работу Гнатовской, заявила:

— Ну теперь ты можешь заняться стягиванием раствора и заверстыванием стен.

Углы Феликса вскоре научилась разделывать так ловко и быстро, что ей могли позавидовать опытные мастера. Ее перевели из учениц в штукатуры, присвоили четвертый разряд, а 27 июня 1951 года на одном из строительных участков Каховки была создана комсомольско-молодежная бригада Феликсы Гнатовской. А еще через месяц бригада Гнатовской победила в соревновании бригаду Марии Пархоменко.

Как-то мне пришлось говорить с бригадой Гнатовской в то время, когда сама она выписывала у мастера наряд на новую работу.

На мой вопрос: «Как вы относитесь к бригадиру?» — девушки сказали, не задумываясь:

— К Феликсе? Да мы за нее в огонь и в воду!

Тогда же я подумала: не в этой ли настоящей, большой дружбе кроется успех бригады?

В течение ближайшей недели я убедилась, что Феликса, кажущаяся на первый взгляд нерешительной и тихоней, умеет, когда нужно, требовать, добиваться, уговаривать и даже ругаться с прорабами и мастерами. С девушками своей бригады она всегда одинаково вежлива и тактична.

— Прежде всего уважение,— говорит Феликса.— Я дала себе слово никогда ни на кого из моих девчат не кричать. И, главное, не зазнаваться.

Зимой комсомольско-молодежная бригада Феликсы Гнатовской выполняла план на 200 с лишним процентов.

* * *

Вечерами в свободные минуты девушки любят помечтать. Феликса рассказывает подругам, какими ей представляются родные Херсонские степи после окончания Каховской ГЭС и сооружения каналов. Они уже знают о проблеме Большого Днепра и часто спорят о проходимых глубинах на Большом Днепре, о будущем Каховском море, о новых пристанях, которые будут выстроены.

— Чудесные девчата подобрались в бригаде Гнатовской! — говорят на стройке. — Хорошую и большую славу заслужили они!

На столе у Феликсы куча писем.

— Не подумайте, что это все,— говорит она, почему-то краснея.— Это моя корреспонденция за последнюю неделю.

Она раскрывает огромный чемодан, доверху набитый письмами:

— Вот мое приданое...

Я просматриваю несколько конвертов и на каждом вижу число; это даты отправления ответов.

Тут есть письма из Рахова, Закарпатской области, из Узбекской и Литовской ССР, из Сибири, с Дальнего Востока и даже Сахалина.

Большинство писем написано коллективно, целыми комсомольскими группами или бригадами.

Комсомольцы одной воинской части пишут: «Мы прочли в газете о Ваших успехах, Феликса Гнатовская. Нам радостно было узнать, что Вы пришли в Каховку в самом начале строительства и за короткое время, овладев специальностью штукатура, вышли в число передовых людей Каховки. Своим самоотверженным трудом Вы укрепляете дело мира. Обещаем Вам быть отличными бойцами и всегда с честью стоять на страже мирного строительства нашей страны».

Колхозники родного Чаплинского района пишут: «Спасибо, дочка! Не подвела ты нас, а наполнила наши сердца большой радостью. Мы гордимся, что наша звеньевая стала знатным штукатуром каховской стройки. Обещаем и мы работать, не жалея сил, на благо нашей Родины».

А вот теплое, сердечное письмо сестры Лиды из Донбасса. Она пишет Феликсе, что хочет приехать в Каховку и работать на стройке коммунизма вместе со своей сестрой.

Феликса читает письмо за письмом, и я вижу, какое значение придает она этим документам народной любви.

С той минуты, как в маленький домик на улице Калинина потоками стали идти письма, она поняла, что ее слава не принадлежит только ей и она не имеет права обмануть доверие своего народа.

— Учиться мне надо. Ой, как надо мне учиться! — с оттенком горечи добавила она.— Вот построим новую Каховку...

Она минуту молчит, потом, как бы вспомнив что-то, говорит решительно и весело:

— А из Каховки силой меня не оторвать! Пока ток по высоковольтной не дадим, не уеду отсюда. И чувствую я себя так, будто мне большое счастье выпало на веку. Ведь только подумать: первые стройки коммунизма! Очевидно, поэтому и хожу я по улицам Новой Каховки, как именинница.

* * *

Я иду с Феликсой по широкому, еще плохо освещенному проспекту Карла Маркса. Сердце мое полнится радостью от сознания, что таких людей, как Феликса, на Каховке немало.

Новая Каховка.

Е. Д. Бершанская. 1945 год.

В ДНИ ВОЙНЫ И МИРА

В домашней библиотеке есть книга, которую в семье читали все: и родители и дети. Валя бережно снимает эту книгу с этажерки, быстро находит запомнившуюся ему страницу и показывает нам:

— Вот, почитайте.

В книге — она называется «Боевые годы» — написано: «В рядах Советской Армии действовал единственный в своем роде авиационный полк ночных бомбардировщиков. Весь полк состоял из одних женщин. Командовала им подполковник Евдокия Бершанская. 200 летчиц полка награждены орденами, 22 из них удостоены звания Героя Советского Союза... За доблесть полку присвоено звание гвардейского».

Мальчик с гордостью сказал:

— Это про маму!..

Мама стоит тут же и ласково треплет сына по голове.

Евдокия Давыдовна Бершанская прослужила в авиации 17 лет, из них 4 года сражалась с гитлеровскими захватчиками. За ратные подвиги она награждена пятью орденами и четырьмя медалями Советского Союза.

В 1946 году отважная летчица по состоянию здоровья демобилизовалась из рядов Советской Армии и ныне живет в Красноярске.

Героиня фронта много внимания уделяет воспитанию своих детей. Сын Лева отлично учится в восьмом классе, Валя — в шестом, а пятилетняя Светлана пока собирает кубики.

Коммунистка Е. Д. Бершанская активно участвует в общественной жизни Красноярска. Во время выборов в местные Советы и народные суды она была агитатором. Сейчас по поручению партийной организации она ведет кружок по изучению биографии Иосифа Виссарионовича Сталина. Много времени Бершанская уделяет работе школы, где учатся ее дети. Она часто встречается со школьниками и их родителями.

Евдокия Давыдовна тепло рассказывает о своих боевых подругах. Советские патриотки в разных уголках нашей страны сейчас заняты мирной жизнью. Герои Советского Союза Наташа Меклин, Полина Гельман, Руфина Гашева учатся в Институте иностранных языков. Ира Дрягина выращивает цитрусовые, а Римма Орлова учительствует.

— Многие из наших однополчан,— говорит Е. Д. Бершанская,— ежегодно — 8 ноября и 2 мая — встречаются у Большого театра в Москве. Какие это радостные встречи! Вспоминается прошлое полка, идет разговор о наших сегодняшних мирных делах.

И. КОВАЛКИН

Е. Д. Бершанская. 1952 год.

ДОМ АЛТАЙКИ

Фотоочерк Н. Немнонова

Таный Чалчикова посылает последний прощальный привет. Тронутся сани, поплывут мимо заснеженные горы, скроются с глаз провожающие...

На два месяца покидает Таный родной колхоз «Большевик». Два месяца она не увидит подруг. Целых шестьдесят дней Таный, колхозный чабан, не будет знать, как живут ее питомцы — 360 овец, находившихся под ее началом.

Резво бежит конь. Грустно и тревожно на душе Таный. Но чем дальше удаляется она от родных мест, тем спокойнее становится. Ведь не навсегда она уезжает. Пройдет время, и она возвратится домой.

Чалчикова едет в «Дом алтайки». Говорят, там очень хорошо. Можно многое узнать, многому научиться.

Вдали виднеются высокие горы. Старики рассказывали, что там обитает злой дух Эрлик. Шаманы уверяли, что в горы идти нельзя, не задобрив горного бога. Не принесешь жертву — будешь наказан. Эрлик сбросит сверху камень, обрушит лавину льда и снега — и полетишь в пропасть.

Таный вспомнила страшные рассказы и улыбнулась. Она знает, что все это басни. На самую высокую гору, Катун-Баш, уже несколько раз взбирались храбрые русские люди и никаких духов и богов там не встретили. С русскими ходили алтайцы. Никто их не тронул.

Плохо, темно раньше жили алтайцы. Грамотных было пять человек на сотню населения. А женщины-алтайки — те и совсем не знали, что такое грамота. Теперь все люди Алтая понимают, что надо учиться, и учатся. Вот и она, Таный Чалчикова, едет учиться. Ей говорили, что в «Дом алтайки» приедут ученые люди — лекторы, агрономы, врачи, животноводы. Там можно научиться хорошо, культурно вести и колхозное и домашнее хозяйство, шить платье, какое носят в больших городах, в Москве. Уходу за детьми обучают.

В думах прошла дорога. Вот уже показалось селение, а вскоре сани остановились у большого дома с резными наличниками. Это и есть шебалинский «Дом алтайки». На следующий день мы встретили Таный, она шла с большим альбомом в руках.

Таный у «Дома алтайки».

Хорошая дочка у Ольги Астафьевой!

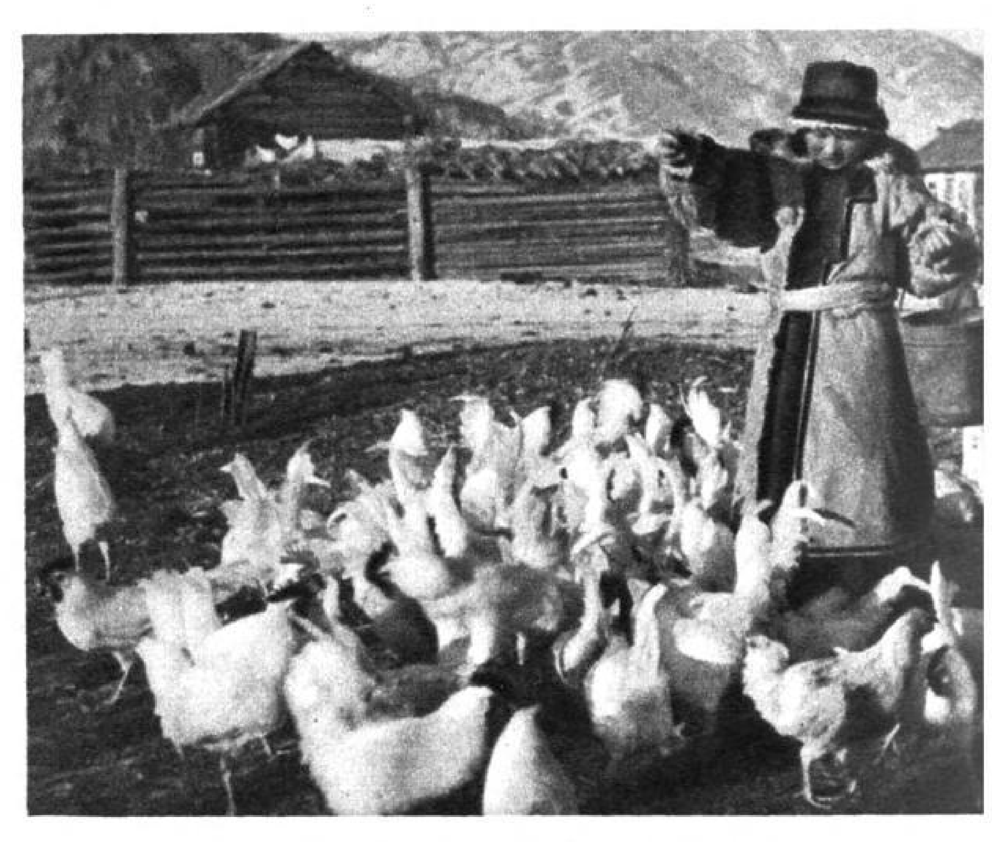
Чалчикова быстро освоилась с новой обстановкой. Ей хотелось поскорее все узнать, все посмотреть. Она познакомилась с чабаном колхоза «Парижская Коммуна» Ольгой Астафьевой. Ольга приехала в Дом со своей маленькой дочкой Розой. Очень хорошая девочка у Ольги — приятно подержать ее на руках!

Жизнь в Доме понравилась Таный с первого дня. Все шло организованно. Ежедневно по утрам все женщины собирались, чтобы узнать последние новости — послушать политическую информацию. Интересны были лекции о борьбе женщин за мир, об археологических раскопках, о великих стройках на Волге, на Дону, на Днепре, в Кара-Кумах. Один из лекторов рассказал правду о шаманах. А сколько Таный узнала нового про овец: как за ними ухаживать, как лечить...

С большой охотой обитательницы Дома ходили на экскурсии в детский сад и ясли, на электростанцию, на фермы. Таный видела однажды, с каким удовольствием слушательница Дома Кумыскаяк Тонгужакова кормила кур — белых, красивых леггорнов. Это было, когда они ходили смотреть птицеферму колхоза «Путь Ленина». «Надо побольше во всех колхозах развести таких птиц»,— решила тогда Таный.

Идет урок шитья. За машинкой Гутя Челтугашева. В центре стоит Ольга Астафьева. Учит Гутю шить инструктор Зинаида Челтугашева (справа).

Кумыскаяк Тонгужакова кормит красивых леггорнов.

Руководители Дома стараются, чтобы ни один час не пропал даром для слушательниц. После экскурсий женщины садились за швейные машины. Начинались уроки шитья. Вот села за машинку Гутя Челтугашева, а Ольга Астафьева смотрит, хорошо ли выходит у Гути строчка.

А в это время Августа Челтугашева обучается правильно писать. Ей помогает заведующая «Домом алтайки» М. Н. Киндикова.

Быстро прошли два месяца. Чалчикова Таный и не заметила, как наступил день отъезда. Она возвратилась в родной колхоз, радостно сознавая, что теперь она сможет жить и трудиться еще лучше, чем прежде.

Августа Челтугашева хочет научиться хорошо писать. Ей помогает в этом заведующая Домом М. Н. Киндикова.

Подруги

Ольга МАРКОВА

Обед прошел в полном молчании. Подруги волновались, и, стараясь не показать друг другу своего состояния, обе уткнулись в книги.

Только вечером прибежал к ним Павел, муж Вали, и сообщил, задыхаясь:

— Сын!

Клавдия все еще была обижена тем, что этот человек, Павел Бершанский, оторвал Валю от их маленького коллектива. Без Вали, веселой хлопотуньи, в комнате стало пусто и тихо. Не глядя на Павла, Клавдия спросила:

— Ты видел его? На кого похож?

Павел нерешительно ответил:

— Сказали, на жену...

Клавдия предложила ему тарелку супа.

Счастливый отец ел торопливо: ему хотелось куда-то бежать, что-то делать, рассказывать всем, что произошло. Он твердил удивленно:

— Сын! Понимаете, у меня сын!..

Теперь расспросы продолжала Катя:

— Ну, а характером он на кого похож?

— Да разве у него есть характер? — недоуменно поднял брови отец.— Он пока только кричит...

— Кричит? Слышишь, Клава, кричит! Значит, и характером похож на Валю!..

— Валя шумит, а не кричит,— уточнила Клавдия.

— Как мы назовем сына?

Катя произнесла эти слова так, точно речь шла о новом члене их семьи, ее семьи, и она имела право решать, каким именем будет назван младенец.

Правда, как назвать ребенка, подруги условились давно. Таня — вот подходящее имя. К сожалению, мальчику оно явно не подходило.

Сидели до поздней ночи, перебирали всякие имена, наконец остановились на Валерике. Имя новорожденному было найдено.

...Как сейчас помнили девушки доходящую до комичного робость Бершанского. Стесняясь, он расспрашивал Катю о работе. Она отвечала:

— Мне рассказывать нечего.

— Как нечего? — вмешалась тогда Клавдия.— А про то, как ты сегодня новые трубы обрезала? Понимаете, совсем необычного диаметра трубы. Тонюсенькие, как иголка. Для медицинских шприцев...

— Вы тоже резчица? — полюбопытствовал Павел.

— Не-е-е,— протянула Клавдия.— Я на подстанции. Но к Кате захожу, интересуюсь ее работой... — В голосе ее прозвучала гордость за подругу.

Трудно было угадать, кому из девушек Павел отдавал предпочтение. Со всеми он был одинаково вежлив, ровен, а потом взял и вырвал из маленького девичьего коллектива Валю.

Клавдия и Катя в комнате остались вдвоем. Уход Вали к мужу сначала выбил их из колеи. Привычный образ жизни был нарушен. Потом все снова стало налаживаться. С выздоровлением Вали молодые супруги часто навещали Клавдию и Катю, приносили с собой Валерика. Часто подруги сами ходили к Бершанским, нянчились с ребенком, выносили его на прогулку.

Можно было подумать, что это близкие родственники, одна семья, крепко-накрепко скованная чувством дружбы и едиными интересами. Да это так и было. Только единство основывалось не на кровном родстве, и даже не на родстве, которое создается между людьми одной профессии. Нет. У них были разные профессии, разное образование. Валентина Бойко — инженер-металлург Первоуральского новотрубного завода. Екатерина Кузько — резчик по металлу. Клавдия Никитина — дежурный электрик на подстанции. Это ее руки дают силу станку подруги. Всех троих сблизили интересы более широкие, чем семейные,— сблизил труд.

В их комнате чувствуется во всем присутствие дружбы, крепкой, нерушимой. Девушки изучили друг друга, знают привычки и характер каждой, понимают подругу с полуслова, с кивка головы, с одного взгляда. Взаимная симпатия первых дней совместной жизни перешла в сильную внутреннюю спаянность. После работы они рассказывают о прожитом дне.

Завод! Слово это произносится тепло и просто. В нем звучит большая любовь, как любовь к дому. Да и трудно сказать, что подруги любят больше: завод и дом — это для них неразделимо. Завод их вырастил, воспитал.

По вечерам они слушают радио, занимаются рукоделием, поют. Клавдия любит, когда подруга поет одна, и часто просит:

— Спой, Катя, «Вьется вдаль тропа лесная».

Катя поет чистым, серебристым голоском. Девушки из других комнат открывают тихонько двери в коридор, и песня, легкая и сердечная, разносится по общежитию.

Но чаще всего в комнате № 9 царит тишина. Удобно устроившись за столом, подруги читают, что-то записывают, тихо переговариваются, иногда спорят.

У каждой свой характер.

Клавдия — спокойная, домовитая — признана хозяйкой. Она может сказать: «Сходи в магазин»; или: «Тебе надо уже покупать пальто, это поизносилось». Когда она недовольна, то называет Катю Катериной. И та притихает, пытливо следит за «хозяйкой», стараясь угадать, чем вызвана такая холодность. Собранная, молчаливая, с задумчивыми серыми глазами,

На снимке: к Валентине Трофимовне Бойко (слева) часто забегают подруги Клавдия Васильевна Никитина и Екатерина Авраамовна Кузько. В центре внимания восьмимесячный Валерик — сынок Валентины Трофимовны.

Фото И. Шубина

Клавдия-«хозяйка» казалась старше своих лет. Каждое движение ее расчетливо и скупо, но при внешней неторопливости она все делала скоро и красиво: успевала быстро приготовить обед, прибрать в комнате и подготовиться к очередным экзаменам. Она училась, как и большинство рабочих завода.

Катя в противоположность подруге — порывистая, увлекающаяся, всегда куда-то устремленная. Еще в ранней юности она отличалась беспокойным характером. И работа у нее, кажется, спорилась, но она была недовольна собою, постоянно ломала голову над всевозможными «заковыками». Ей хотелось всюду успеть. Она узнала из газет, что ленинградский токарь Борткевич, простой рабочий, достиг скорости в резании металла, утроившей производительную мощность станков; Катя носилась с этим, пока не изучила метод Борткевича. То узнавала она о почине новаторов Уралмашзавода и завода «Пневмостроймашина», предложивших комплексно обобщать стахановский опыт, и опять от нее не было покоя ни Клавдии дома, ни рабочим в цехе.

Характеры — это не придумано. У каждого из людей они разные. С этим надо считаться. И если живешь вместе, надо сделать жизнь разумной, легкой и плодотворной. Необходимо помочь подруге разобраться самой в себе, в своих поступках, помочь ей бороться со своими недостатками, изживать их.

В дни экзаменов у Клавдии Катя ходила сама не своя, беспокоясь за подругу, и все внушала ей:

— Ты только будь увереннее, Клава! На твоей работе смелость нужна!

Сама Катя живет уверенно и смело. Во время выборов она агитатор, а вообще председатель культурно-бытового совета общежития, занята бытом девушек, устраивает культпоходы, выступает на стахановских «вторниках» на заводе. Она привыкла быть смелой.

Подруги сообща научились бережно относиться ко времени. По вечерам они вслух читают, изучают историю партии, биографию Иосифа Виссарионовича Сталина, проверяют знания друг друга. Страницы прочитанных книг открывают перед ними новые страницы жизни.

Валя, выйдя замуж, не могла вот так, сразу отвыкнуть от того, чем и как она жила. Она приходила часто в свою старую квартиру, и подруги делились с ней тем, что успели узнать. Валя умела будить мысль, вызывать споры.

И начинаются споры, мечты. Когда они мечтали, мир расширялся, стены тесной комнаты будто исчезали и сами подруги словно поднимались куда-то к вершинам.

В спорах находилась истина, все трое приходили к единодушному выводу или решению и после этого поднимались на следующую ступень, изживая в себе то, что мешает росту, плодотворной работе, жизни.

Сколько славных людей называлось тут — и живых и когда-то живших! Словно дыхание всех времен проносилось над ними. И когда разговор заходил о нашем времени, число имен росло так, что перечислить их не было возможности.

Как-то Валя сказала:

— А вы не думали над тем, сколько в нашей стране героев, которых мы с вами не знаем? Вспомните Ленинград, Сталинград, Севастополь... А сейчас?

И вновь начинались разговоры о людях, с которых можно и нужно брать пример.

Однажды Валя, укачивая сына, сказала мечтательно:

— Вырастет мой Валерка, а перед ним такая широкая-широкая дорога, еще более широкая, чем у нас. Ведь он будет человеком коммунистического завтра... Как это близко! Как стремительно движется жизнь! И как мне здорово работать надо!

Вечера, проведенные подругами вместе, каждый раз добавляли что-то новое к их жизненному опыту.

Вот, читая по очереди вслух, они одновременно занялись вышивкой. Рисунок попался трудный, многоцветный, с массой оттенков и переливов. Клавдия не вытерпела:

— Нет! У меня ничего не выйдет!

Катя прервала чтение и набросилась на подругу:

— То есть как это «не выйдет»?! Должно выйти! Ты хорошо чувствуешь цвет, вглядись хорошенько в этот оттенок. Видишь, какой он?

Сдерживая себя, Катя ждала, чтобы подруга сама нашла правильное решение в цвете.

Клавдия вновь принималась ставить крестик за крестиком, порола, портила, но продолжала упорно добиваться своего, зная, что Катя не позволит ей бросить начатую работу. И рисунок выходил, переливался радужными оттенками, цветы хотелось взять в руки, как живые.

Так на обыденных, казалось бы, совсем неважных делах они воспитывали волю. В их словаре не осталось слов «не могу» или «не выйдет». «Хочу» и «добьюсь» часто можно слышать от них. И они брались за дела, которые не сразу давали результаты, понимая смутно, что воля лучше всего воспитывается именно на том, что «не выходит».

Когда Катя уехала в Москву на профсоюзную конференцию, Клавдия поняла, как трудно ей быть одной.

Зато сколько было разговоров после возвращения подруги!

— Какая Москва красивая стала! — восторженно сказала Катя. — Понимаешь, вся страна старается ее украсить.

В этот день Клавдии казалось, когда она включила ток, что свет вспыхнул особенно ярко и что огни ее станции озаряют то прекрасное будущее, куда лежат дороги всех советских людей.

Радостно было, когда фидера, приняв нагрузку, послали по проводам ток в заводские цехи. Клавдии представилось, как заработал катин станок.

На следующий день в гости пришла Валя с мужем и сыном. Клавдия еще на пороге взяла Валерку к себе на руки. Теперь у нее уже не было обиды на Бершанского за то, что он «увел» Валю. Ведь дружба подруг не ослабела. Наоборот, она стала еще крепче, еще сильнее.

В этот вечер в комнате № 9 было, как никогда, весело, празднично.

Приятно пройтись по улицам Первоуральска в погожий зимний день. Слева направо: Е. А. Кузько, В. Т. Бойко и К. В. Никитина.

На маленькой станции

Ялангач — станция маленькая, и расположена она на короткой ветке, связывающей столицу Узбекистана с одним из крупнейших промышленных центров республики — Чирчиком.

Есть у этой станции одна особенность. Если вы увидите на Ялангаче мужчину в железнодорожной форме, то знайте: он тут такой же гость, как и вы, приехавший сюда по какому-нибудь делу. На Ялангаче работают только женщины. Только они встречают поезда на входных стрелках и провожают их на выходных, только они работают весовщиками, кассирами, только они носят здесь красную фуражку дежурного по станции. За дверью с табличкой «Начальник станции» вас встретит тоже женщина.

Вот уже десять лет станция Ялангач известна по всей Ташкентской железной дороге как «женская». В этом слове — большое уважение к дружной и славной семье железнодорожниц.

У Нины Захарченко скромные обязанности: она весовщик. Присматриваясь к тому, как рабочие соседнего кирпичного завода загружают платформы, Захарченко предложила новый метод укладки кирпича. Теперь каждая платформа увозит с завода почти вдвое больше кирпича, чем прежде. На производственных совещаниях отделения дороги, куда съезжаются транспортники со всех станций, нередко ставят в пример стрелочницу с Ялангача Марфу Ивановну Никулину, дежурную по станции Зину Валяеву. Маленькая станция в соревновании с соседями заняла первое место.

Женщины дружно работают и дружно учатся. Занятия ведет начальник станции Елена Петровна Дубовицкая — она сама в пору войны шестнадцатилетней девочкой начала свою службу на транспорте со стрелочницы.

...Падает крупными хлопьями пушистый снег. За белой пеленой скрывается маленькая станция Ялангач. Поезд минует будку стрелочницы. Марфа Ивановна держит желтый флажок и улыбается стоящей на площадке вагона Руфе Носовой. Руфа час назад сменила красную фуражку дежурного по станции на меховую шапку и сейчас едет домой. Пообедает, переоденется и вечером — в Ташкент, в театр.

Н. СОЛОВЬЕВА

Техник-лейтенант Елена Петровна Дубовицкая проводит занятия с работниками станции.

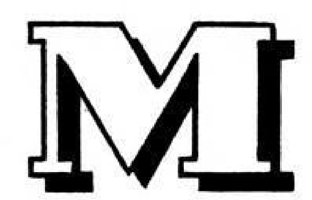
Фото А. Палехова

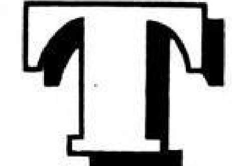

С. М. Вердникова с сыном Виталием.

Фото Б. Вдовенко

МАТЬ

Я. МИЛЕЦКИЙ

Виталий Вердников, сын инженера, автоматчик стрелкового полка, был тяжело ранен в бою под Сталинградом и лишился зрения.

Эту печальную весть родители Виталия узнали из письма командира части. Он писал о храбрости их сына, о том, как любили его товарищи-однополчане. Командир утешал Вердниковых: «Я твердо верю, что Виталий найдет свое место в жизни».

Потом от сына долго не было известий, пока наконец не пришло письмо из Сызрани, написанное незнакомым почерком. Это было письмо медицинской сестры госпиталя, где лежал Виталий. Отец, Григорий Владимирович, поехал за ним.

И вот Виталий перешагнул порог родного дома в подмосковном городке Пушкине. В фронтовой шинели он выглядел повзрослевшим, хотя из-под меховой шапки, совсем как в детстве, выбивался клок иссиня-черных волос. Руки юноши скользили по знакомым с детства стенам и мебели передней. Вдруг он почувствовал, что кто-то повис у него на шее.

— Мама!..

...Виталию было всего девятнадцать лет — вся жизнь впереди. Как она сложится? Об этом Виталий всерьез еще и не думал, но было ясно, что придется расстаться с давнишней мечтой о море — никогда он не будет ни моряком, ни судостроителем.

Однажды мать сама заговорила с ним о будущем:

— Пора подавать документы в институт.

Она говорила об этом, как о чем-то давно решенном, бесспорном.

Виталий начал было возражать, но мать перебила его:

— Отлично сможешь учиться! Я буду помогать. При твоих способностях нечего сомневаться в успехе. Аттестат у тебя с золотой каймой, отличником был.

Мать убедила сына, вселила в него уверенность. Долго обсуждали в семье, в какой институт поступить Виталию. Остановились на юридическом.

Теперь для матери Виталия началась напряженная, полная тревог и волнений жизнь. Она решила посвятить себя старшему сыну. Она знала, что сейчас Виталий нуждается в ее поддержке больше, чем все остальные члены семьи — муж, пятилетние близнецы Володя и Нелли.

...Они ложились спать далеко за полночь и вставали на рассвете: ранним поездом уезжали из Пушкина в Москву, чтобы поспеть к началу занятий в Юридическом институте. Мать читала Виталию учебники, конспектировала их, вела записи лекций, разыскивала необходимые журналы. Чтобы помогать сыну, она, по существу, должна была учиться одновременно с ним.

В институте ее знали все — от женщины, принимавшей пальто на вешалке, до профессора. В институтской библиотеке к ней относились с особым вниманием, подбирали необходимые книги, откладывали их: «Это для матери Вердникова». Ее знали и в Библиотеке имени Ленина, куда она приходила с Виталием. Им отводили столик в укромном уголке зала, и Вердникова до позднего вечера вполголоса читала сыну книги. Он сидел сосредоточенный, серьезный, стараясь не пропустить ни одного слова. Ему хотелось познать науку глубоко, полно, не ограничиваясь учебником. Он просил мать читать ему и те книги, которые среди студентов принято называть «необязательной литературой».

Помогала Виталию не только мать. С первых дней учебы он ощутил трогательную заботу о себе всего студенческого коллектива, комсомольской организации. Каждому хотелось помочь Виталию, облегчить и Вердниковой выполнение ее трудной задачи. Друзья Виталия были и друзьями его матери.

Наступили первые экзамены. Первое серьезное испытание и для Виталия и для его матери. Оно было блестяще выдержано. Значит, труды не пропали даром.

Вердникова с гордостью проходила мимо институтской доски отличников учебы: портрет ее сына красовался тут из года в год. Довольная, сидела она где-нибудь в углу аудитории, слушая, как отвечает Виталий на вопросы профессора. А после экзамена профессор, встретив ее в коридоре, хвалил талантливого студента, крепко пожимал руку Вердниковой и в шутку говорил:

— Надо и вам вместе с сыном сдавать экзамены, вместе и диплом получите.

В 1947 году коммунист Виталий Вердников окончил Московский юридический институт и получил диплом с отличием.

Снова, как и пять лет назад, возник вопрос: что делать дальше? Виталию предлагали работу адвоката в Пушкине. Но многие в институте говорили: «Конечно, с такими знаниями, как у Вердникова, нужно идти в аспирантуру».

Друзья советовали: «Не бойся, Виталий. У тебя прекрасные способности. Коллектив поможет. Профессора, преподаватели, партийная организация. И потом у тебя такой помощник, как мать...»

Дома тоже было много разговоров о будущем Виталия. Мать говорила: «Помнишь, как ты сомневался, когда поступал в институт? А получил диплом с отличием. Ты должен стать ученым».

По распоряжению Министерства высшего образования СССР Виталий Вердников был оставлен аспирантом института.

Теперь Вердниковой стало еще тяжелее. Читать приходилось очень много. За время учебы Виталия в аспирантуре она прочла ему более пятидесяти тысяч страниц, вместе с ним изучала французский язык. Наконец аспирантские экзамены были сданы. Но самое трудное еще впереди: защита кандидатской диссертации. Снова библиотеки, томы научных трудов, изучение архивных документов. И всюду они появлялись вдвоем — мать и сын.

По вечерам аспирант диктовал матери диссертационную работу. Бывало, после нескольких часов напряженной работы Виталий вдруг заявлял:

— Мама, порви, пожалуйста, все, что ты написала. Плохо получилось. Начнем сначала...

Соседи по дому удивлялись: откуда у этой женщины, далеко не богатырского сложения, берутся силы для такого напряженного труда? Она успевала вести и домашнее хозяйство, и обшивать младших ребят, и ухаживать за мужем, возвращавшимся с работы поздно вечером.

Близнецы уже перешли в седьмой класс. Володя стал старостой класса, а Нелли — звеньевой пионерского отряда.

— Берите пример со старшего брата,— учила их мать.

...Актовый зал института. Идет защита кандидатской диссертации. Уверенно звучит голос аспиранта. Изредка Виталий поворачивается в сторону, где, как он знает, сидит мать. И продолжает говорить, словно обращаясь к ней, ища у нее поддержки.

Ученый совет единогласно присвоил Виталию Вердникову степень кандидата юридических наук. Профессора, товарищи поздравляли молодого ученого, поздравляли и его мать.

— Вы совершили подвиг,— сказали они ей.

— Я мать и выполняла материнский долг. Но я ничего не смогла бы сделать без помощи друзей Виталия, без помощи коллектива, в котором он учился.

Виталий Вердников работает теперь старшим преподавателем Всесоюзного юридического заочного института. Он женился на подруге детских лет, тоже окончившей вуз и ставшей инженером-строителем. Их четырехлетняя Ирина ходит в детский сад.

Но попрежнему мать не оставляет Виталия. Она читает ему курсовые работы студентов, а он диктует ей рецензии на эти работы. В глубине души Вердникова таит мечту о том, что скоро будет записывать докторскую диссертацию сына.

Депутат Барышевского сельсовета, Новосибирской области, М. И. Хмелева активно участвует в общественной жизни села, работает агитаторо

Фото М. Савина

Передовая работница Пензенского часового завода комсомолка А. Н. Силантьева — контролер по приемке часов с пульсирующего конвейера.
Фото С. Фридлянда

За нашу вечную дружбу!

Беседа с Шандором ЭРДЕИ, зам. министра культуры Венгерской Народной Республики, главой венгерской делегации, гостившей в СССР

— У нас на родине,— сказал тов. Эрдеи,— начавшийся 18 февраля месячник венгеро-советской дружбы проходит как праздник великого и счастливого братства. В дни месячника благодарная Венгрия отметила 23 февраля день рождения доблестной Советской Армии, нашей освободительницы. 9 марта народ поздравит с 60-летием своего любимого героя и вождя, верного друга Советского Союза Матиаса Ракоши. И, наконец, в эти же весенние дни мы празднуем 7-ю годовщину освобождения нашей родины от немецко-фашистских захватчиков.

Все эти даты на фоне месячника дружбы с великой страной социализма сливаются в горячую, братскую манифестацию неразрывного единства венгерского народа в борьбе за мир, демократию, социализм.

В эти дни в тысячах венгерских городов и сел читаются лекции о Советском Союзе. Читают эти лекции, как правило, те люди Венгрии, которые посетили вашу страну,— рабочие, крестьяне, артисты, ученые. Я бывал на таких лекциях — они всегда оставляют сильное впечатление: ведь человек говорит о самом дорогом, о том, почему он любит Советский Союз, о том, что он будет вечно верен дружбе с советским народом.

Вот, например, наша делегация. Трудно передать словами, как мы были счастливы, когда узнали, что едем в Москву. Наш отъезд из Будапешта задержался на день — и все мы места себе не находили от нетерпения. Януш Горбе, бывший рабочий, ныне известный в стране актер и лауреат премии имени Кошута, весь этот день просидел на чемодане и, как он говорил сам, ничем не мог заняться: так он волновался.

Наконец наш поезд отошел от Будапештского вокзала. Мы наперебой поздравляли друг друга. И как же не поздравлять, если началось наконец наше путешествие в страну радости и счастья! О чем мы говорили в эти минуты? Каждый вспоминал свою первую встречу с советскими солдатами, когда они пришли освобождать нас.

Артист Ладани — кстати, он недавно с успехом сыграл роль Воропаева в спектакле «Счастье» — рассказывал нам под шум поезда:

— Только утихла стрельба — я выглянул из-за угла дома и увидел, в первый раз увидел советского солдата! На груди его висел автомат, за поясом — гранаты.

Я сказал ему: «Здравствуйте, товарищ!» Он протянул мне руку и улыбнулся. Тогда я представился ему. «Я актер Ладани»,— сказал я. Он снова улыбнулся и повел меня за собой. Мы пришли в старинный дом, спустились в подвал, и здесь я увидел много советских солдат. Они отдыхали после боя. Кто-то меня спросил, могу ли я выступить. Я растерялся и спросил: «С чем?» Но тотчас сказал: «Да, конечно, могу». Я вспомнил стихи о свободе Венгрии, которые написал Петефи. И я читал их тогда в подвале. Переводчика не было, но, мне кажется, меня поняли...

Наш поезд переехал границу, и с этой минуты нам сопутствовали радости, одна неожиданней другой. Первые же советские люди в городе Чоп сразу узнали артистку Клари Тольнаи: они видели ее в фильме «Огонь». Потом они сказали, что слышали и о Горбе и о Ладани... Всем нам было очень радостно ощутить, что в Советском Союзе венгерское искусство знают, им интересуется каждый человек. Их слова «Добро пожаловать!» звучали как привет искусству народной Венгрии.

На другой станции мы познакомились с советским гражданином лет тринадцати. Он оказался пионером. Узнав о том, что мы из Венгрии, он завел с нами обстоятельную беседу. О, он хорошо знал Венгрию и, на мой взгляд, совсем неплохо разбирался в важнейших событиях, происшедших в нашей стране. Потом он спросил:

— Как поживает товарищ Ракоши?

— Ничего,— говорю,— спасибо. Много работает.

— Это я знаю. У него юбилей скоро.

— Да, шестьдесят лет.

— Увидите — передайте, пожалуйста, мое поздравление,— серьезно сказал он.

— Обязательно передам. А откуда вы знаете товарища Ракоши?

— Ну, как же! Он большой наш друг, это любой пионер знает.

Я никогда не забуду этого разговора. В нашем маленьком собеседнике было столько здоровой, живой детской непосредственности и в то же время угадывались благородные черты замечательного советского интернационализма...

Скоро уже две недели, как мы в СССР. Мы были на Красной площади, в Мавзолее великого Ленина, в клубах московских рабочих, встречались со зрителями перед демонстрацией венгерских фильмов. Об этих встречах хочется рассказать подробнее. Но сначала несколько слов о метро. По эскалатору мы спустились вниз в вестибюль новой станции «Белорусская», проехали несколько остановок и осмотрели станцию «Комсомольская-кольцевая». Скажу прямо: мы были глубоко взволнованы, радостно потрясены. Монументальность архитектурных форм, изящество линий, строгость декоративного оформления оставили у нас неизгладимое впечатление. Новые станций мы осматривали вместе с москвичами, и мы чувствовали себя в эти минуты москвичами. Лица жителей Москвы светились законной радостью и гордостью. Каждый осматривал станции, как хозяин, как прямой участник этого замечательного сооружения нашей эпохи.

— Эти станции рассказывают об облике коммунизма,— убежденно сказал Ладани.

И мы повторили это вслед за ним.

С советскими зрителями мы впервые встретились в кинотеатре «Колизей», который находится на берегу Чистых прудов. Зал был переполнен. Когда нас представили зрителям и Ладани уже готовился произнести речь, вдруг послышались звуки горна и удары в барабан. В зал «Колизея» входили пионеры, сверстники нашего юного собеседника, расспрашивавшего о Ракоши. Пионеры читали стихи на русском языке. Я пока еще плохо знаю его, но я сразу уловил, что в них речь идет и о моей стране. Это всех нас взволновало, и Ладани, начавший свою речь, не мог говорить спокойно. Я, как и другие члены делегации, его хорошо понимал: ведь всем нам в эти дни пришлось впервые в жизни выступать перед такой аудиторией, как советские люди.

Мы не всегда могли в своих речах найти слова, которые передали бы то, что мы чувствуем. Но, выступая, нам не надо было искать пути к сердцу слушателей. Мы говорили как бы со своими родными. Говорили о том, как много значит СССР для воспрянувшей, возвращенной к жизни Венгрии, для нашего народа, нашей литературы, искусства, науки. Мы говорили о своей горячей и преданной любви к великому освободителю Венгрии—товарищу Сталину, который так возвеличил Советский Союз перед всем человечеством. Мы говорили о том, что этой любви нас, венгров, научил человек, который пятнадцать лет провел в фашистских тюрьмах и которого зовут Матиас Ракоши, ученик Сталина.

9 марта нашему товарищу Ракоши исполняется шестьдесят лет. Всю свою жизнь он неустанно борется под знаменем марксизма-ленинизма за счастье Венгрии. Он первым помог понять простому венгерскому труженику, что значит для него самого, для его семьи, для его дома, для его страны неразрывная и вечная дружба с Советским Союзом. Товарищ Ракоши первый разъяснил нашему народу единственный путь для процветания Венгрии — это стать страной развитой, передовой промышленности, и товарищ Ракоши неустанно повторяет, что благодаря дружбе и помощи Советского Союза наша родина становится все крепче и богаче и перед ней раскрываются новые, широкие горизонты, о которых еще недавно никто в Венгрии и не мечтал.

Мы, венгры, никогда не забудем, что Советский Союз спас Венгрию от фашистского рабства, что он спас и жизнь нашего вождя — товарища Ракоши!

Так пусть же крепнет на вечные времена прекрасная дружба наших народов!

9 марта 1952 года исполняется шестьдесят лет Матиасу Ракоши — генеральному секретарю ЦК Венгерской партии трудящихся, заместителю председателя Совета министров Венгерской Народной Республики.

Архитекторы И. Ф. Михайлов (слева) и А. И. Попов у макета нового города.

Фото С. Курунина

Город строителей

Один за другим из Сталинграда на левый берег Волги переезжают отделы управления «Сталинградгидростроя». Они размещаются там, в новом городе, который растет у створа будущей плотины. Еще совсем недавно здесь была голая степь. Ветры носили над ней, не встречая преград, летом — тучи песка, зимой — густую снежную пыль. Только гудок парохода с Волги нарушал тишину этих пустынных мест.

Теперь в степи выросли обсаженные деревьями и кустарниками каменные здания, которые образуют прямые и широкие улицы. Строятся корпуса предприятий.

На днях в Сталинграде побывали авторы проекта — руководители мастерских Гипрогора РСФСР Н. Н. Ратько и В. Н. Гугель, а также архитекторы А. И. Попов и И. Ф. Михайлов. Они продемонстрировали строителям макет центральной части нового города.

...С берега реки Ахтубы к бульвару верхней террасы набережной ведет гранитная лестница шириной в 10 метров. В центре бульвара — круглая площадь, обрамленная деревьями и кустарниками. Здесь будет воздвигнут монумент, посвященный героическому труду строителей Сталинградского гидроузла.

От площади начинается одна из главных улиц города, прямая и широкая. Магистраль устремляется к центральной городской площади с большим зданием Дворца культуры. Этот Дворец, строительство которого уже начато и должно быть закончено в нынешнем году, будет иметь зрительный зал на 800 мест, оборудованную по последнему слову техники обширную сцену, малый зал, библиотеку-читальню с большим книгохранилищем, аудитории, специальные комнаты для кружков художественной самодеятельности, гостиные и помещения для отдыха. Дворец примыкает к парку культуры и отдыха, который сейчас разбивается на площади в 13 гектаров. Справа от площади — здание городского совета с восьмиэтажной башней, увенчанной шпилем.

Центральную площадь пересекает улица, которая застраивается трехэтажными зданиями. Свое начало эта магистраль берет от площади, где сейчас возводятся два административных здания «Сталинградгидростроя».

— В городе будет много зелени,— рассказывает архитектор В. Н. Гугель.— Асфальт покроет его улицы и площади, зелень защитит от суховеев. Воздух будет напоен ароматом цветников и клумб, а в знойные дни освежен мягким ветром со Сталинградского моря — водохранилища гидроэлектростанции. Через три года все, что изображено на нашем макете, станет действительностью — замечательным городом.

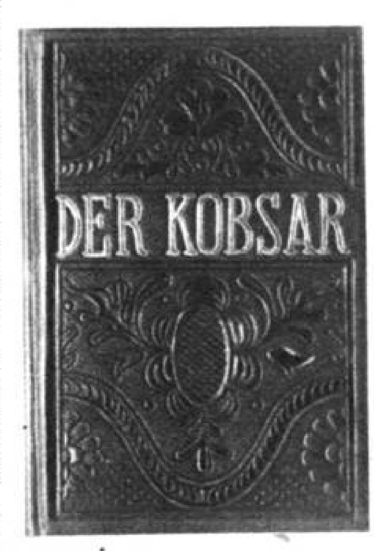
А. ЭВЕНТОВ

«Кобзарь» на немецком языке

В московском издательстве литературы на иностранных языках вышел «Кобзарь» Тараса Шевченко на немецком языке. В двух изящно оформленных томах, иллюстрированных работами самого Шевченко, представлены стихи и поэмы великого украинского поэта в переводах Эриха Вайнерта, Альфреда Куреллы и других.

О жизни и творчестве Шевченко рассказывает обстоятельное предисловие Ал. Дейча, который совместно с А. Куреллой является редактором переводов.

Это — первое полное издание «Кобзаря» на немецком языке. До сих пор существовали лишь отдельные переводы немногих стихов Шевченко, печатавшиеся в разных журналах и газетах. Эти переводы были неточны и не воспроизводили сложных ритмов шевченковского стиха, прекрасно переданных размерами, близкими к народной песне, в только что вышедшем издании.

«Кобзарь» на немецком языке займет достойное место в ряду других переводов произведений Тараса Шевченко, вышедших на 36 языках и изданных 7-миллионным тиражом.

В совхозе имени Орджоникидзе, Халданского района. Самолет загружают минеральными удобрениями.

Фото М. Фришмана

Над полями Азербайджана

Недавно с бакинского аэродрома поднялась в воздух группа легкомоторных самолетов. Веером разошлись их пути. Пилоты взяли курс в зерновые районы Азербайджана.

...На юг пришла весна, наступило оживление на полях. Колхозники Азербайджана начали подкормку озимой пшеницы минеральными удобрениями. В этом им активно помогает сельскохозяйственная авиация. В колхозах и совхозах радушно встретили пилотов; в помощь им были выделены опытные работники, заблаговременно заготовлены удобрения.

В зерносовхоз имени Орджоникидзе, Халданского района, прибыли молодые пилоты И. Воробьев, В. Касатов, И. Слатвинский и Е. Кожарский. Еще в Баку, готовясь к началу работ, они вместе с другими летчиками прошли подготовку на специальных сборах, участвовали в тренировочных полетах.

Поднял в воздух свой «ПО-2» пилот В. Касатов. Самолет пролетает низко над землей, оставляя густой шлейф. Удобрения равномерно оседают на посевах. Пролетев над сигнальщиком, стоящим в конце поля, самолет делает круг и держит курс на второго сигнальщика, уже передвинувшегося в сторону. Подобно челноку, из конца в конец огромного земельного массива движется самолет до тех пор, пока не кончится запас удобрений. Тогда «ПО-2» приземляется на расположенной рядом площадке, которую в совхозе громко называют аэродромом.

В первые же дни пилоты сельскохозяйственной авиации обработали в совхозе имени Орджоникидзе, Халданского района, несколько тысяч гектаров посевов. Так же успешно идет подкормка озимой пшеницы во многих зерновых районах Азербайджана, где работают пилоты А. Тагиев, А. Амирханов и другие.

А. КИКНАДЗЕ

Семья Аникеева

В. Холин, А. П. Аникеев, А. Холин, С. Аникеев и Н. Аникеев.

Фото В. Лупейко

В Минске, городе, переживающем свою вторую молодость, профессия строителя — одна из самых почетных. Гордится своей профессией и потомственный мозаичник Андрей Петрович Аникеев. В одном только Минске, по меньшей мере, пятьдесят домов строилось при его участии. Любовь к градостроительству Андрей Петрович передал всей своей семье. Восстановлением столицы Белоруссии занят старший сын — Семен. После войны один за другим вернулись к мирной профессии и второй сын, Иван, и два зятя — однофамильцы Холины. Три года назад впервые поднялся на строительные леса и младший сын Андрея Петровича — Николай.

Каждый из членов этой замечательной семьи строителей освоил несколько специальностей. Все они в совершенстве владеют мозаичным делом. Самые тонкие мозаичные работы поручаются обычно А. П. Аникееву и его сыновьям. Они облицовывали колоннады зданий на центральных магистралях и площадях, устанавливали арматуру многоэтажных домов по Московскому шоссе, Логойскому тракту...

В минувшее воскресенье среди праздничной толпы минчан встретили мы Андрея Петровича со всей его семьей — не было только Ивана, находившегося в командировке.

Всякому отрадно видеть, как растет и хорошеет родной город, а вдвойне приятно видеть это строителям!

В. ПОНОМАРЕВ

Накануне первой навигации

Слушатели курсов знакомятся с моделью пассажирского дизельного электрохода для Большой Волги.

Фото Н. Капелюша

В Горьковском речном училище недавно закончилась учеба на курсах для капитанов и штурманов, которым предстоит водить суда по Волго-Донскому пути. Опытные судоводители с большим интересом слушали лекции крупных специалистов, внимательно изучали богатый опыт эксплуатации канала имени Москвы, лоцманскую карту Цимлянского моря и многое другое. Главный инспектор службы пути канала имени Москвы В. П. Прокопенко познакомил слушателей с условиями плавания в Московском и Цимлянском морях.

Как известно, на канале Волго-Дон будут применяться новинки современной техники — автоматика и телемеханика при шлюзовании судов, в управлении работой насосных станций и т. п. Слушатели курсов детально знакомились со всем этим. Капитаны приняли обязательство образцово подготовить суда к первой навигации на Волго-Доне.

А. ЛИТВИН

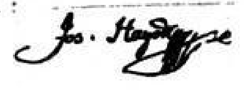
Иосиф Гайдн

(К 220-летию со дня рождения)

Слушатели концертов, знакомые с биографией австрийского композитора Иосифа Гайдна, не раз задавались вопросом: откуда в его музыке, живущей почти два столетия, столько неиссякаемого оптимизма, жизнерадостности? Ведь жизненный путь его отнюдь не был легким. Сам Гайдн в автобиографии писал: «Я шел путем самой горькой, безвыходной нужды...» Действительно, лишь на склоне лет, подходя к седьмому десятку, Гайдн приобрел признание, почет и громкую славу.

Сын бедного сельского ремесленника, Иосиф Гайдн (1732—1809) с пятилетнего возраста был оторван от семьи, сделавшись учеником-певчим в одной из провинциальных школ. Восьми лет от роду он уже пел в соборной капелле в Вене. О своем детстве Гайдн впоследствии говорил, что в те годы он видел больше побоев, нежели еды... В годы юности он сделался уличным музыкантом, и только с 1761 года Гайдн получил постоянную работу капельмейстера в капелле князя Эстергази. Впоследствии уже всемирноизвестный композитор писал своей ученице: «Как сладок вкус свободы! Сознание того, что я больше не крепостной лакей, вознаграждает меня за все трудности...»

Иосиф Гайдн.

Почему же, действительно, так невозмутимо радостно творчество этого замечательного мастера? Источник этого нужно искать в глубоком демократизме самой природы этого художника. Гайдн всегда горячо любил свой обездоленный народ. «Часто,— писал он,— когда я боролся с препятствиями... ощущал упадок сил, и мне становилось тяжело, — тайный голос шептал мне: в этом мире так мало довольных и счастливых людей... твоя работа, может быть, иногда послужит источником, из которого обремененный заботой, усталый путник будет черпать отдохновение и бодрость».

Историческое значение музыки Гайдна поистине огромно. Это был один из первых композиторов XVIII века, чье творчество было тесно связано с народным бытом, с искусством народа, его песенностью. Произведения Гайдна, светлые и сердечные, всегда были доступны, близки и дороги демократической публике. «Это идеальный язык правды, живой и вполне связный во всех своих частях»,— писал Гете о музыке Гайдна.

Творческое наследие Гайдна поразительно велико. Число симфоний, где точно установлено его авторство,— 104. Это непревзойденная в истории музыки цифра. Около 30 музыкально-драматических произведений, 3 оратории, свыше 150 квартетов, трио и квинтетов, много десятков инструментальных концертов, дивертисментов, увертюр, 34 фортепианные сонаты и десятки других пьес для фортепиано, множество камерно-вокальных сочинений и обработка народных песен — трудно поверить, что все это создано одним человеком, да еще творившим в таких тяжелых условиях жизни.

Гайдн жил в знаменательную для искусства эпоху. В юные его годы еще жили и творили Бах и Гендель. Гайдн был другом безвременно сошедшего в могилу Моцарта и — в последние годы своей жизни — учителем юного Бетховена. В этом созвездии ярчайших имен западноевропейской музыки Гайдн по праву занимает почетное место.

С. КОРЕВ

Новые растения

В Гульрипшском районе Абхазии, у реки Келасури, расположена Сухумская зональная опытная станция Всесоюзного научно-исследовательского института синтетических и натуральных душистых веществ Главпарфюмера СССР. Здесь, в специальных оранжереях и лабораториях, коллектив научных сотрудников разрабатывает агротехнику эфиромасличных культур: герани, лимонного сорго, пачули, туберозы, крупноцветного жасмина и других эфироносов.

Интересны исследования тропического растения ветиверии. Эта теплолюбивая культура обладает ценным эфирным маслом, которое включается в состав многих духов. На зональной станции разрабатывают методы выращивания ветиверии на различных почвах.

На снимке: заведующий одним из отделов станции тов. Ю. Читанава (справа) и агротехник Н. Чихладзе осматривают новый субтропический эфиронос — ветиверию.

Фото С. Короткова

Интересный вечер

На сцене Париж 1832 года. Баррикада. Маленький Гаврош с корзинкой перебирается через баррикаду. В патронташах убитых он собирает патроны для тех, кто продолжает сражаться. Он дразнит своих врагов дерзкой, веселой песней, но внезапно падает, сраженный пулями душителей свободы.

Над баррикадой взлетает красное знамя. Революционеры запевают «Марсельезу».

— Да здравствует Французская революция! Да здравствует Республика! Долой правительство!

И песня и лозунги звучат на французском языке. В зале отлично понимают их и встречают аплодисментами.

Мы в Москве, на Плющихе, в обычной советской школе. Роль Гавроша исполняет ученица 8-го класса «Г» Софа Климовицкая.

150-летию со дня рождения великого писателя Франции Виктора Гюго восьмиклассницы 34-й московской школы решили посвятить специальный вечер. Они договорились, что вечер будет проведен на французском языке.

Вступительное слово произнесла Неля Хотимская.

— Мы, советская молодежь, ценим в Викторе Гюго, великом писателе и борце за мир, его веру в будущее, веру в народ,— сказала она по-французски.

Оля Степанова, Рита Петрова, Рита Прохорова и другие прочли стихи В. Гюго «Прекрасная Франция», «Расстрел коммунаров», «На баррикаде». Лера Бережная и Ира Гилевич показали сцену встречи Жана Вальжана и Козетты у ручья из романа «Отверженные».

Высокая девочка с косичками взволнованно и задушевно прочла на русском языке стихи:

А ночь все так же наступает,
Прекрасна и тиха она.
Холодным пламенем пылает
Средь звезд красавица-луна.

И под ее волшебным светом
Идет мой сеятель вперед.
Мне чудится, что он при этом
Рукой до неба достает.

Это Ада Якушева знакомила подруг со своим бесхитростным по форме, но согретым неподдельной искренностью переводом стихотворения В. Гюго.

Сцена из инсценировки «Отверженные». В роли Гавроша Софа Климовицкая.

Фото Я. Рюмкина

Вечер окончен. Девочки окружили учительницу французского языка Нину Христофоровну Числиеву, которая вместе с ученицами организовала этот интересный вечер.

З. КРАХМАЛЬНИКОВА

Солнечное затмение

Утро 25 февраля. В синем небе Средней Азии сияет яркое Солнце. Ничто не предвещает наступления редкого небесного явления — полного затмения Солнца. Однако астрономы уже за много лет знали о нем. Они давно готовились к тому, чтобы в течение двух минут, пока Луна заслонит ослепительный диск и будет видна его прекрасная корона, сделать еще один шаг на пути к познанию процессов, происходящих в самых верхних слоях нашего дневного светила.

Солнечная корона простирается на миллионы километров. Плотность ее так мала, что если бы увеличить ее до плотности земной атмосферы, то вся корона сжалась бы в слой миллиметровой толщины. Тонкие детали строения короны могут изучаться лишь во время полного солнечного затмения.

В глубокой древности человек не знал, отчего происходят затмения. Они вызывали страх и смятение, их считали предвестниками всевозможных бедствий. В древнем Китае и Индии затмение изображалось в виде страшного дракона, пожирающего Солнце, и главной задачей своей астрономы считали спасение светила. Чтоб отогнать дракона, устраивали страшный шум, били в гонг, произносили различные заклинания.

Прошли века. Астрономы не только узнали, отчего происходит затмение, но и научились предсказывать момент его наступления с точностью до секунды.

25 февраля этого года лунная тень скользнула по Земле. Она коснулась планеты в Атлантическом океане около экватора и помчалась на восток, заворачивая к северу. На территорию СССР она вступила недалеко от Ашхабада, пересекла Аму-Дарью около Туркуля, Сыр-Дарью около Чинили, пробежала чуть-чуть южнее Семипалатинска и покинула Землю немного западнее озера Байкал. От Ашхабада до Байкала тень пробежала за 22 минуты, быстрее, чем летит реактивный самолет. Пятнышко лунной тени на поверхности Земли имеет поперечник около 100 километров. Так же узка и полоса, где видно полное солнечное затмение.

На огромных пространствах вокруг можно наблюдать частное затмение, но оно не представляет большого научного интереса.

Свыше десяти экспедиций астрономов и физиков съехалось в полосу полного затмения. Они привезли с собой многочисленные приборы: коронографы — телескопы, специально предназначенные для фотографирования короны,— различные спектрографы для изучения спектра верхних слоев солнечной атмосферы, фотометры, радиоаппаратуру.

Последние минуты перед затмением. Заряжаются кассеты. В последний раз проверяются четкость и безотказность действия всех механизмов, точность настройки приборов. На аэродроме Алма-Аты готовится к необычному рейсу самолет: ему предстоит подняться высоко в воздух и, оставив внизу запыленную атмосферу, полететь вдоль полосы затмения в погоне за лунной тенью.

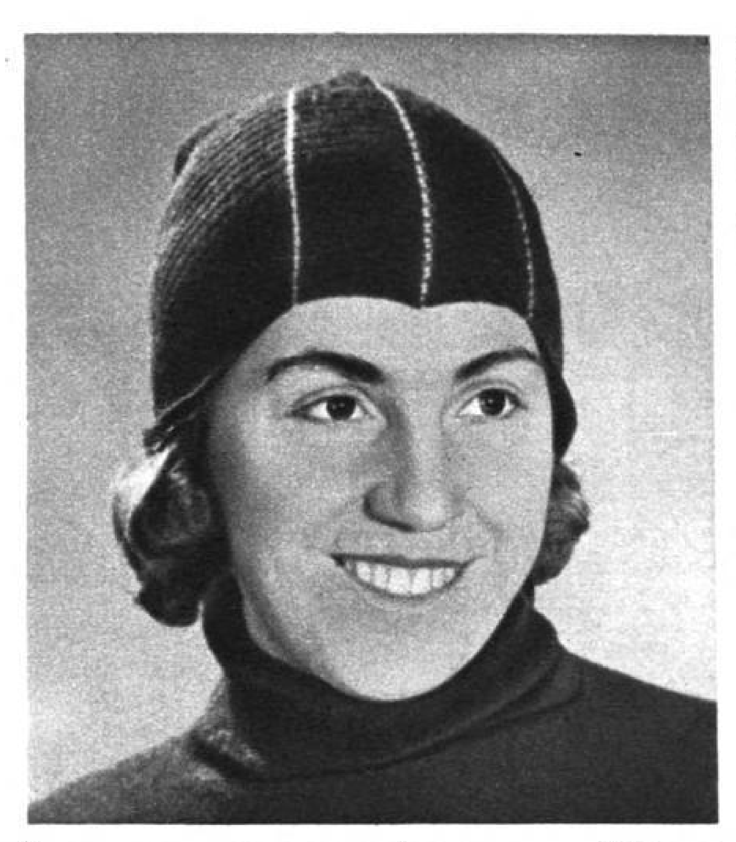
Вот на правом краю Солнца появляется ущерб. Он медленно растет, и Солнце принимает форму серпа. Освещение заметно меркнет. Небо делается свинцово-серым, и «средь бела дня» наступают сумерки. Становится прохладнее. Все кругом принимает странный, таинственный вид... Миг — и Солнце скрывается полностью. На потемневшем небе зажигаются звезды, а на месте Солнца виден черный диск, окруженный лучистым сиянием — солнечной короной. Это — необыкновенно красивое зрелище, которое оставляет неизгладимое впечатление.

Однако астрономы, занятые у своих приборов, иногда не имеют возможности даже взглянуть на небо. Открываются и закрываются кассеты, сменяются светофильтры, записываются показания приборов. Пробегают считанные секунды, и снова появляется край Солнца в виде ослепительно яркого серпа. Корона исчезает, звезды гаснут, и еще через час в небе все, как обычно.

Одинаковые длиннофокусные коронографы советской конструкции, установленные в разных местах вдоль полосы затмения, в крупном масштабе запечатлели корону. В Арчмане, около Ашхабада, где находилась экспедиция Астрономического института имени Штернберга, светосильным спектрографом получен снимок спектра внешней короны, а в Чинили экспедиция Пулковской обсерватории получила спектр внутренней, более близкой к Солнцу части короны. Разнообразные фотометрические наблюдения: измерения суммарного света короны, ее цвета, яркости неба вокруг затмившегося светила — были произведены экспедицией Астрономической обсерватории Ленинградского университета близ Туркуля, на берегу Аму-Дарьи.

Л. РАДЛОВА,
кандидат физико-математических наук

Чемпион мира по скоростному бегу на коньках 1952 года, заслуженный мастер спорта ленинградка Лидия Селихова («Зенит»).

Фото А. Бурдукова

Лидия Селихова — чемпион мира

От специального корреспондента «Огонька»

В нынешнем году соревнования на первенство мира по скоростному бегу на коньках среди женщин проводились в городе Коккола. У многих может возникнуть вопрос: почему ареной для встречи сильнейших женщин-конькобежцев стал каток небольшого города на севере Финляндии?

Обычно состязания на первенство мира или Европы устраиваются на родине чемпионов. В прошлом году чемпионом мира по конькам стала финская спортсменка Эви Хуттунен.

Тихий, аккуратный город Коккола, насчитывающий около 14 тысяч жителей, заметно оживился в эти дни. Сюда съехались гости не только со всех концов Финляндии, но из Швеции и Норвегии.

После приезда наша команда в составе восьми человек: Риммы Жуковой, Татьяны Карелиной, Лидии Селиховой, Нины Авдониной, Ольги Акифьевой, Марианны Валововой, Натальи Донченко и Марии Аникановой — провела тренировку на местном катке, познакомилась со льдом.

Небольшой стадион с хорошей ледяной дорожкой произвел на нас благоприятное впечатление. Нужно заметить, что лед здесь готовят более совершенным способом, чем, скажем, на катке норвежского городка Конгсберга, где три года назад разыгрывались соревнования на первенство мира. Тогда мне бросилась в глаза какая-то допотопная система заливки дорожки. Двое рабочих на санках везли большую бочку с водой. Добравшись до нужного им места, они опрокидывали ее на лед, а двое других рабочих движками «растаскивали» воду по дорожке.

Я подробно рассказываю обо всем этом потому, что хорошо подготовленная ледяная дорожка во многом способствует достижению высоких результатов. Могу засвидетельствовать, что таких дорожек, какие делаются на наших катках, за рубежом не сыскать.

На улицах Коккола советских спортсменов тепло приветствовали. С нами раскланивались так, словно мы старые знакомые. В нашем лице рабочие и трудовая интеллигенция видели посланцев страны мира, людей доброй воли.

В канун открытия соревнований, вечером, по улицам Кокколы было устроено торжественное шествие с факелами и сожжен фейерверк в честь участников всемирного чемпионата. Затем на центральной площади губернатор обратился с приветствием к спортсменам на русском, финском, норвежском и шведском языках.

Состязания начались в субботу 1 марта. Первенство оспаривали спортсменки СССР, Финляндии, Швеции и Норвегии. Нам было известно, что чемпионка Норвегии Ранди Турвальдсен и чемпионка Финляндии Эви Хуттунен прекрасно подготовились к состязаниям. Обе они знакомы советским зрителям по выступлениям на московском стадионе «Динамо» в 1950 году. За прошедшие два года Турвальдсен и Хуттунен заметно улучшили технику бега. Турвальдсен приехала вместе со своим тренером, видным в прошлом скороходом Хаконом Педерсеном.

Жребий свел в первой же паре на 500 метров Турвальдсен и Донченко. Обе они славятся своим умением бежать эту короткую дистанцию.

Победила студентка Горьковского педагогического института иностранных языков Наталья Донченко. Ее результат — 50,4 секунды — остался лучшим. Турвальдсен, пробежавшая 500 метров за 50,8 секунды, заняла третье место; второе место осталось за ленинградкой Л. Селиховой, проигравшей Донченко одну десятую секунды.

Неудача постигла абсолютного чемпиона СССР Римму Жукову. Она, как говорят конькобежцы, «приземлилась», сбилась с темпа и потеряла драгоценное время.

Нужно заметить, что погода не благоприятствовала конькобежцам. Дул сильный ветер, с неба сыпалась «крупа», катиться по льду было трудно.

Следующая дистанция — 3 тысячи метров. Тут победу одержала москвичка Мария Аниканова. Ее результат — 5 минут 41,5 секунды. Второй была Селихова, третьей — Хуттунен.

В итоге первого дня состязаний обе дистанции выиграны советскими спортсменками.

На другой день погода несколько улучшилась. Народу на стадионе собралось столько, что создалось впечатление, будто все жители города пришли на каток. Появление на разминочной дорожке наших спортсменок в синих тренировочных костюмах с вышитыми на них четырьмя белыми буквами — СССР — вызвало гром аплодисментов.

В первой паре на тысячу метров бежали Турвальдсен и Валовова. Результат Турвальдсен — 1 минута 44,5 секунды. Валовова проиграла ей 3 секунды. На старте — Селихова и Донченко. Селихова сумела пройти километр быстрее всех — за 1 минуту 43 секунды. Второе место заняла Жукова, третье — Турвальдсен.

После короткого перерыва начались забеги на 5 тысяч метров.

Самым ярким событием состязаний была встреча Жуковой и Хуттунен. Шесть кругов спортсменки шли ровно. Ни той, ни другой не удалось добиться преимущества. На седьмом круге Жукова делает рывок и уходит метров на десять вперед. Хуттунен прилагает огромные усилия, чтобы снова приблизиться к Жуковой. За два круга до финиша Хуттунен делает еще одну попытку прибавить скорость, но догнать Жукову уже не может. Трудно передать, что в это время творилось на стадионе. Поднялся невероятный шум, спортсменки не слышали реплик своих тренеров.

Первой пересекла финишную черту Жукова. Ее время — 9 минут 32,4 секунды — никто не мог превзойти. Второй результат у Хуттунен — 9 минут 33,1 секунды.

Исход состязаний за звание чемпиона мира для Селиховой и Аникановой решался именно на этой дистанции.

Стартовали они вместе. Для того чтобы занять общее первое место, Аникановой нужно было выиграть у Селиховой 12 секунд. После восьми кругов Аниканова «отыграла» 8 секунд, но не выдержала темпа. И хотя она финишировала первой, по сумме четырех дистанций первое место уступила Селиховой.

Лидия Селихова, набравшая 217,813 очка, заняла общее первое место. На втором — Мария Аниканова, на третьем — Ранди Турвальдсен, на четвертом — Римма Жукова, на пятом — Эви Хуттунен. Последующие пять мест заняли наши спортсменки. Из тринадцати медалей советским спортсменкам вручено девять.

На стадионе наступает торжественная минута. Чемпиона мира по скоростному бегу на коньках 1952 года Лидию Селихову венчают лавровым венком и золотой медалью. Над стадионом разносятся звуки Государственного гимна СССР, на флагштоке поднимают красный флаг с серпом и молотом в ознаменование победы спортсменки Советского Союза. Она совершает круг почета. Громовое русское «ура!» несется ей вслед. Так финны приветствовали победу Селиховой.

Советские женщины-конькобежцы одержали новую блестящую победу, выиграв звание чемпиона мира, и оказались победителями по всем четырем дистанциям.

И. АНИКАНОВ,
заслуженный мастер спорта

Коккола, март.

Во славу любимой Родины

Беседа с чемпионом мира по конькам Лидией Селиховой

Три года подряд — в 1948, 1949 и 1950 — чемпионом мира по скоростному бегу на коньках среди женщин была москвичка Мария Исакова. В прошлом году чемпионом стала финская спортсменка Эви Хуттунен. (Советские спортсменки не принимали участия в чемпионате.) Приятно сознавать, что теперь вновь золотая медаль и лавровый венок вручены советской спортсменке.

На коньках я начала бегать пятнадцать лет назад. В 1939 году в Архангельске проводились всесоюзные юношеские соревнования. Тогда мне удалось занять первое место. Тренировалась под руководством Д. Косицина. Впоследствии мне довелось участвовать во многих крупнейших состязаниях, в том числе и в мировых чемпионатах. Сейчас я тренируюсь у заслуженного мастера спорта Евгения Сопова.

Закончившиеся на прошлой неделе соревнования на первенство мира прошли в острой спортивной борьбе. Всем нам пришлось приложить немало усилий, чтобы добиться победы. Мне удалось занять первое место в беге на 1 000 метров, вторые — на 500 и 3 000 метров, четвертое — на 5 000 метров.

Своими выступлениями за рубежом мы еще раз доказали, что советские спортсменки сильнейшие в мире.

Я безгранично счастлива, что мне удалось завоевать почетное звание чемпиона мира, оправдать высокое доверие любимой Родины.

Заслуженный мастер спорта москвичка Мария Аниканова («Спартак»), занявшая второе место.

Фото О. Кнорринга

Чемпион Норвегии Ранди Турвальдсен, занявшая третье место.

Успех молодежи

Закончились всесоюзные соревнования фигуристов

Пять дней на московском стадионе «Динамо» продолжались соревнования на первенство Советского Союза по фигурному катанию. Эти состязания знаменательны решительным наступлением молодежи. Особенно удачно выступали юные воспитанники школы фигурного катания стадиона «Юных пионеров» в Москве. Уже несколько лет заслуженный мастер спорта Татьяна Гранаткина готовит здесь молодежь. Ее питомцы Марина Гранаткина, Александра Нарядчикова, Станислава Лясотович, десятилетняя Ира Голощапова показали себя зрелыми спортсменками. Их исполнение вызвало шумное одобрение на трибунах. Все они, за исключением Нарядчиковой, — учащиеся средних школ столицы. Александра Нарядчикова учится на чертежно-конструкторских курсах. Кататься она начала очень рано. Любопытно, что Нарядчикова выросла на стадионе, где до сих пор работает ее мать.

Впервые звание чемпионов СССР в парном фигурном катании завоевали молодые спортсмены Марина Гранаткина и Валентин Захаров.

Фото А. Бочинина

Если у женщин-мастеров звание чемпиона страны в шестой раз завоевала известная фигуристка москвичка Юлия Николаева, то у мужчин победил восемнадцатилетний рабочий стадиона «Динамо» в Уфе Иван Митрущенков. Тренер Митрущенкова — М. Трифонов. Минувшим летом новый чемпион СССР играл в детской футбольной команде. В соревнованиях по фигурному катанию он выступает с шестнадцати лет. Катание Митрущенкова поражает своей смелостью и энергией.

Второе место присуждено одному из старейших фигуристов, москвичу Сергею Васильеву, третье — восемнадцатилетнему студенту Валентину Захарову. В его катании радуют красота, изящество движений. Он воспитанник ленинградского Дворца пионеров. Его тренировал мастер спорта П. Орлов.

Мастер спорта А. ПИСКАРЕВ

В ГОРОДЕ ГРУЗИНСКИХ МЕТАЛЛУРГОВ

Вот он, молодой социалистический город Рустави!

И. МЕСХИ

Фото М. Квирикашвили и С. Короткова

Когда Шалва Кухалейшвили жил в Сванетии, он не знал даже названия города, в котором теперь работает. Не знал потому, что это было лет восемь тому назад и города еще не существовало.

Но вот в Грузии началось строительство металлургического завода. Шалва спустился со снежных вершин Сванетии. Он поехал в Таганрог учиться мастерству сталевара. Пока он учился в Таганроге, на его родине строили город и возводили заводские цехи.

Кухалейшвили вернулся ко времени пуска мартеновского цеха. На его долю выпала большая честь: 27 апреля 1950 года он выдал первую плавку первой грузинской стали. В этот день в мастерской художественного литья отлили барельеф товарища И. В. Сталина. Барельеф послали в Москву.

С тех пор прошло почти два года. Шалва Кухалейшвили и его товарищи — Георгий Сигуа, Важа Гигиберия — стали знатными людьми завода. В новые цехи прибыли новые люди: Роман Рижамадзе, бывший колхозник,— в Сталинграде, на заводе «Красный Октябрь», он овладел специальностью вальцовщика прокатного стана; Владимир Кервалидзе, физкультурный работник, вернулся из города Жданова, где получил квалификацию оператора прокатного стана. Многие грузинские юноши перенимали мастерство у русских потомственных металлургов.

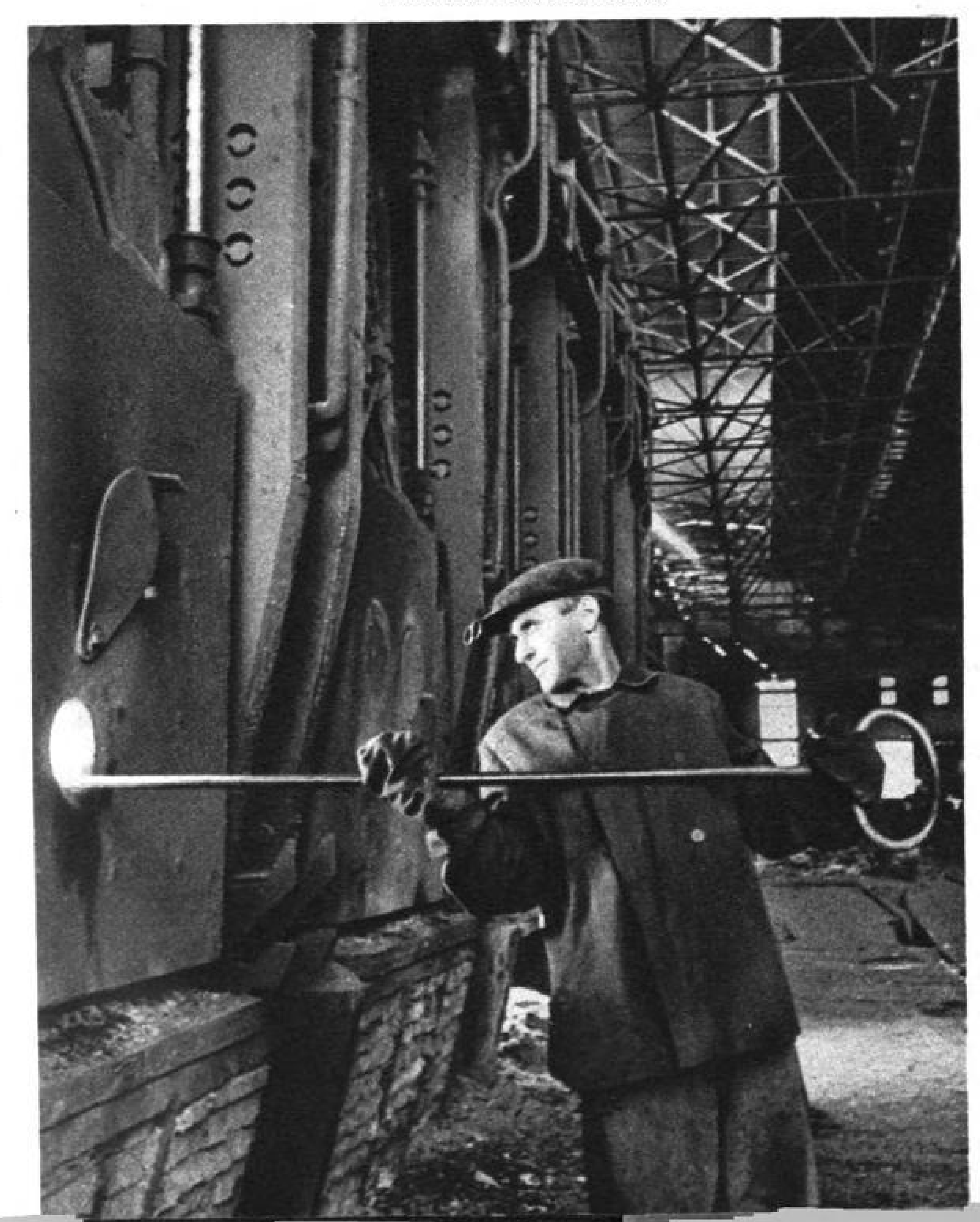
Отечественная индустрия вооружила грузинских металлургов новейшей, первоклассной техникой. В цехе протяженностью около километра, где стоит конвейер мощных станов, мы почти не видели рабочих у прокатного поля. Все процессы труда, от нагрева блумсов до отправки заготовки на склад, полностью механизированы и автоматизированы. Люди сидят в кабинах и отсюда руководят всем процессом проката.

В Грузии, никогда не имевшей своей металлургии и своих металлургов, создано предприятие, которое скоро будет давать стране стальные трубы.

Вокруг завода вырос новый промышленный город Рустави — гордость республики, свидетельство ее возросшей зрелости.

Пройдите сегодня по улицам города. Кое-где еще лежат груды строительного мусора, и, быть может, вам придется плутать по необжитым внутриквартальным проездам. На улице Строителей вы увидите стандартные двухэтажные домики, изготовленные из уральского леса; они прибыли сюда вместе с первыми строителями завода — челябинцами. Но дальше, за этими домами, напоминающими о первых днях стройки, начинается Рустави — город красивых каменных зданий, изящных домиков, город со своей, только ему присущей архитектурой. Разнообразные арки, висячие балконы, орнамент — все это делает каждый домик непохожим на своего соседа.

Сталевар Георгий Сигуа.

Магазин в Рустави.

Рустави строит вся республика. Изо всех уголков Грузии едут сюда целыми семьями. На улице Строителей в новом доме поселилась недавно семья колхозника Хведелидзе, приехавшая в Рустави из горной Имеретии.

«Несмотря на преклонные годы,— писал старый крестьянин в Руставский городской комитет партии,— я хочу вместе со своей семьей вложить силы в великое строительство грузинского народа».

Все одиннадцать членов семьи Хведелидзе работают здесь или учатся в школах города.

Не так давно на Центральном проспекте был выстроен самый большой в Рустави, 52-квартирный дом. Интересна судьба строителей этого дома.

Глеб Валдеит и Николай Мезурнишвили — два друга из Тбилисского строительного техникума. Друзья вместе поступили в грузинский Политехнический институт имени Кирова, окончили его и разлучились: пришлось работать на разных стройках страны. И вот они вновь встретились в Рустави. Глеб — начальник участка, а Николай — прораб на этом же участке.

В январе Рустави исполнилось только четыре года. А как он вырос! Девять школ, с полсотни магазинов, большой мост через Куру, прекрасное трехэтажное здание поликлиники, свой городской музей... Рустави строился на выжженной солнцем долине. Сейчас здесь появилось много зелени и уже не так буйствуют суховеи,— им преграждён путь зелеными полосами. На Центральном проспекте появились многолетние платаны и вечнозеленые кедры, вывезенные из Западной Грузии. В зеленом питомнике выращивается свыше полумиллиона саженцев деревьев и кустов.

Хорошеет с каждым днем новый город грузинских металлургов. «Новый» — это не совсем точно. Летописцы повествуют, что когда-то здесь, близ древней Руставской крепости, на берегу Куры, стоял город. От крепости берет свое начало построенный много веков назад оросительный канал; он идет в безводную Караязскую степь. Канал этот, собственно, и дал название городу: ру — по-грузински канал, тави — голова. Рустави — голова канала, его головное сооружение.

В здешних местах некогда бурлила жизнь. Но земля схоронила все следы былого города. Прошлое Рустави открылось науке вместе с его вторым рождением. Когда экскаваторы стали поднимать пласты земли, с разных концов стройки поступали донесения:

— Нашли медные монеты!

— Наткнулись на каменное погребение!

— Обнаружен глиняный сосуд!

На стройку были вызваны ученые. Тут же, на территории воздвигающегося города, начались археологические раскопки. Надо было торопиться, чтобы не мешать строителям. Все горожане — и стар и млад — приняли участие в этом увлекательном деле.

Археологи определили, что город существовал еще во втором тысячелетии до нашей эры. На территории нынешнего социалистического города был городской квартал. Как видно, он сооружался не один раз на развалинах старого. Последний, верхний слой XIII—XIV веков сохранился так хорошо, что в одном из домов нашли очаг с котелком, в котором лежали остатки пищи. По сохранившимся скелетам ученые прочитали страницы разыгравшейся здесь много веков назад трагической истории внезапного и жестокого разрушения города варварскими племенами. С тех пор старый Рустави уже не восстанавливался.

И вот сюда вернулась жизнь, молодая, сильная, радостная. Видавшая виды Руставская крепость впервые стала свидетельницей необычного для этого края пейзажа: задымили заводские трубы, и глухая степь озарилась морем электрических огней. Пришли люди, вдохновленные великой идеей строительства нового, коммунистического общества, люди, изменяющие лицо республики.

Судьба Вити Коваля

Уважаемая редакция «Огонька»!

Осматривая Выставку подарков товарищу И. В. Сталину, я обратил внимание на взволновавший меня скромный подарок маленького гражданина нашей Родины — Вити Коваля. Под стеклом лежало небольшое полотно, на котором детскими руками был вышит текст письма витиного отца, погибшего в бою с фашистскими захватчиками. К полотну приколото подлинное письмо:

«Дорогой сын Витя! Иду в бой, думаю о тебе. Если погибну, о жизни твоей позаботится великий Сталин.

Твой папа».

Все мы знаем, как наша Родина-мать заботится о детях погибших воинов. Мне хотелось бы узнать о дальнейшей судьбе Вити Коваля. Где он сейчас, чем занимается, каковы его успехи в работе или учебе.

Если представится такая возможность, прошу рассказать об этом на страницах «Огонька».

Старший лейтенант И. Подгурский.

Редакция исполняет просьбу тов. Подгурского.

15 декабря 1944 года бывший работник одесского пробочного завода «Большевик», младший сержант Никифор Коваль готовился к бою с фашистскими захватчиками. Перед боем он написал своему сыну Виктору то самое письмо, которое увидел на Выставке подарков И. В. Сталину офицер И. Подгурский.

Больше писем от отца не было. А затем пришло скорбное известие: 17 декабря, через два дня после отправки письма, Никифор Федорович Коваль пал смертью храбрых на поле брани.

Отец не ошибся, высказывая твердую уверенность в будущем своего сына. Товарищ Сталин, Советская страна позаботились о детях воина. Виктору было семь лет, его брату Анатолию — четыре года, когда их приняли в детский дом № 5, расположенный в дачной местности вблизи Одессы.

Витя Коваль в мастерской ремесленного училища.

Фото А. Мосцинскера

Анатолия, как лучшего ученика первого класса школы при детском доме, перевели в интернат-десятилетку, где он сейчас и учится.

Витя оставался в детском доме. Способный, прилежный, исполнительный, он был всеобщим любимцем. Отважный мальчик как-то вместе с Леней Дороговым спас двух товарищей, которые слишком далеко заплыли и начали тонуть.

В декабре 1949 года весь детский дом жил одной мыслью — как отметить 70-летие со дня рождения товарища Сталина. Каждому хотелось выразить безграничную благодарность великому человеку, чью отеческую заботу ощущают советские дети.

Тогда-то Витя Коваль рассказал о последнем напутствии отца и предложил это дорогое для него письмо послать ко дню рождения лучшему другу советских детей. Предложение пришлось всем по душе, его охотно приняли.

Слова предсмертного письма воина дети вышили на белом атласе и этот свой подарок — светлую память о погибшем на фронте отце Вити Коваля — послали великому вождю.

...Шло время. Хорошо было Вите в детском доме, но наступила пора думать о будущем. Он хотел скорее получить профессию, стать на ноги, чтобы достойно ответить на заботу государства.

В 1950 году Витя перешел из детского дома в специальное ремесленное училище: он решил стать токарем по металлу.

Витя учится сейчас в одиннадцатой группе токарей [illegible] года обучения. Окончив ремесленное училище, он получит спец[illegible] токаря четвертого — пятого разряда.

2 июня Вите исполнится 15 лет. Это невысокий [illegible] мальчик с большими выразительными голубыми глазами, с [illegible] лицом. Товарищи ласково называют его «солнышко». [illegible], рассу[illegible]телен, толково отвечает на вопросы.

Витя Коваль дружит в училище с Володей [illegible] и [illegible] Першуновым, с которыми воспитывался в дет[illegible]

Как только наступают каникулы, бывшие [illegible] дом, как к себе домой. Здесь они бывают [illegible]

Витя много читает. Недавно он прочит[illegible] сейчас его мечта — стать комсомольцем.

Витя часто навещает детский дом.

СТРОГАЯ БАБУШКА

Рассказ

Н. АРТЮХОВА

Рисунки П. Караченцова

— У меня сейчас никак нельзя: мама увидит.

— А у меня бабушка дома.

— Моя мама тоже скоро вернется.

— Ребята, как же быть?

Аня, лепившая снежную бабу во дворе, так и замерла с поднятой лопаткой.

Откуда эти таинственные голоса? Никого не видно... Говорят шепотом... Ага! Притаились за большим сугробом около забора. Кто?.. Один голос будто знакомый.

Это Дима Чижов из двадцать пятой квартиры. Бабушка у него действительно строгая и не потерпит никакого баловства. А «ребята, как же быть» сказал димин сосед, Олег Беляев. Еще в прошлом году Дима, Аня и Олег были дошкольниками, вместе катались на санках, лепили снежных баб. Теперь не то. Осенью Дима и Олег, остриженные под машинку, пошли в школу. Вместо рейтуз — длинные темные брюки. Вместо шапок с меховыми ушами вниз — шапки с меховыми ушами вверх, как у мужчин.

Новые шапки, новые товарищи, школьные товарищи... Новые слова, ученые, деловые слова: «диктант», «арифметика».

Опять голоса за сугробом. Незнакомый голос зашептал:

— Ребята, вот что сделаем... У нас в доме... в нижнем этаже...

Что в нижнем этаже?.. Аня не расслышала. Подвал какой-нибудь? Так ясно представилась крутая лестница, уходящая вниз, в темноту...

Димин голос, с сомнением:

— А вдруг бабушка будет меня искать?

Олег успокоил:

— Ничего, бабушка твоя сейчас обед готовит, она занята, сейчас самое подходящее время.

Еще один незнакомый голос:

— Тогда пойдемте сейчас, пока нас никто не увидел!

Димин голос покорно согласился:

— Ну, что ж, пойдемте, ребята!

Четверо заговорщиков вышли из-за сугроба и обыкновенным прогулочным шагом направились вдоль забора к воротам. С Олегом и Димой были еще два мальчика, их одноклассники — новые димины приятели.

Ребята с опаской посматривали по сторонам: не увидит ли кто?

Аня, стоявшая за снежной бабой, видела, с какой неуверенностью шагает Дима позади всех. Ей очень жалко стало Диму: куда уводят его эти почти никому не известные мальчики? Жалко стало Елену Петровну, димину бабушку, которую все во дворе так уважают и слушаются.

Даже себя Аня тоже пожалела немножко. Пожалела, что она еще маленькая и не может выйти за ворота, навстречу неожиданным и опасным приключениям...

Елена Петровна, димина бабушка, одну за другой приподнимала крышки стоявших на плите кастрюль. Потыкала вилкой, зачерпнула ложкой, добавила щепотку соли и выключила газ. Потом придвинула табуретку к окну и, взобравшись на нее, крикнула в открытую форточку:

— Ди-ма!

Ответа не было. Пришлось надевать шубу и отправляться на поиски.

Во дворе ослепило яркое мартовское солнце. Около большого сугроба снежная баба, совсем уже готовая. Аня старательно прилаживает бабе угольно-черные глаза и угольно-черные пуговицы.

— Анечка, ты Диму не видела?

Аня обернулась, поправила вязаную шапку и бант в волосах.

— Он... здесь гулял, с мальчиками.

Аня заколебалась. Очень не хотелось выдавать Диму. В то же время совестно было смотреть, как Елена Петровна ходит по двору, зовет, ищет, волнуется. Сейчас придет с работы димин папа, он любит, чтобы обедать садились все вместе.

— По-моему, они вон в ту сторону пошли,— Аня показала на ворота.

— На улицу? За ворота? А кто с ним был?

— Олег и еще два мальчика. Из школы. Которые к вам ходят. Один в сером доме живет, где почта.

Выйдя на улицу, Елена Петровна почувствовала, что начинает уже немного сердиться. В доме, где почта, жил Сережа Иванов. Дима заходил к нему иногда. Но разве можно уйти, не предупредив никого?

К тому же Елена Петровна, как и многие другие бабушки, считала, что четверо мальчиков вместе — это уже почти готовая шалость.

Всю жизнь Елене Петровне хотелось иметь дочку. А было у нее трое сыновей. Хорошие выросли сыновья, но... если бы хоть один из них был дочкой! Сыновья женились, теперь у них у самих дети — и опять все мальчики! Внуки тоже хорошие растут, но... если бы хоть один из них был внучкой! Играла бы внучка тихо, мирно во дворе, лепила бы снежную бабу. Вязать бы внучке красивые шапочки, вплетать бы ленточки в косы...

Елена Петровна шла по солнечной стороне улицы. Сосульки роняли из-под крыш длинные сверкающие капли. Весна... Сегодня седьмое, завтра женский день. Для Нади, жены сына, был уже давно заготовлен подарок. Но что значит для внука женский день! Вот так же и завтра унесут его за ворота беспокойные мальчишеские ноги.

Подойдя к большому серому дому, Елена Петровна решила, что не стоит наудачу подниматься к Ивановым на третий этаж, лучше позвонить по телефону. На почте есть автомат. Телефонная будка была занята, и Елена Петровна стала у дверей, поджидая, когда кончат разговаривать. На почте было необычно

людно и как-то необычно весело. Девушка, продававшая марки, улыбалась. Улыбался толстый гражданин в меховом пальто, посылавший телеграмму. За ближайшим столом все места были заняты. Около другого стола, в углу, толпилось несколько человек. Все чем-то очень заинтересованы. Чем? Отсюда, от телефонной будки, ничего не видно.

Девушка, продающая марки, громко сказала:

— Дима, без двадцати шесть!

Елена Петровна невольно насторожилась. Вежливый голосок ответил:

— Спасибо!

Димин голос! Но почему такой слабый, расстроенный, тревожный?

Немножко расступились люди, стоявшие у дальнего стола. Мальчуган, с открытой головой, в шубе нараспашку, подошел к стеклянной перегородке и спросил, привстав на цыпочки и заглядывая в маленькое окно:

— Тетя, а завтра обязательно дойдет?

Сережа Иванов, и он здесь. Елена Петровна удивлялась все больше.

Девушка за окном ответила:

— Обязательно. Только напишите номер почтового отделения.

Перед Сережей опять расступились взрослые люди и пропустили его к столу. Елена Петровна воспользовалась этим, быстрыми шагами отошла от телефонной будки и очутилась в первом ряду зрителей.

Да, вся компания здесь. Расположились совсем как дома. Расстегнули шубы, сняли шапки, повесили шарфы на спинки стульев. На столе несколько листков бумаги в три линейки, исписанных аккуратнейшим почерком. Тут же рисунки на более плотной белой бумаге.

Четыре раскрытых пенала, четыре коробки с цветными карандашами. Четыре стриженые головы, склоненные над столом. Мальчики заняты своим делом, увлечены, поглощены, рисуют, пишут, не смотрят по сторонам. Один рисунок Елена Петровна разглядела хорошо: что-то вроде квадратного шкапчика и сине-желтые тюльпаны над ним... Газовая плита! Очень неплохо нарисовано.

— Почему, собственно, так расстраивается этот парень? — спросил мужчина в меховом пальто, отправивший уже телеграмму.

— Ему домой нужно к шести часам,— ответил Олег,— а он не успеет дорисовать. Бабушке написал и нарисовал, вот видите, газовую плиту и швейную машинку. Вы думаете, легко нарисовать швейную машинку? Учительнице нарисовал, и письмо уже готово. А маме своей только начал. Он не успеет к шести часам.

— А почему так точно к шести? — поинтересовалась молодая женщина, стоявшая рядом с Димой.

Олег сказал:

— В шесть часов его папа приходит с работы, и они обедают. У Димы очень строгие папа и бабушка, они не позволяют опаздывать.

— Да, да,— подтвердил Сережа Иванов,— один раз Дима опоздал к обеду на десять минут, и ему сделали замечание. Мама ему ничего не сказала, а бабушка очень строгая. И папа тоже.

— Так вы ему помогите, ребята,— посоветовал кто-то из зрителей,— нарисуйте за него картинку для мамы.

На этот раз ответил сам Дима:

— Какой же это подарок, если я не сам?

Отвечая, он приподнял голову, и Елена Петровна увидела, что глаза у Димы уже сухие, но еще красные.

Строгая димина бабушка поспешно отступила во второй ряд. Молодая женщина сказала:

— А может, опоздать один разик на полчаса?

— Зачем же я буду... перед праздником... бабушке неприятное делать?

— А если после обеда дорисовать?

— После обеда уже темно. Мне после обеда только во дворе позволяют гулять.

— А дома нельзя закончить?

— Дома бабушка и мама увидят. Какой же это секрет?

— Да, брат, безвыходное твое положение! — посочувствовал мужчина в меховом пальто.— А много еще осталось? Писать? Рисовать?

Дима старательно и молча выписывал буквы. За него опять ответил Олег:

— Письмо только начал. Нужно, чтоб аккуратно и совсем без ошибок. А нарисовать он хотел высотный дом: его мама там на стройке работает. Вы думаете, легко высотный дом нарисовать?

— Нет, я этого не думаю,— согласился мужчина,— не всякий архитектор с такой задачей справится.

— Вот что, товарищи болельщики,— громко сказала девушка, продающая марки.— Вы мне Диму не расстраивайте и от дела не отвлекайте! Без четверти шесть, Димочка!

Совсем-совсем еле слышное:

— Спасибо!

Елена Петровна незаметно пробралась к двери и почти побежала к дому. Прохожие с удивлением смотрели ей вслед. Торопится куда-то почтенная на вид старушка, не то смеется, не то плачет...

Аня, поджидавшая у ворот, испуганно спросила:

— Нашли?

...Дома Елена Петровна тревожно взглянула на часы. Три минуты шла. Остается Димке двенадцать минут. Нет, не написать письмо без ошибок в двенадцать минут! Не нарисовать высотный дом!

Что, если Николай запоздает сегодня? А может быть, немножко раньше придет? Надя предупреждала, что задержится, а он... ведь приходит же иногда без десяти, без пяти шесть? Как будто хлопнула дверь внизу... Да, да, шаги на лестнице... Услышав лязганье ключа в замочной скважине, Елена Петровна бросилась в переднюю.

— Есть хочу, мама, как двадцать тысяч волков! — весело говорил димин отец, снимая калоши и шапку. — Задержал один парнишка в цеху, во время перерыва. Интересную штуку предлагает, но в результате мы оба не поспели в столовую.

Он расстегнул шубу и уже хотел снять ее, но Елена Петровна остановила его.

— Коля,— сказала она, кладя руки ему на грудь и потихоньку застегивая пуговицы.— Ты очень голодный?

— Нет, нет, что ты, мамочка! Могу ждать, сколько будет нужно. Не готово что-нибудь у тебя? Ничего, я пока газеты почитаю.

Он опять распахнул шубу, Елена Петровна опять настойчиво ее запахнула.

— Вот что, Коля, голубчик, иди, только сейчас, сию минуту, в наше почтовое отделение. Там Дима сидит и другие мальчики. Они письма поздравительные пишут. Мне и учительнице своей Дима уже написал... и картинки, а Надюше только начал... Он ей дом высотный хочет нарисовать. Очень торопится, боится, что не успеет до шести часов. Понимаешь, Коля, он говорит, что у него бабушка и папа очень строгие, не позволяют опаздывать. И все мальчики подтвердили. И вся публика ему так сочувствует! Коля, скажи, пускай не торопится, пускай для Надюши хороший высотный дом нарисует! Задержи его, пускай сидит себе, сколько хочет!

Она сунула ему в руки шапку и придвинула калоши. Димин отец, еще не совсем поняв, в чем дело, послушно надевал калоши.

— Я, конечно, схожу, мама, если ты хочешь, но ведь это, должно быть, секрет... Как же я?

— Тебе ничего, ты мужчина! Это от нас секрет. И ты не говори, что я их видела. И сам... будто случайно на почту зашел!

— Ясно.

В дверях он обернулся и сказал с веселым и тревожным недоумением:

— Уж будто мы с тобой такие строгие, мама, а?

ПЕРВЫЕ ПАРУСА НАД ЦИМЛЯНСКИМИ СТЕПЯМИ

Воды Дона начали заполнять котловину Цимлянского моря. Пройдет еще немного времени, и там, где раньше ходили только волны степного ковыля, зашумят волны Цимлянского моря. Близок день, когда задымят на его просторах пароходы, забелеют паруса.

В эти дни любопытно рассказать малоизвестный факт. Первым человеком, который двигался по цимлянским просторам под парусами, был известный конструктор авиационных парашютов Г. Е. Котельников. Полвека назад он работал в тех самых местах, где сейчас создается Цимлянское море, в качестве акцизного контролера. Он обязан был регулярно посещать многочисленные винокуренные и пивоваренные заводы и винодельческие хозяйства, раскиданные по хуторам и станицам. Котельников объезжал свой район на велосипеде. С детства склонный к изобретательству, он решил пристроить к велосипеду... паруса.

Вот как Г. Е. Котельников сам описывает это событие в своих (не изданных еще) воспоминаниях.

«Попробовал я летом использовать велосипед, снабдив его для облегчения оснастки бота: к рулю приделал мачту и бушприт, на которых поднимались паруса. И по гладким местам степи, особенно в конце июля, когда всю траву повыжжет солнцем, можно было итти лавировкой, градусов до тридцати против ветра. Нет никакого сноса, и несется, бывало, велосипед по степи птицей, слегка накренившись на бок, только зубчатка свободного хода тихонько поет свою песню. Сидеть приходилось боком, опираясь на подветренную педаль. Левая рука на руле, правая держит шкоты грота и кливера и управляет ими».

Г. Е. Котельников рассказывал, что при попутном ветре ему удавалось обгонять пассажирские поезда. Появление парусов в степи, среди ковыльных волн, в первый раз, по его словам, вызвало на хуторах сенсацию.

Не возродить ли этот вид спорта, изобретенный создателем современного парашютизма?

Ан. ГЛЕБОВ

ТАМ, ГДЕ ЖИЛ ГОГОЛЬ

Фото Б. Игнатовича

Кто не помнит знаменитые «Вечера на хуторе близ Диканьки»? Кого не пленяла веселая, яркая «Сорочинская ярмарка»? Гоголь писал о людях, которых он хорошо знал, среди которых жил. Всё, что он изобразил в своих бессмертных творениях, давно стало историей. В Миргороде, Сорочинцах, Диканьке, как и во всей необъятной нашей стране, расцвела чудесная, новая, советская жизнь. И земляки великого писателя с любовью говорят о том, кто желал им счастья, чтут его память.

В селе Большие Сорочинцы восстановлен разрушенный гитлеровцами мемориальный музей Н. В. Гоголя. На снимке: посетители выходят из музея.

Молодые сорочинцы внимательно изучают жизнь и творчество любимого писателя.

Весело живут школьники в соседнем селе Яреськи.

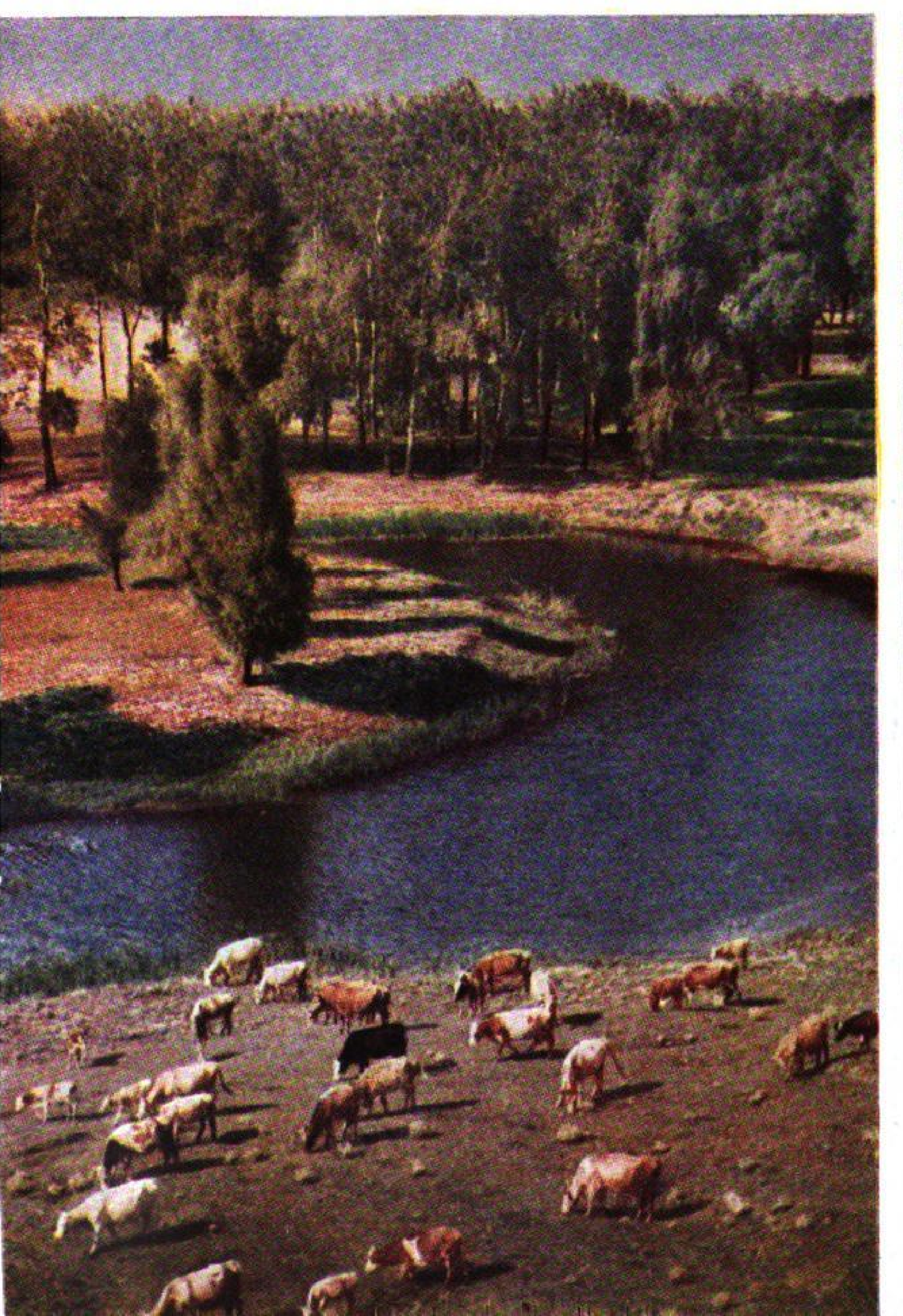
Мост на реке Псел. Как и в гоголевские времена, пестрая толпа возвращается с базара. Но сразу видно, что это уже новые, советские Сорочинцы.

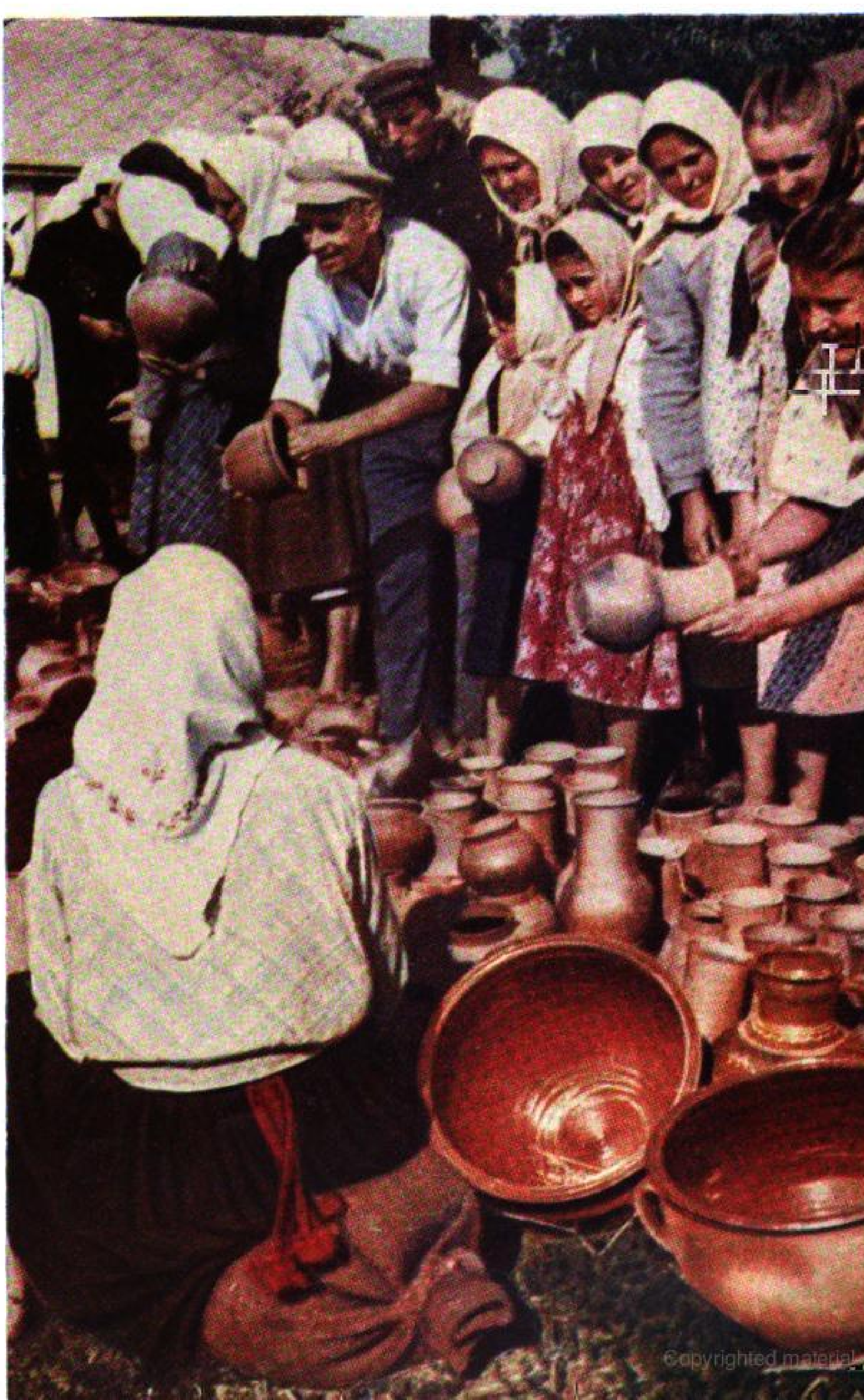

На току в колхозе имени Гоголя проворные девушки грузят зерно.

На берегу реки Псел пасется колхозный скот.

Каждое воскресенье в Сорочинцах шумят пестрые ярмарки.

Прекрасен вечером Псел.

Столяр сорочинской промартели имени Шевченко Алексей Лукич Заплава любит поговорить о старине, поиграть на бандуре.

НА РОДНЫХ БЕРЕГАХ

Рассказы

Сергей НИКИТИН

Рисунки В. Высоцкого

Даша

Рассказ

Рассвет застал меня на перевозе. У самого причала стояли грузовики и подводы. Выпряженные лошади с хрустом жевали сено. Поодаль, у костров, в ожидании парома расположились возницы и шоферы. Вода тихо плескалась о бревенчатые сваи причала. Плотный, тяжелый туман бродил над рекой.

— Перево-о-оз! — закричал я, сложив ладони рупором.

Звук моего голоса затерялся в тумане и упал где-то совсем близко, не повторенный эхом. Ответа не последовало.

Я подошел к костру, у которого сидел старик с крупным рябоватым носом и косматыми бровями. Из-под шапки-ушанки, сдвинутой на затылок, выбивались тугие кольца седых волос. Рядом кто-то спал, укрывшись новой узорчатой клеенкой.

— Чего орешь? — спросил старик, сгребая палкой раскатившиеся головни.— Нет перевозу.

— Почему нет?

— Паром сорвало.— Помолчав, он объяснил подробней: — Лопнул канат и — понесло. Сказывают, километров за десять поймали. Мы тут с вечера сидим, ждем.

Я собрал сено, разбросанное вокруг, и присел на него у костра.

— Сам-то кто будешь? — спросил старик, подняв на меня глаза.

— Корреспондент областной газеты,— ответил я.

— А-а,— протянул старик,— из газеты! Куда пробираешься? Не к нам ли в «Красный пахарь»?

— Да.

— Ну, знамо дело... Колхоз на видном месте... Мимо не проедешь.— В его голосе звучало почти детское самодовольство.— А о чем писать собираетесь? Про махорку нашу али про свиноферму?

Я ответил, что и про то и про другое собираюсь писать и что в первую очередь заеду к Дарье Прониной, чтобы написать о ней очерк.

— Господи! Да ведь Дарья-то здесь! — засуетился старик.— Вон тут она и спит, Дарья-то! — Он потянул за край клеенки.— Даша! Слышишь, что ли? Из газеты тебя спрашивают! Чудеса!

Женщина, спавшая под клеенкой, легко вскочила на ноги и сдержанно поздоровалась со мной. Высокая, статная, почти величественная, она окинула меня пристальным взглядом, потом быстро и ловко, но без суеты убрала клеенку, причесала длинные русые волосы и сказала, обращаясь к старику:

— Поспал бы, дед, всю ночь не спишь...

Спокойная ласковость была в этих словах, и в самом звучании голоса тоже слышалась эта спокойная ласковость. Есть люди, которые внушают к себе уважение с первого взгляда. К таким людям принадлежала Даша. Было что-то значительное во всей ее фигуре, голосе, во взгляде ее больших серых глаз. Старик, и тот в ее присутствии присмирел и даже имел несколько виноватый вид, что, впрочем, тут же разъяснилось. Даша спросила:

— Лошадей поил?

— Того я...— засуетился старик,— сейчас. Заговорился вот с человеком.

— Сиди уж, я сама,— остановила его Даша и пошла к подводам.

Подул сырой ветер. Три голых осокоря у самой воды трепетали тонкими почерневшими от дождя ветвями. Над рекой кричали стаи грачей, готовясь к отлету. И только яркозеленое поле озимых хлебов на противоположном берегу дышало свежестью и силой непреходящей жизни.

Старик вынул кисет и закурил махорку. Было слышно, как Даша громыхает пустым ведром, отвязывая его от телеги.

— Даша внучкой вам приходится? — спросил я.

— Внучкой. Только вот неудача у меня с ней,— отозвался старик, очевидно, обрадовавшись случаю поговорить.— Жизнь у нее кувырком вышла. — Он оглянулся на Дашу и, понизив голос, продолжал: — С войны все началось. У нас в деревне бывал? Знаешь, вторая изба от сельмага? Это наша. А рядом жил Илюшка Пронин с отцом и двумя сестренками-двойняшками. Отец-то у них был того... плохой мужик, хворал все. А Илюшка, известное дело, на работе. В дому, конечно, печь не топлена, двойняшки не кормлены, корова не доена — ходит по двору, мычит, томится... Только стал я замечать: что-то у соседа вдруг все иначе пошло. Словно домовой какой добрый завелся... Чисто, бело, тепло, из печи дух сытый... Ребятишки веселенькие, чистые. И что ж ты думаешь? Все Даша! В общем слюбились они с Илюшей. «Когда же свадьба?» — спрашиваю. — Подождем до мясоеда, что ли?» Говорят, сев закончим и сыграем. Да... Сыграли... Все было хорошо: председатель машину дал, девчата цветами ее убрали, скамейки в кузов поставили — собрались, значит, молодые в город ехать, расписываться. А тут по радио сообщение: война началась... Ну, понятно, ушли все из избы, машина стоит, в цветах вся — кому они нужны? Даша спрашивает Илью: «Пешком пойдем? Не до нарядности теперь...» А я говорю: «Чего, мол, выдумала! Вдовой хочешь остаться?» А она словно не слышит меня, смотрит на Илью. Тот глаза опустил. «Смотри,— говорит,— Дашенька, как бы в самом деле плохо не вышло. Вдруг убьют меня!..» «Ну, видно, оставаться мне тогда вдовой»,— отвечает. Упрямая, ее не переспоришь. И любила его крепко. Проводил я их вот до этого перевоза, пошли, смотрю, рядом. Идут, идут, оглянутся, помашут мне, опять идут...

Растроганный воспоминаниями, старик вынул из кармана платок, стряхнул с него махорочную пыль и вытер глаза.

— Уехал Илюшка на фронт,— продолжал он,— на Даше два двора остались висеть. Два старика, две девчонки да две коровы... Намаялась моя Даша. В колхозе с утра до ночи. В обед прибежит, всех накормит, все сделает и опять в поле. Но ничего... Только петь перестала. До войны петь любила, а в войну перестала. Зато как работает! Вот сейчас в колхозе она звеньевой на махорке. Сам знаешь, трудов в нее, в махорку-матушку, вложить надо много. А Дарья тридцать пять центнеров с гектара сняла. К медали представили, слыхал, наверно? Теперь, говорит, пятьдесят центнеров сниму... Да...

Старик вдруг замолчал: к костру приближалась Даша. Пошел мелкий дождь. Тучи спустились ниже. Неподалеку от нас на картофельных полях зажглось еще несколько костров: колхозники в поле выбирали картошку.

— Загодились,— сказал старик.— Давно б пора управиться. Вот-вот заморозки ударят, а из мерзлой земли — уж не картошка.

— Да,— подтвердила Даша.— Как бы у них картошка не пропала.

— Сходить бы, что ли, с ведерочком к колхозникам картошечки взять да испечь?..— неуверенно сказал старик.

— Ровно дитя малое, ты, дед,— улыбнулась Даша и, взяв ведро, ушла.

— Ну, а дальше? — спросил я старика.

Старик помрачнел.

— Что дальше? Вспоминать не хочется.— Он помолчал, но все-таки продолжал свой рассказ: — Прожили мы войну, вышел ей конец. Всем радость, а у нас-то самая беда и случилась. Пришло письмо из госпиталя от Илюши. Лежу, мол, третий месяц раненный в грудь. Где тот госпиталь, неизвестно. Номер полевой почты есть, и все тут. А Дарья одно заладила: поеду да поеду. Поехала. Из Москвы прислала мне письмо: разыскала госпиталь. В Молдавии находится. Посмотрел я в клубе на карту. Далеко, на самой границе. Ну, приходит она в тот госпиталь. Находит своего Илью. Врачи да профессора его там лечат. Уход и все такое. А она им говорит: «Не будет тут такого ухода, как от жены». И что ты думаешь — привезла его к нам в колхоз. Уж как она его выхаживала, как берегла! Ночей, бывало, не спит. Да уж, видно, не жилец он был на этом свете. Легкие, сказывают, в нем сгорели. Помер прошлой весной.

Даша вскоре вернулась с пустым ведром.

— Аль поскупились? — удивленно спросил старик.

Она деловито сказала:

— Надо взять лошадей да помочь колхозникам этот клин выпахать.

— Как так помочь? — сердито возразил старик.— Какая нам надобность лошадей на чужом поле мучить?

— Ничего, а то застоялись,— спокойно сказала Даша и начала раскидывать костер.

Старик продолжал ворчать, но все-таки встал и пошел к лошадям.

— Старосветский у меня дед,— усмехнулась Даша,— но это только так... На самом деле он добрый. Пахать умеете?

Пахать я не умел, но пошел на поле вместе с Дашей. Мне дали большое ведро, чтобы я подбирал за плугом картошку. Размокший, поднятый лемехом чернозем звучно чмокал под сапогами. Согнутые колени и спина наливались приятной усталостью. Изредка я останавливался и смотрел на Дашу. Она быстро шла за плугом, легко встряхивая его на поворотах. И мне казалось, что я сам стал лучше и богаче от того, что узнал эту женщину и сердцем ощутил то обилие любви к людям, которое живет в ней.

Паром пригнали только к вечеру. Картофельное поле было уже убрано. Мы переправились через реку и медленно поехали по размытой дороге. После долгого молчания Даша сказала:

— Если будете писать про наш колхоз, не забудьте насчет яслей упомянуть. Никак у нас яслей не откроют.

Погода переменилась. Ветер упал. На ясном небе остро и холодно вспыхивали первые звезды. А в лощине уже показались другие огоньки — теплые, веселые — огни колхоза «Красный пахарь».

Осенний день на Мшарах

Мшары — это глубокое озеро с холодной прозрачной водой, синее в ясные дни и свинцово-серое в ненастье. Осенью оно бывает сплошь усыпано сухими листьями дубов, рябин, черемухи, липы, орешника. Лодка скользит по его поверхности с тихим шуршанием, мокрые листья липнут к ее бортам, виснут на веслах.

Могучий дубовый лес стоит по берегам озера, закрывая его от ветров, и оно всегда спокойно, точно наполнено не водой, а тяжелой ртутью.

В густом подлеске особенно много рябины; ее кусты, отягченные гроздьями ягод, гнутся к самой воде, в которой оранжевыми пятнами дрожит расплывчатое отражение.

В озере водятся юркие крепыши-окуни с белой на брюшке чешуей, темнеющей к спине до черноты, и нежная серебристая плотва. Эта рыба охотно идет на удочку, так что рыболов, пришедший на Мшары, никогда не бывает обречен на тоскливое созерцание неподвижного, словно вмерзшего в гладь воды поплавка. Есть в Мшарах и прожорливые хищницы-щуки. Чучело одной такой щуки красуется в местном краеведческом музее. Она была поймана бакенщиком дядей Васей на блесну. Он, ошеломленный и даже напуганный, тотчас же повез ее в город,— щука была длиной в сто двадцать сантиметров и весом около сорока килограммов.

Вскоре мне пришлось убедиться, что такая крупная щука не единственная в Мшарах. Однажды вечером я сидел с удочкой возле коряги, протянувшейся над водой, как узловатая уродливая рука. Большой черный жук слету стукнулся о корягу и упал в озеро, беспомощно барахтаясь на спине. Вдруг со дна медленно поднялась громадная щука, спокойно проглотила жука и уставилась на меня круглым желтым глазом. Она была видна мне вся, от плоской вытянутой головы до чуть шевелящегося хвоста. Постояв немного, она плеснула по воде сильным хвостом и скрылась...

Из года в год я бываю на Мшарах, но знакомые, вдоль и поперек исхоженные берега озера не надоели, не прискучили мне. Напротив, я очень люблю выйти на то место, где был год, два, три назад, неожиданно найти там следы своего прошлого пребывания — заросшее травой кострище с посеревшими и мокрыми от росы углями, рогатки, воткнутые в землю,— и, присев, подумать, вспомнить...

Когда я впервые случайно вышел на Мшары, не нанесенные ни на одну карту этого края, я думал, что открыл новый мир, где еще не ступала нога человека,— такой первозданностью веяло от могучих дубов, от зеленовато-сумрачных глубин озера, от нетронутого обилия рябины, черемухи, ореха. Но вскоре я наткнулся на следы человека. На стволе одинокой прямой сосны, верхушка которой поднялась еще выше старых дубов, было вырезано имя «Оля». Буквы располагались сверху вниз, первая и вторая довольно высоко над землей,— должно быть, кому-то стоило немалых трудов вырубить их там. Со временем они заплыли смолой и теперь казались золотым тиснением по коричнево-медному фону.

Впоследствии я встречал на Мшарах и людей.

Так было и в тот осенний день, ничем, может быть, не примечательные события которого я хочу описать.

На заре почти одновременно со мной к озеру пришел рыболов в плащ-палатке с капюшоном, откинутым на спину. Он вел себя несколько странно для обычного рыболова: весь утренний клев, ради которого рыболовы не спят ночь, мокнут в холодной росе, отдают себя на съедение комарам, он прокурил, сидя под сосной с именем «Оля», и даже не размотал удочки. Потом, когда мутная пленка тумана растаяла над озером и в нем отразилось холодное чистое небо, он наконец закинул одну удочку, сильно шлепнув по воде поплавком и грузилом.

По узкому стоку, выходящему в реку, поднялся на лодке бакенщик дядя Вася. Он причалил лодку к берегу и скрылся в лесу с корзиной через плечо — пошел за белыми грибами-дубовиками.

Вскоре он появился рядом со мной, сел и стал чистить грибы. Ему, видимо, очень хотелось поговорить. С минуту посмотрев на мои поплавки, он спросил:

— Окуней ловите?

— Угу.

— А я вот тут лета два назад с дорожкой ездил, так щуку поймал без малого на три пуда. Теперь она в музее содержится. Не приходилось видеть?

— Ага.

— Я выехал ранним утром. На воде лежал туман...

Рассказ дяди Васи о щуке давно уже утратил всю непосредственность. Виной этому была небольшая заметка в местной газете под рубрикой «Уголок натуралиста», написанная сотрудником редакции от лица дяди Васи. С тех пор старик, повествуя о щуке, слово в слово повторял газетную заметку.

Мне пришлось бы выслушать этот рассказ, если бы меня не спасли школьники, пришедшие на Мшары за желудями.

Они шумливой толпой вышли на берег, но, увидя, что я ловлю рыбу, притихли, пошептались и сели у меня за спиной, затаив дыхание.

Несмотря на присутствие ребят и болтливого дяди Васи, клев был хороший. Однако, смущенный вниманием столь многочисленных наблюдателей, которые при каждой поклевке неистово шипели: «Тащи!» — я волновался, торопился или медлил, дергая, как попало, и неизменно вытаскивал голый крючок.

Между тем дядя Вася тихо спрашивал ребят:

— Зачем это вы желуди собираете? Свиньям?

— Что вы! — послышался в ответ ему сдавленный шепот.— Каким свиньям? Мы собираем для лесозащитных станций. Неужели не знаете!

— Ка-а-к не знать...— протянул дядя Вася.— Что ж, за это плата какая-нибудь есть, за желуди-то?

— Нам не надо,— стыдливо ответило шепотом сразу несколько голосов.

Насмотревшись на мою ловлю, ребята ушли.

— Попадутся грибы, несите сюда! — крикнул им вслед дядя Вася. Ко всему прочему, он был еще и ленив, подтверждая этим известный анекдот: «Бакенщик, лещ плывет!» — «Жареный?..»

В полдень, когда я стал варить уху, а дядя Вася уснул на куче палого листа, пришли два художника с заляпанными краской этюдниками.

Один художник был седой красивый старик, проницательно смотревший из-под нависших бровей спокойными насмешливыми глазами, другой — молодой, с длинными прямыми волосами и сухим лицом, одетый с нарочитой небрежностью в широкую блузу и вылинявший берет.

Они расположились неподалеку от моего костра, вынув из этюдников палитры и натянутые на рамки холсты.

Я знал, что художники не любят, когда за их работой следит посторонний глаз, и поэтому старался не смотреть на них.

Уха была готова. Мне пришла мысль позвать к обеду художников, дядю Васю и рыболова, который все еще сидел на берегу, похожий в своей плащ-палатке на огромную уснувшую птицу. Подойдя к нему, я начал обычный разговор о клеве, о погоде, о рыбных местах. Он, казалось, очень обрадовался моему появлению, заговорил оживленно и доброжелательно; выбритое морщинистое лицо его приветливо заулыбалось. На предложение отведать ухи он согласился просто, без церемоний.

— У вас, я видел, хорошо клевало, а я вот ничего не наловил. Так сидел, думал... Да и рыболов-то я от случая к случаю,— виновато

сказал он, медленно наматывая леску на бамбуковую удочку.

Когда я появился за спинами художников, они даже не оглянулись на меня, явно демонстрируя свое презрение к непрошенному зеваке.

Я свободно рассматривал их этюды.

У молодого был мелкий, неуверенный мазок, чувствовалась в руке скованность, робость. Наоборот, старый художник твердой рукой клал широкие, сочные мазки, ничего не вырисовывая, а как будто свободно и непринужденно кидая на полотно куски живой природы.

— Не хотите ли ухи? — сказал я по возможности дружелюбнее.

Молодой художник нетерпеливо дернул плечом, словно говоря: «Вот еще, ходят тут всякие досужие рыболовы и мешают работать!»

— Ухи? — переспросил старый, продолжая изучать пейзаж перед собой.

— Ухи,— подтвердил я не без иронии.

— Как ты думаешь, Александр? — спросил старый художник.

— Я не пойду.

— А я... я, пожалуй, пойду,— с паузой, но твердо сказал старый художник, бросая кисть в этюдник.

Впрочем, и молодой скоро пришел к костру, но к ухе не притронулся, решив, очевидно, до конца быть принципиальным.

Шумя кустами, мимо нас прошли деревенские девушки с корзинками, полными рябины.

Одна из девушек отстала от подруг, внимательно оглядела нас и строго спросила:

— Ты сейчас пойдешь, папа, или обождешь?

Рыболов в плащ-палатке махнул ей рукой:

— Иди, Настя, я посижу вот с людьми, потом еще к Оле зайду. А ты была?

— Только сейчас.

Я заметил, с каким откровенным любопытством смотрел на девушку старый художник. Она была высокая ростом и смуглая, в черных, гладко зачесанных волосах ее горела приколотая гроздь рябины; синие немигающие глаза оглядывали нас холодно и бесстрастно. Вся она была как бы олицетворением молодой осени и, наверно, поэтому привлекла к себе внимание старого художника.

— Это ваша дочь? — спросил он рыболова, когда девушка ушла.

— Моя,— тихо ответил рыболов.

— Вы в какой деревне живете?

— В Выборках. Я фельдшер, там в больнице работаю.

Он помолчал, моргая красными веками без ресниц, потом вдруг так же тихо и просто рассказал нам:

— У меня еще была одна дочь — Оля. Но когда в сорок первом году здесь проходили фашисты, она утопилась в Мшарах. Они надругались над ней. Простите, может быть, я некстати...

Последние слова он произнес совсем тихо и стал очень пристально смотреть в чащу кустов, а рука его, точно ища что-то, судорожно шарила по сухим, палым листьям.

Над нами в ветвях рябины возились жирные скворцы, лениво ощипывая сладкую, прихваченную первыми утренниками ягоду. На землю и на воду падали листья, наполняя лес едва внятным шелестом. Ветер, гулявший высоко над дубами, раскачивал одинокую сосну, на весь век ее отмеченную золотыми письменами. Она жалобно поскрипывала у корневища. Где-то за кустами смеялись и кричали дети, собирающие желуди. Этот веселый ребячий гомон быстро приближался к нам, и уже можно было слышать, как, откалываясь от него, звенел требовательный мальчишеский голос:

— Ольга, Олька! Не бери, тебе говорят, гнилые!

Я невольно оглянулся на озеро, на лес, на яркое осеннее небо, на кусты и деревья, на весь этот тихий мирок, который только что казался таким недоступным для людских скорбей. Он остался как будто прежним, но вызывал теперь совсем иные чувства и мысли.

Пастухи

Летнее утро. Оцепенелая, душная тишина, даже звона кузнечиков не слышно. По небу медленно текут серые облака. Они еще не закрыли солнце, и оно плавает в вязком розовом мареве. Быть дождю.

Стадо одномастных, выхоленных до лоска коров спускается к водопою. Миновав истоптанную копытами песчаную косу, кое-где поросшую мать-и-мачехой, коровы входят в воду, погружают в нее морды и неторопливо пьют.

Старый пастух Ефим и подпасок Алешка садятся поодаль на теплый песок.

— Пронесет, пожалуй,— говорит Ефим, вглядываясь в небо.— Вон ласточки как высоко вьются.

Проходит немного времени, и по листу мать-и-мачехи шлепает крупная капля дождя, за ней падает другая, третья... И вскоре желтый песок сплошь покрывается частой рябью. Омытый воздух мгновенно свежеет, запахи зелени, реки, разлитые в нем, становятся острее, чище.

— Плохо действует ваш барометр,— ехидно замечает Алешка Ефиму.

— Недолго пойдет, перестанет,— не сдается Ефим.

Но в этой стороне, куда текут облака, начисто заплывает последний островок голубого неба. Окладной летний дождь будет теперь лить по крайней мере до вечера.

— Да-а-а,— смущенно тянет Ефим.— Что б это значило: ласточки-то, а?

— Ладно, вставайте, погоним к тырлу,— примирительно говорит Алешка и идет выгонять коров из воды.

Пока стадо, ощипывая на ходу траву, движется к стойбищу, или «тырлу», как говорят пастухи, приближается время очередной дойки.

Для Ефима это самая блаженная пора: сейчас придут доярки, скот встанет на дойку, потом будет есть из кормушек зеленую скошенную траву и отдыхать под навесами, а Ефим пополдничает и уснет на удобной постели, в теплой сухой времянке.

Печет ли знойное солнце ее драночную крышу, ненастный ли дождь поливает,— Ефиму одинаково хорошо спать и видеть сны, которые потом он с живописными подробностями расскажет Алешке, начав обычной фразой:

— Привиделось нонче, сам не пойму чего. Вот послушай-ка, Алексей...

Ефиму седьмой десяток. Лохматая борода его посерела, тронутая первой сединой; крупный пористый нос к старости налился густой краснотой и стал похож на мясистую ягоду клубники.

«Ишь, носище-то напил»,— с неприязнью думают незнакомые люди, встречая этого спокойно-угрюмого старика.

Но Алешка и все односельчане знают, что угрюмость — лишь внешнее свойство Ефима. Напротив, он излишне разговорчив, простодушен и добр. Что же касается хмельного, то Ефим в рот не берет его.

Подпасок Алешка, рослый семнадцатилетний парень,— человек совсем иного склада. Он из тех приятных деловых людей, от одного вида которых становится светло на душе и хочется улыбнуться. Волосы, выгоревшие до цвета пеньки, глаза совершенно синие, без примеси голубоватой мути, влажные белые зубы, постоянно открытые в улыбке,— весь его облик празднично светел и ясен. Даже в те минуты, когда задумчивость сгоняет с его лица улыбку, оно не тускнеет: улыбка продолжает жить в глазах.

У Алешки есть привычка внимательно разглядывать красивые вещи, красивые именно своей ненарочитой простотой, как сосновая шишка, тугой гриб-боровик, неяркий полевой цветок.

Глядя на длинные пальцы подпаска, споро перебирающие этот предмет, Ефим всегда думает: «Умные руки! Их бы к ремеслу какому-нибудь приспособить».

Но сам подпасок мечтает о другом...

...Доярки уже на пастбище. В мокрых белых халатах они носят к навесам и закладывают в кормушки чуть привядшую зеленую траву, спрыснутую соляным раствором.

Заслышав мычание коров, из дощатого домика, где стоит бензиновый движок, динамомашина и вакуумный насос электродойки, выходит помощник механика Тоня Улыбышева. С рассеянным видом вытирая паклей руки, она мокнет под дождем. Замасленный комбинезон ее не впитывает воду, блестящими струями вода сбегает по его складкам на землю. Когда мимо проходят Ефим и Алешка, Тоня машет паклей и кричит дояркам, спрашивая, можно ли пускать насос. Пусть все знают, что вышла она не просто так, а за делом.

Догадливый Ефим самодовольно усмехается: побегай, мол, за нашим братом. В былое время пастух — последний человек, девка за него замуж не шла. Про бесталанного парнишку говорили: пастухом быть. А теперь вот оно как повернулось, н-да... И, грустно вздохнув, потому, быть может, что сам остался бессемейным, Ефим произносит вслух:

— Так-то вот, Алексей...

В помещении для пастухов стоят койки, застеленные коричневыми жесткими одеялами с белыми обшлагами подвернутых простыней. Раскормленные коровы добродушно глядят с выцветших плакатов; на подоконнике в банке засыхает букет васильков и ромашек. Пахнет парным молоком.

Присев на кровать, Ефим начинает разуваться.

— Вы, дядя Ефим, погодите укладываться,— предупреждает Алешка.

— А что мне за нужда годить? — притворно удивляется Ефим.

Он знает, что сейчас на стойбище приедет Зотов проводить с пастухами очередное занятие, и хотел бы отлынить. Он долго думает, держа в руке тяжелый сапог, потом вопросительно смотрит на подпаска и говорит:

— Может, пастухи-то не соберутся, да и Зотов не приедет,— так чего ж годить?

— Вон идут пастухи,— указывает Алешка в окно, и Ефим, ворча, начинает натягивать сапог.

Ветеринарный врач Зотов приезжает в плетеной двуколке, укрывшись брезентовым дождевиком. Он грузен, неторопли в движениях, говорит спокойным гулким басом, сочно и кругло окая. Концы его белых усов обкурены до зелени. Он подмешивает в табак душистые травы и потому всегда окутан приятным луговым запахом.

В пастушью времянку Зотов входит, неся под полой дождевика что-то угловатое. Это «что-то» оказывается связкой книг, которые врач привез Алешке.

— Трудноваты, пожалуй, будут для тебя,— окая, говорит он.— Латыни много.

— Как-нибудь одолею.

— Надорвешься,— предостерегает Ефим.

— Другие не надорвались, и я уж как-нибудь,— спокойно возражает Алешка.— Зато приду в техникум, все буду не как в темном лесу.

Зотов начинает занятие, рассказывая о целебных свойствах содержимого походной аптечки пастуха — свинцовой примочки, отвара ивовой коры, скипидара, нафталина, порошка дубовой коры, креолина.

Пастухи, усевшись на койках, записывают, продавливая бумагу жесткими карандашами. Не записывают только двое — Ефим и Алешка. Последнему все, что рассказывает врач, давно знакомо, он первый начал носить походную аптечку, и с его легкой руки новое дело привилось среди других пастухов.

Ефим же попросту дремлет, машинально перебирая заскорузлыми пальцами грязный огрызок карандаша. Монотонный шум и плеск дождевой воды баюкают Ефима. Текут в полусне сбивчивые мысли, и то ли снится, то ли вспоминается ему вытоптанный и занавоженный коровами луг, понурое стадо, унылая мглистая даль. Чахлые кусты, общипанные козами, стучат на ветру голыми ветвями. Их моет мелкий, как пыль, дождь. Капли бегут по ветвям и падают на рогожу, которой укрылся подпасок Ефимка. Пастух, хилый мужичонка, прозванный «болезным», ушел в деревню, перехватив опытным носом запах самогонной гари. Серому дню нет конца. Кажется, небо скупыми слезами плачет от тоски. Ефимка озяб, но та же тоска, от которой плачет небо, словно отравила его, и он, расслабленный, вялый, не может шевельнуться, а лишь смотрит печальными глазами на унылый мир тощих лугов, кривых скворешен, убогих изб и тоже начинает плакать, сам того не замечая...

Ефим поднимает лохматую голову. Дождь барабанит в дощатые стены времянки, плещет в оконное стекло. На подоконнике стоит засохший букет васильков и ромашек. Гудит бас Зотова. Алеша осторожно переворачивает страницы новой книги, стараясь не шелестеть.

...Пять часов вечера. Дождь прошел. Стадо снова спускается к водопою. Пастух с подпаском садятся на мокрый песок — все теперь нипочем, солнце высушит! Широкими лучами вливается оно через голубые проталины в облаках, неся земле благодатное тепло свое. Из травы с шумом выпархивает жаворонок и начинает отвесно подниматься ввысь, наполняя воздух звоном песни. На другом берегу бегут из деревни гуси, и кажется, что комья белой ваты катятся к воде. Переждав дождь, идут по мосту доярки. Слышен взвизгивающий девичий смех и голоса. Щурясь на реку, играющую мелкой рябью, Ефим отыскивает среди доярок Тоню Улыбышеву. Она идет и, конечно, старается не смотреть в ту сторону, где стадо, и нарочно смеется громче всех. А Ефиму, бывалому человеку, тертому калачу, все понятно, его не проведешь. Он улыбается невидимой в бороде улыбкой и вдруг начинает:

— А мне нонче привиделось такое — сам не пойму...

Алешка ждет рассказа, но пастух молчит. Наконец, к удивлению подпаска, он кладет жесткую ладонь свою на его голову и говорит так, словно просит о чем-то заветном:

— Живи, Алексей, живи. Видишь, теперь какая жизнь?! Живи на доброе здоровье...

г. Владимир.

Манифестация женщин в Петрограде 8 марта 1917 года.

СПУСТЯ 35 ЛЕТ...

Перед нами номера газеты «Правда» за март 1917 года. В одном из номеров рассказывается о знаменитой манифестации женщин, происходившей восьмого марта (23 февраля по старому стилю) 1917 года. Тогда по призыву Петроградского комитета большевиков работницы вышли на улицу демонстрировать против голода, войны, царизма.

В Женский день была объявлена стачка на большинстве фабрик и заводов. Как сообщала «Правда», женщины были настроены очень воинственно. Они устраивали митинги, они преобладали на улицах, двигались к Городской думе с требованием хлеба; они останавливали трамваи. «Товарищи, выходите!» — раздавались энергичные возгласы. Они являлись на фабрики и заводы и снимали с работ.

Боевое настроение вылилось в демонстрации, митинги и схватки с полицией.

...На швейной фабрике «Комсомолка» нас познакомили с живой свидетельницей и участницей этой манифестации — бывшей работницей завода «Промет» на Выборгской стороне Марией Николаевной Свешниковой. Невысокого роста, живая, энергичная, она выглядит не по годам молодо.

М. Н. Свешникова тридцать семь лет состоит в рядах большевистской партии. Сейчас Мария Николаевна — персональный пенсионер, но связи с коллективом фабрики не порывает. Вот и сегодня она пришла сюда — молодые производственницы попросили ее рассказать о себе, о том, как до Октябрьской революции работницы отмечали Международный женский день.

Свешникова, бывшая революционерка, и ее муж, в прошлом токарь, в послеоктябрьские годы стали инженерами. Дочь Ирина — кандидат биологических наук, сын Владимир учится в Политехническом институте.

— В старой, дореволюционной России,— говорит Мария Николаевна,— насчитывалось всего шестьсот женщин — инженеров и техников. А сейчас на одной Петроградской стороне, где мы живем с вами, их во много раз больше.

Молодые производственницы с интересом слушают рассказ старой большевички о демонстрации питерских работниц 8 марта 1917 года:

— Наша колонна подошла к патронному заводу. Всюду раздавались возгласы: «Бросай работу, выходи на улицу! Требуй хлеба! Долой царя!»

Оставляя цехи, покидая очереди у магазинов, тысячи женщин становились под знамена демонстрантов, во главе которых шли большевики. На Невском взад и вперед гарцевали казаки, маршировали вооруженные до зубов полицейские. Здесь мы встретили тысячи работниц со всех окраин города — Нарвской, Московской, Невской застав...

Беседа окончена. Мария Николаевна направляется в цехи, туда, где шьют детскую одежду. Ритмично движутся освещаемые лампами дневного света конвейерные ленты. В соседних цехах гудят электрические ножницы, работают настилочные, петельные, обметочные машины, автоматы, пришивающие пуговицы, станки, разбраковывающие материал. Созданная на отечественных заводах, вся эта техника значительно облегчила труд советской женщины.

Старая работница мысленно восстанавливает в памяти картину тяжелого, бесправного труда швеи в старое время. В полутемных, душных цехах работали по двенадцать — тринадцать часов. Все тяжелые операции выполнялись вручную. За равный с мужчинами труд женщины получали меньшую оплату.

«Комсомолка» — небольшое швейное предприятие, но и оно располагает своим детским садом, яслями, пионерским лагерем, ночным санаторием, здравпунктом. Около двухсот работниц учится в фабричной школе рабочей молодежи, в вечернем или заочном отделениях института, техникума. Во главе всех цехов — женщины. В коллективе фабрики — депутаты районного совета, народные заседатели...

— Тридцать пять лет назад никто, конечно, не мог и представить себе такие сказочные перемены, какие произошли в нашей стране,— говорит старая большевичка, прощаясь с молодежью.

К. ЧЕРЕВКОВ

Мария Николаевна Свешникова беседует в обеденный перерыв с работницами фабрики «Комсомолка».

Фото И. Фетисова

Дети Вьетнама

Молодой боец Народной Армии.

Седьмой год борется с оружием в руках героический вьетнамский народ за свою независимость. Одерживая победы на фронте, вьетнамский народ вместе с тем достиг больших успехов и в строительстве новой, демократической жизни.

Маленькие граждане республики окружены постоянным вниманием правительства и вождя вьетнамского народа президента Хо Ши Мина.

В колониальном Вьетнаме из каждых 100 человек 95 были неграмотными. Империалистам было выгодно держать население в темноте, невежестве и бесправии. Народная власть открыла двери школ для детей трудящихся. Количество средних школ увеличилось в десять раз. Конституция Вьетнама ввела всеобщее бесплатное начальное обучение детей на родном языке. Нуждающимся ученикам оказывается материальная помощь. Они обеспечиваются учебниками и учебными пособиями. Теперь в каждой деревне имеется начальная школа и в каждом районном центре средняя школа.

Иногда не хватает учебников, бумаги, карандашей. Бывает, вместо бумаги школьники пишут на бамбуковых листьях; куски угля и бамбуковые палочки заменяют карандаш и перо. Не хватает учителей, школьных помещений. Но благодаря исключительному патриотическому подъему и всенародному соревнованию эти трудности успешно преодолеваются. Тысячи юношей и девушек становятся учителями-добровольцами и безвозмездно работают в сельских школах. Зачастую школы помещаются в хижинах, построенных самими учителями и учениками. Жители с охотой уступают под школы свои дома. «Неграмотность — такой же опасный враг, как и иноземные захватчики» — эти слова часто можно услышать в городах и селах республики. За годы народной власти открыт ряд специальных технических и общественно-экономических училищ, несколько институтов и университет.

Молодежь Вьетнама не только учится. Юноши и девушки создают бригады помощи Народной Армии. Они оказывают посильную поддержку в тылу своим отцам и братьям, сражающимся на фронте против иноземных оккупантов. Они помогают ремонтировать дороги, строить укрепления, переносить раненых, перевозить вооружение и продовольствие. Они участвуют во всех сельскохозяйственных работах, собирая «урожаи победы».

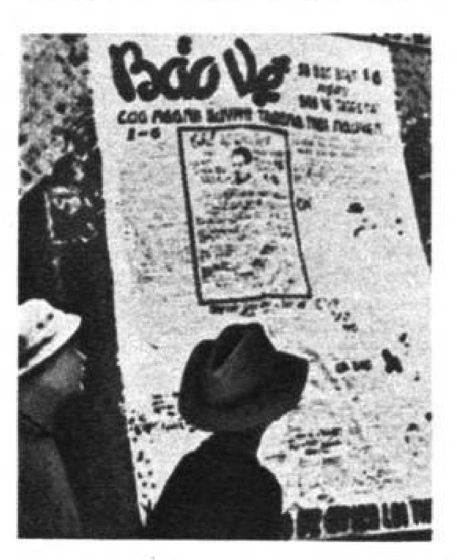
Сын крестьянина-бедняка Ля Ван Ку 14-летним юношей ушел связным в партизанский отряд. В 16 лет он стал бойцом Народной Армии; участвовал во многих боях, и за самоотверженность в борьбе с захватчиками ему присвоено почетное звание «Образцовый боец». Таких примеров много. Во всех средних школах созданы отряды самообороны, где учащиеся изучают военное дело, чтобы в случае необходимости быть готовыми стать под знамена Народной Армии.

Союз пионеров насчитывает сейчас в своих рядах более 300 тысяч подростков в возрасте от 12 до 17 лет. Этим союзом руководит Федерация молодежи Вьетнама, объединяющая более 2,5 миллиона юношей и девушек. Пионеры Вьетнама — энергичные и преданные помощники Народной Армии.

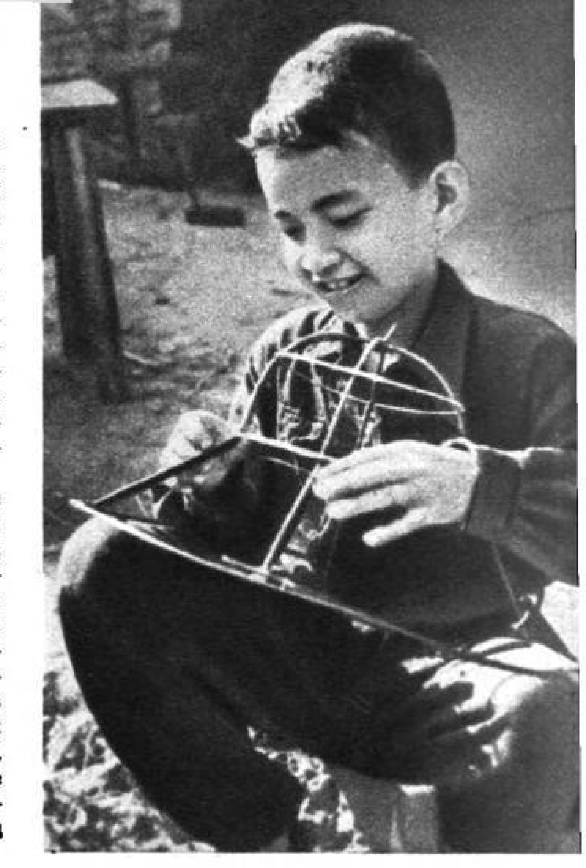
Вьетнам вносит свой вклад в движение за мир во всем мире. В сборе подписей под Обращением о заключении Пакта Мира активно участвуют и юные граждане республики. Группы молодых агитаторов пробирались в отдаленные горные районы страны и собирали там подписи.

Народ Вьетнама уверен в победе. Он очистит свою землю от иноземных захватчиков.

И. СТАРШИНОВ

Стенгазета одного из отрядов Союза пионеров

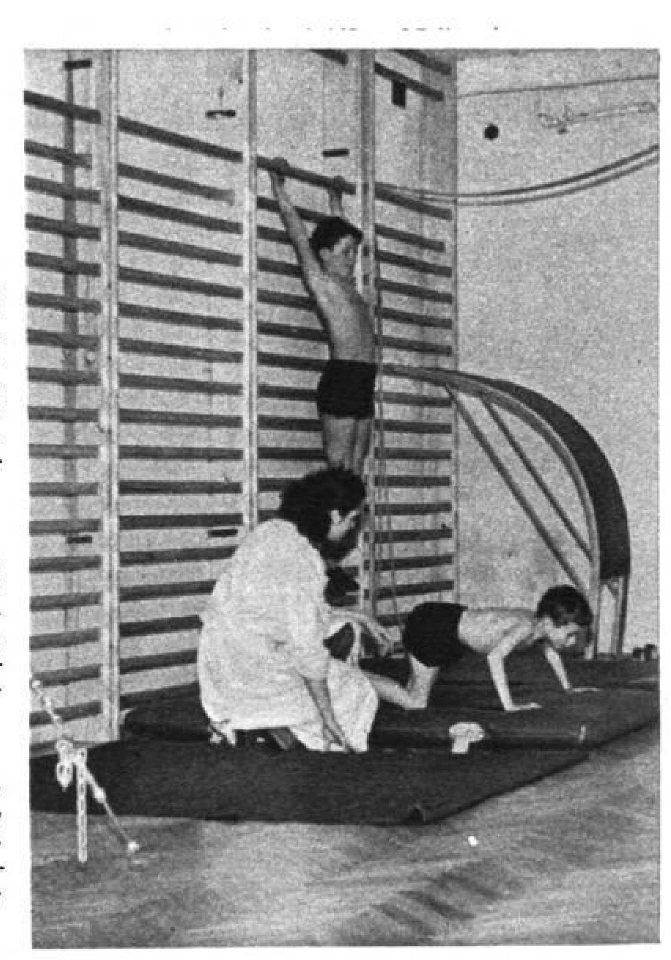
У солдата Народной Армии будет удобный шлем. Пионеры Вьетнама изготовили немало таких шлемов.

О них заботится народ

Во всех районных и областных городах Чехословакии открыты детские амбулатории и консультации. С первых дней жизни маленькие граждане республики находятся под наблюдением врачей, об их здоровье и благополучии заботятся страна, народное правительство.

Детская амбулатория города Градец Кралове (Чехия) оборудована по последнему слову медицины. Элишке недавно исполнился год. Перед осмотром врача мать и медицинская сестра ее взвешивают (снимок слева).

На снимке справа вы видите сестру гимнастического кабинета Либушу Шульцову в час лечебной гимнастики. Ярослав Влк и Иван Студеный выполняют упражнения, предписанные им врачом.

ПЕРЕД БОЛЬШОЙ ВОДОЙ

В Ростове, на улице Энгельса, открыта художественная выставка. Местные любители живописи по-разному оценивают творчество своих земляков. Признают мастерство старейшего ростовского художника Ф. С. Гончарова. Подолгу рассматривают большое панно «Строительство котлована», созданное бригадой молодых художников. Отмечают любопытный замысел Б. П. Бондаренко, выставившего эскиз картины на историческую тему.

Двенадцать тысяч человек посетили выставку за полтора месяца. Много зрелых суждений высказано людьми разных профессий. Но во всех отзывах, благосклонных и суровых, отмечается прежде всего интерес к теме, которой посвящена выставка: великая стройка коммунизма Волго-Дон. Ростовчане, которые не могут увидеть в натуре крупнейшее сооружение современности, пытливо разглядывают полотна, воспроизводящие эпизоды гигантской работы.

Этот интерес был бы понятен повсюду, в любом уголке нашей страны. Но в Ростове он тем обостренней, что от Волго-Дона тянутся нити к колхозным и совхозным полям Ростовской области, куда предстоящей весной должна придти большая вода. Потому и правы колхозники с хутора Веселого, когда они после посещения выставки требуют от художников, писателей, композиторов: «Вы бы показали будущую нашу крестьянскую жизнь на землях, орошенных водами Волги и Дона».

Люди, ожидающие воды, охвачены нетерпением. Они торопят всех, даже художников. Что уж говорить о строителях, которые, и без того опережающие график, изо дня в день подвергаются натиску хлеборобов с их неотвратимым календарем сельскохозяйственных работ! Правда, натиск совмещается с помощью: колхозы, расположенные в зоне будущего орошения, посылают молодежь в строительные бригады.

В рыбацком колхозе станицы Семикаракорской усомнились сначала, следует ли отпускать на строительство толкового бригадира Николая Алешина. Но когда станичники послушали лекцию о Волго-Доне и о том, что даст орошение 20 с лишним тысяч гектаров семикаракорских земель, произошел редкий случай: после лекции была принята резолюция — «Алешина командировать на стройку». Пошел он прицепщиком на грейдере, стал затем помощником машиниста экскаватора, а ныне сам управляет машиной. Станичники посылают к нему делегатов, и те, довольные, рассказывают дома, что не зря лишились они своего бригадира.

На ростовской выставке, в строительно-монтажных конторах, где-нибудь на бровке только что вырытого канала — всюду можно встретить колхозных людей, рассуждающих по-хозяйски о сооружениях, пока не принятых ими, но для них создаваемых. Да и можно ли в теплые предвесенние дни, когда сквозь неплотную облачную завесу проглядывает солнце, можно ли равнодушно ждать прихода большой воды! Еще сухи каналы, не орошенные даже дождем, еще поблескивают смазанные маслом затворы водовыпусков, зияют несомкнутые звенья железобетонных труб, еще не всюду построены переезды через каналы, так что председатель одного колхоза взмолился: «Не отрежете ли вы нас от всего мира?» Но посмотришь откуда-нибудь с пригорка на эту густую сеть больших и малых каналов, издали кажущихся морщинами, исполосовавшими лицо земли,— и представляешь, как устремятся по ним потоки, совершившие долгий путь от Цимлянского водохранилища до борозды на колхозном поле... Какая это будет радостная победа советского человека, поставившего себе на службу вольную стихию воды!

Вода должна придти сюда, на ростовские земли, в апреле. На 100 тысячах гектаров двух огромных массивов — Пригородного и Нижне-Донского — во владениях 45 колхозов и 13 совхозов Ростовской области уже нынешней весной вступит в действие оросительная система. Это только шестая часть всей орошаемой площади, это только часть оросительных работ, которые со временем преобразят задонские степи, особенно подверженные губительному влиянию суховеев. Несказанно повысится плодородие, будет создана прочная кормовая база для животноводства, впервые донское крестьянство займется посевами хлопка и риса. Дешевая электроэнергия от Цимлянской станции в корне изменит экономику задонских станиц, иначе сложится быт ростовских колхозников.

«По этим каналам, которые вы роете, вместе с водой к нам придет новая жизнь, — пишет строителям аксайский колхозник Николай Вострецов. — И не только внуки наши или дети, мы сами, те, кому за 70, эту новую жизнь почувствуем».

Что же удивительного, что так волнуется старик Вострецов в канун первой весны орошения!

...Колхоз имени В. М. Молотова, под Батайском. Неоглядная равнина, открытая всем ветрам. Только там, где мы стоим, некоторое возвышение. Это недавно насыпанная и плотно утрамбованная земляная «подушка». Отсюда тонкими струйками скатится вода к временным оросителям. Их еще нет и не может быть. Созданная советскими новаторами ирригации система предполагает, что в период, когда возникнет нужда в воде, будут проложены узкие канавки, а как только минует необходимость, их запашут. Не пропадет для посева ни клочка земли!

К самой «подушке» подступает не столь уж широкий участковый канал. Он готов на всем своем протяжении. Из откосов выглядывают круглые головки труб. Заложенные на одном и том же уровне, они как бы раскрыли рты в ожидании, когда мимо потечет вода. Небольшими глотками они примут эту воду и доставят ее к временным оросителям. На борозды воды попадет столько, сколько нужно, и тогда, когда нужно. Кое-где труб еще нет, торчат лишь вешки: геодезисты оставили эти памятные знаки для укладчиков.

Двинемся навстречу воде, благо, пока она еще не грозит затопить нас. Вот он, распределитель. Широкий канал полутораметровой глубины прерывается гидротехническими сооружениями. Спустимся в трубчатый водовыпуск. Небольшая камера с двумя щитами-дверцами, облицованная камнем. Вода неохотно подчинится человеческой воле, она будет биться о стены, ища прохода там, куда идти ей не положено. Каменные плиты рассчитаны на эти удары. Постучавшись в закрытую дверь, вода направится влево, где перед ней приподымут щит. Так она окажется в участковом оросителе. Строго отмерив нужное количество влаги, дежурный опустит затвор и направит поток дальше, до следующего водовыпуска.

Таких сооружений на всей оросительной сети «Ростовдонводстроя» сотни. Они заложены под железнодорожными путями, образуют перепады, трубчатые мосты. Строительство ведется индустриальными методами: сборные части изготовляют на заводах, а на месте их только монтируют с помощью автокрана. Так родилась новая в этом деле профессия — монтажников.

Где же взялись люди новой профессии? В грузчиках надобность почти отпала. И вот бывшие грузчики обучились монтажу. Бригада Ивана Носачева состоит из 14 человек, подобранных один к одному,— все бывшие грузчики! За день они успевают справиться с установкой трех сооружений.

Распределительный канал с гладкими, точно отшлифованными откосами примкнет к магистральному каналу — Азовскому. А сюда вода поступит из Веселовского водохранилища. Донской магистральный канал, обслуживающий другие районы Ростовской области, будет черпать воды из Цимлянского водохранилища. Так сомкнутся все звенья гигантской оросительной системы.

...Совхоз «Красный сад». Гектар за гектаром тянутся плодовые деревья, ныне погруженные в зимний сон. Шпалерами выстроились они вдоль канала, теряющегося где-то в неразличимой дали. Можно подумать, что их так и высаживали, словно по берегам реки. Но последовательность была здесь обратная: русло искусственной реки выкапывали вдоль ранее высаженного сада. Нетрудно допустить, что, проснувшись, яблони будут весьма удивлены, увидя свое отражение в водной глади, которая до нынешней весны могла только сниться им...

Канал здесь еще не закончен. Экскаваторщик Серафим Иванеев черпает ковшами слежавшуюся землю, аккуратно укладывая ее на бровки. К нему подошел объезжающий свое хозяйство начальник Батайской строительно-монтажной конторы «Ростовдонводстроя» Иван Васильевич Востриков. Сегодняшний объезд особенно важен. Долгое время непогода затрудняла подвоз сборных железобетонных сооружений. Теперь по просохшим дорогам можно будет пустить весь застоявшийся машинный парк. Опередить график и уж, во всяком случае, уложиться в него — насущная задача строителей. Здесь, в Батайске, готовят первое подключение к Азовскому каналу у хутора Усмань. Отсюда начнет свой путь водяной поток, которого ждут и в колхозе имени В. М. Молотова и в совхозе «Красный сад»...

«Покажите будущую нашу крестьянскую жизнь»,— писали веселовские колхозники, посетившие художественную выставку в Ростове. Будущее исчисляется здесь не десятилетиями, не всегда даже годами. Школьники еще не перейдут в следующий класс, как путь их в школу будет пролегать вдоль наполненных водой каналов. И в детских их впечатлениях навсегда сохранится первая весна, когда большая вода, нимало не утомленная долгим своим путем, быстрыми, веселыми ручейками устремится на задонские степные земли.

Я. ГИК

К экскаваторщику Серафиму Иванееву подошел Иван Васильевич Востриков.

Фото Е. Дорохова

ХРАНИЛИЩЕ РУКОПИСЕЙ

В этих комнатах всегда царит полумрак. И зимой и летом здесь одинаковая температура; за этим строго следят метеорологи. Чтобы попасть сюда, нужно пройти несколько крепко запирающихся железных дверей.

В сумраке поблескивают тисненные золотом корешки фолиантов. Ими заставлены все полки в шкафах.

В витрине под стеклом, закрытым сверху темной материей, лежит книга в толстом деревянном переплете, обтянутом кожей. Книга старше Москвы: ей 860 лет. Это так называемое Архангельское евангелие.

Мы рассматриваем книгу о жизни основателя Троице-Сергиевской лавры Сергия Радонежского, составленную его учеником Епифанием Премудрым. Даже теперь, через четыреста лет, не померкла золотая краска, которой так искусно выполнены орнамент и заглавные буквы. Каждую страницу книги украшают красочные иллюстрации. Особенно интересны страницы, посвященные Мамаеву побоищу. На одной из них рисунок, изображающий Димитрия Донского в момент, когда гонец принес ему страшную весть: полчища татар во главе с ханом Мамаем идут к Москве. Тема другого рисунка — Донской собирает войско. Со всех концов стекаются к нему русские люди, чтобы защитить родную землю. Вот и финал битвы на Куликовом поле. «...И... побеждени быша погании татарове и конечней пагубе предани быша», — повествует Епифаний.

...Тонкие пожелтевшие листки. На одном из них написано: «Воинский артикул». Вдоль и поперек строчек угловатым, обрывистым почерком сделана правка. Внизу текста твердо начертано: «Петр».

...Раскрытая книга со знакомым и... незнакомым текстом:

«ГОРОДНИЧИЙ: Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам пренеприятное известие. Меня уведомляют, что отправлен инкогнито из Петербурга чиновник с секретным предписанием обревизовать в нашей губернии все относящееся по части Гражданского управления».

По тексту тонким карандашом сделаны поправки. Слова «меня уведомляют» и дальше, до конца фразы городничего, зачеркнуты. Вместо них вставлено: «К нам едет ревизор». У Ляпкина-Тяпкина и Земляники изменены реплики. Они даны такими, какими мы слышим их на сцене сейчас. Эту правку на первом издании «Ревизора» делал Гоголь.

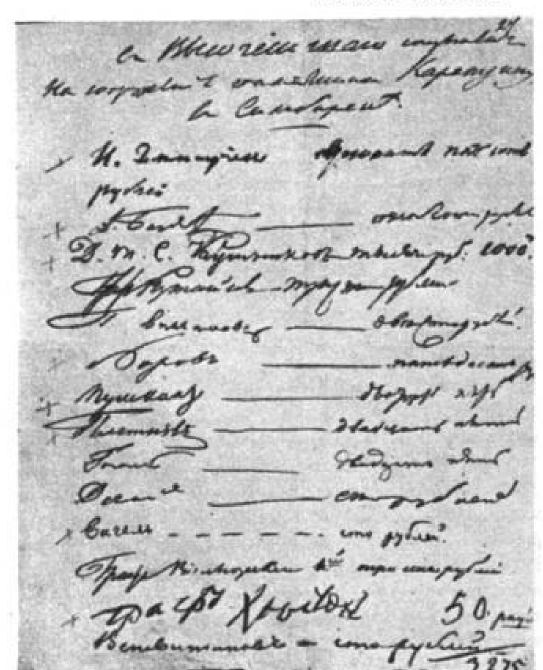
Рядом с книгой лежит пожелтевший лист бумаги — подписной лист на постройку памятника русскому историку Карамзину. Тут подлинные подписи: Пушкин, Гоголь.

...Письма Кутузова, помеченные 1812 годом. В одном из них полководец «жалуется» дочери, что «...эти дни покою нет. Неприятель бежит из Москвы и мечется во все стороны, и везде надобно поспевать».

Многозначительная фраза восстанавливает в памяти величественную страницу истории нашей Родины.

Нельзя перечислить все бесценные памятники старины, хранящиеся в Библиотеке имени В. И. Ленина. Еще сравнительно недавно большинство этих сокровищ оставалось в частных коллекциях и ревниво скрывалось от постороннего взгляда. Теперь древние книги и рукописи стали доступными нашим ученым, пытливым исследователям.

Б. ПРОТОПОПОВ

Подписной лист на постройку памятника Карамзину. Тут подлинные подписи Пушкина и Гоголя.

С. В. Гризодубов с двухлетней дочерью Валентиной в кабине моноплана «Г-3» на поле Харьковского ипподрома перед вылетом. Снимок сделан летом 1912 года.

ОТЕЦ И ДОЧЬ ГРИЗОДУБОВЫ

Осенью 1938 года весь мир облетела весть о выдающемся международном женском рекорде, установленном тремя отважными советскими летчицами — Валентиной Гризодубовой, Полиной Осипенко и Мариной Расковой. На самолете «Родина» они совершили героический беспосадочный перелет по маршруту Москва — Дальний Восток, проявив в труднейших условиях пути и посадки исключительную отвагу и высокое летное мастерство. Советские летчицы во главе с командиром экипажа «Родина» В. Гризодубовой первыми из женщин нашей страны были удостоены тогда высокого звания Героя Советского Союза.

По-разному произошло первое знакомство с самолетом у каждой из трех этих летчиц. Смело можно утверждать, что раньше всех «познакомилась» с авиацией Валентина Гризодубова. Впервые она совершила полет на самолете, когда ей было... два года.

Валентина Гризодубова родилась в авиационной семье. Ее отец Степан Васильевич начиная с 1907 года сам конструировал и на свои скромные средства строил самолеты.

В журнале «Вестник воздухоплавания», издававшемся в те годы, в одной из корреспонденций сообщалось: «С. В. Гризодубов по образованию — техник, человек небогатый, живет он только на те средства, которые дает ему его профессия. Каждый, конечно, знает, как «велик» заработок техника, живущего в России, да еще с семьей, которому и без таких дорогих «затей», как постройка аэроплана, приходится во многом себе отказывать. Но эти лишения во всем, кроме самого необходимого, не остановили человека, решившего летать... Этот талантливый самоучка, построивший много интересных аппаратов... всецело посвятил себя воздухоплаванию».

Несмотря на трудности и отсутствие всякой поддержки, Степан Васильевич построил по своим чертежам несколько самолетов: «Г-1», «Г-2», «Г-3» — и моторы к ним, а затем и успешно летал на них. Один из первых авиационных моторов Гризодубова и сейчас экспонируется в Центральном доме авиации и ПВО имени М. В. Фрунзе.

Лучшим самолетом, построенным С. В. Гризодубовым в то время, был моноплан «Г-3» с трехцилиндровым мотором воздушного охлаждения мощностью в 35 лошадиных сил. На этом самолете получила первое воздушное крещение дочь конструктора Валентина. Вспоминая об этом случае, жена конструктора Надежда Андреевна рассказывает:

— Однажды я ушла из дому на работу. Двухлетнюю Валю не на кого было оставить. Отец, собиравшийся проверить свой новый самолет, не долго думая, привязал девочку к себе и полетел. Вот и вышла она у нас летчицей...

В семейном альбоме Героя Советского Союза Валентины Гризодубовой бережно хранятся десятки старых любительских фотографий. Есть в этом альбоме один снимок, который представляет особенный интерес. Сделан он сорок лет назад на поле Харьковского ипподрома. Объектив фотоаппарата запечатлел перед взлетом моноплан «Г-3», на хвостовом оперении которого видна надпись: «Конструктор и строитель аэроплана С. Гризодубов». В кабине самолета сидит летчик с маленькой девочкой. Пилот в бескозырке и есть Степан Васильевич Гризодубов, а девочка — его дочь Валентина, которой было тогда два года.

Много лет прошло с тех пор, когда Степан Васильевич вывозил в первый полет свою дочь. Много радостных перемен произошло за это время в жизни одного из старейших пилотов и конструкторов отечественной авиации.

С первых дней Великой Октябрьской социалистической революции Степан Васильевич принимал самое активное участие в действиях молодых авиационных частей Красной Армии. По окончании войны Гризодубов перешел на конструкторскую работу.

Степан Васильевич — частый гость у своей дочери Валентины. Учась и воспитываясь в условиях советской действительности, она осуществила свою мечту, пройдя путь от курсанта авиационной школы Осоавиахима до первоклассного летчика. С первых же дней Великой Отечественной войны Гризодубова ушла на фронт, стала командиром авиационного подразделения, впоследствии получившего гвардейское звание. Около 200 боевых вылетов совершила командир подразделения Валентина Степановна Гризодубова. Боевыми орденами и медалями увенчала Родина подвиги своей славной дочери.

Ныне, в мирные дни, летчица продолжает трудиться на благо дальнейшего укрепления мощи нашего Воздушного флота. Пилот 1-го класса, она уверенно держит в руках штурвал замечательного советского самолета, ничем не напоминающего маленький моноплан «Г-3», на котором когда-то Валентина Гризодубова получила воздушное крещение.

А. АЛЕКСАНДРОВ

С. В. Гризодубов с дочерью Валентиной в январе 1952 года.

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

В боях за Родину

Сборник «За Родину! За Сталина!», посвященный комсомольцам и молодежи Вооруженных Сил СССР в Великой Отечественной войне,— книга волнующая и очень своеобразная. Несмотря на то, что материал ее в ряде случаев не нов, она до последней страницы держит читателя в неослабном напряжении.

...1941 год. Первые сводки Совинформбюро: фашистские стервятники налетели на Киев, Минск, Одессу, Львов; они сбрасывают бомбы на наши мирные города и села — на детей и женщин, на дома и школы, на поля и заводы. Бронированная гитлеровская военная машина вламывается в пределы нашей священной Родины.

Но сразу же по зову Сталина подымается против нее весь народ. Гремит суровая песня: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой». Бессмертным факелом вспыхивает самолет Гастелло, и весь мир видит, на какую самоотверженность способен советский человек и как он будет сражаться за свою Отчизну.

Комсомолец Иван Середа, повар полковой кухни, вскакивает на броню немецкого танка и, обухом топора ударив по стволу стреляющего пулемета, выводит его из строя.

3 июля из Сланцевского райкома комсомола в Ленинградский обком ВЛКСМ приходит телеграмма, состоящая из одной фразы:

«Все комсомольцы Сланцевского района уходят добровольцами на фронт и в партизанские отряды».

В сборнике вперемежку идут: фотокопия телеграммы из Сланцев; очерки военных журналистов и писателей; текст песни Лебедева-Кумача «Священная война»; снимок Виктора Талалихина, таранившего августовской ночью вражеский бомбардировщик,— открытое, ясное, молодое лицо; комсомольский билет Тимура Фрунзе — достойного сына славного отца — с торжественной, четкой, горькой надписью наискось билета: «Погиб геройской смертью в боях за родину. Посмертно присвоено звание Героя Советского Союза».

Чем больше вчитываешься в книгу, всматриваешься в нее, вдумываешься, тем больше забываешь о том, что это книга, и книга, написанная кем-то другим; тем больше начинает она казаться тебе твоими собственными, самыми драгоценными для тебя воспоминаниями. Волнующими страницами героической эпопеи Великой Отечественной войны раскрываются перед тобой в этом сборнике и фотокопии документов, и очерки, посвященные героям-комсомольцам, и листы плакатов, звавшие тебя в бой, и гравюры, в которых снова оживает пережитое десять лет назад.

Книга носит подзаголовок: «Литературно-художественный и документальный сборник». Но это не точно: она документальна полностью. Разве включенные в нее песня «Священная война», или стихотворное послание Джамбула в блокированный Ленинград «Ленинградцы, дети мои! Ленинградцы, гордость моя!», или плакаты «Родина-мать зовет!» И. Тоидзе и «Защитим город Ленина» В. Серова не являются сами по себе памятными документами Великой Отечественной войны нашего народа против гитлеровских захватчиков?! Что же касается очерков, составляющих подавляющее большинство литературно-художественной части книги, то об их документальности тем более не может быть двух мнений. Возьмем ли мы навсегда оставшийся в сердцах советских читателей вдохновенный рассказ геройски погибшего впоследствии корреспондента «Правды» П. Лидова «Таня» — первый рассказ, из которого мы узнали о Зое Космодемьянской (когда Лидов писал «Таню», ему еще не было известно настоящее имя Зои, ведь она скрыла его на допросе); возьмем ли мы облетевший в свое время почти все газеты очерк замученного фашистами писателя-коммуниста А. Хамадана, героя боев за Севастополь и одного из организаторов дальнейшей подпольной борьбы против гитлеровцев,— очерк о подвиге пятерых комсомольцев-краснофлотцев, бросившихся, обвязав себя связками гранат, под вражеские танки; возьмем ли мы все остальные очерки, включенные в сборник, — все без исключения,— и мы увидим, что и они точно так же документальны.

И в том, что книга документальна полностью, ее особая сила. Вот, например, писанное в Сталинграде 10 ноября 1942 года заявление на листке из тетради в две линейки:

«В Березовский райком Комсомола от уч. <еника> 6 класса «А» Б. С. Ш. <Березовской средней школы> Межевалова Геннадия Василича

Заявление

Мне 14 лет, но я очень прошу вас послать меня на защиту нашего родного города Сталина. И зачислить меня в разведку. Я обязуюсь бить врага до последней капли крови.

Г. Межевалов».

Вслед за росчерком той же рукой приписка: «Мать согласна».

Что прибавить к такому документу?! И составители правы, публикуя его, как он есть, без каких бы то ни было примечаний.

Словно чеканный, вырисовывается перед читателем на страницах книги замечательный облик нашей молодежи — беззаветно преданной делу коммунизма, никогда не теряющей бодрости и силы духа, находчивой, талантливой, беспощадной к врагам и беспредельно трогательной и участливой к друзьям,— молодежи, которая плоть от плоти и кровь от крови всего советского народа.

Плакат художника А. Казанцева. Июль 1941 года.

Комсомольский билет Тимура Фрунзе.

О времени и событиях, охватываемых книгой, отчетливое представление дают названия глав сборника: «В первые месяцы войны», «В битве за Москву», «В боях под Ленинградом», «На защите Советского Юга», «Они сражались за Сталинград». Главы составлены мастерски, умело и экономно. По мере чтения каждой из них все шире разворачивается картина боев и участия в этих боях молодежи; нигде не сталкиваешься с повторениями, каждая новая страница дает тебе что-то новое, обогащает тебя. А это нелегкий и ответственный труд: отобрать материал для такого сборника, не измельчить его!

С нетерпением будет читатель ожидать второго тома сборника, который должен показать нам комсомол и молодежь во второй половине Великой Отечественной войны — в победных битвах за изгнание немецко-фашистских захватчиков с территории Советского Союза и в великих освободительных боях, ведшихся Советской Армией на территориях других стран, оккупированных немецкими фашистами.

Остается добавить, что сборник очень хорош и внешне. Выразительны рисунки и фотографии. Коллектив, потрудившийся над этой книгой, так же как Военное издательство, порадовавшее ею читателя, безусловно, заслужит одобрение читателей.

Руд. БЕРШАДСКИЙ

«За Родину! За Сталина!» 1941—1942 гг. Составитель и редактор сборника — С. Смирнов. В составлении сборника приняли участие В. Озеров, В. Коротеев, А. Денисович, Б. Азбукин, Л. Соловейчик, Н. Иванов. Воениздат. 1951. 659 стр.

Сборник о Корее

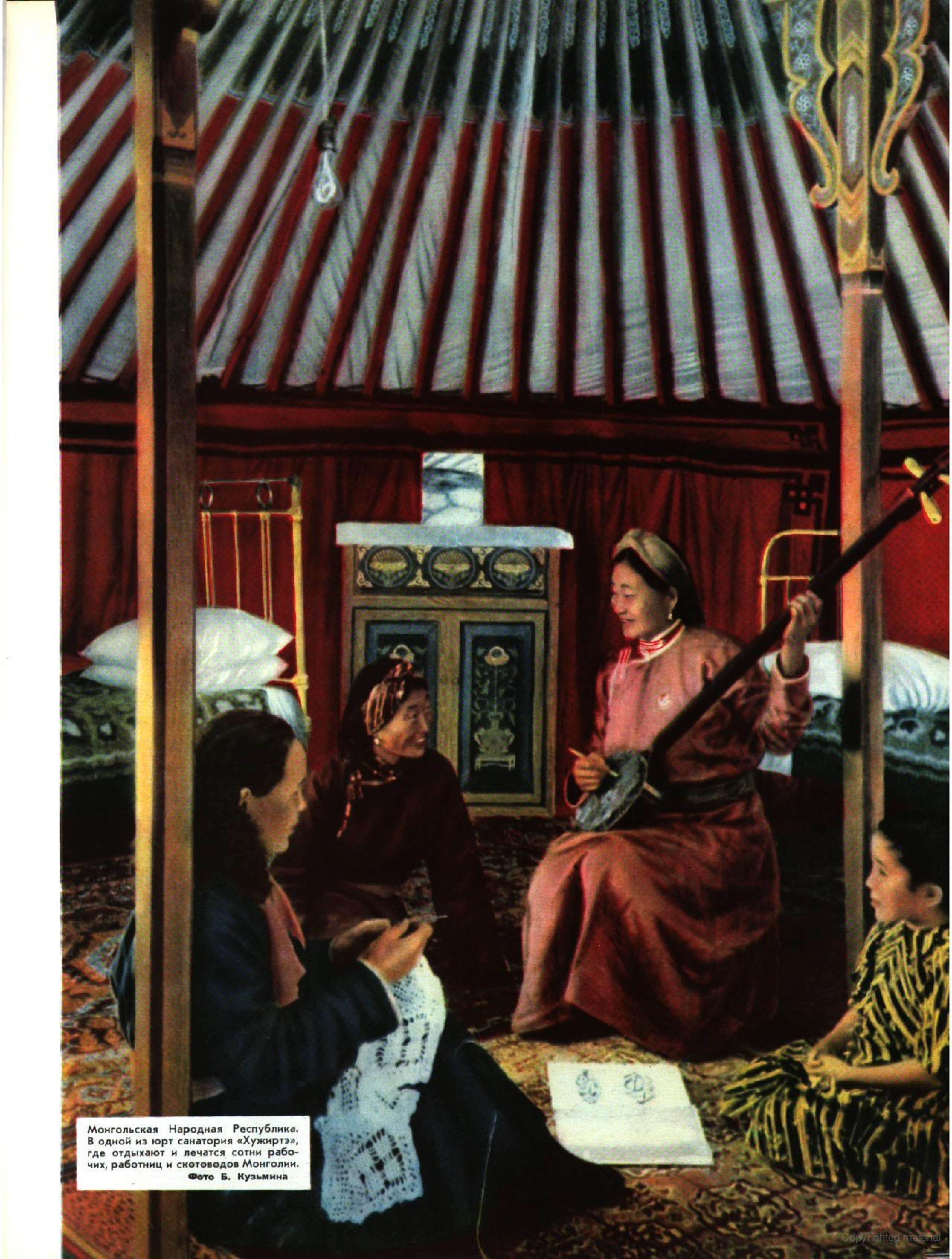
В Институте востоковедения Академии наук СССР закончилась работа над сборником «Корейская Народно-Демократическая Республика».

Этот капитальный коллективный труд состоит из двух частей. Первая содержит очерки по географии и истории страны с древнейших времен до ее освобождения в 1945 году. Сюда же входят исследования экономики Кореи в условиях господства японского империализма. Вторая часть открывается статьей о разгроме фашистского блока в мировой войне и освобождении Кореи. Здесь же опубликованы материалы о демократических преобразованиях в Северной Корее и борьбе корейского народа за независимость, против захватнической политики США. В книге подробно освещена помощь Советского Союза и Китая корейскому народу.

«Корея» — русское название страны. Оно произошло, как поясняется в сборнике, от имени древнего государства Коре, существовавшего на территории Корейского полуострова с X по XIV век. Новое официальное название страны — Чосон Минчу Чжуый-инмин конхвагук (Корейская Народно-Демократическая Республика) — принято освобожденным от японского империализма корейским народом одновременно с провозглашением республики в сентябре 1948 года.

Сборник рассчитан на широкие круги советской интеллигенции. В настоящее время он сдан в печать.

А. СИНЕЛЬНИКОВ

Монгольская Народная Республика. В одной из юрт санатория «Хужиртэ», где отдыхают и лечатся сотни рабочих, работниц и скотоводов Монголии.

Фото Б. Кузьмина

Заслуженная артистка РСФСР Ирина Бугримова.

На арене цирка

Ю. ДМИТРИЕВ

Поздний вечер, идет к концу цирковая программа. Торжественно звучит оркестр. Постепенно устанавливается напряженная тишина, всегда сопровождающая выступление настоящего мастера. И вот один за другим из тоннеля выходят громадные, гривастые звери. Они идут медленно, как будто бы лениво, но в каждом их движении ощущается необычайная мощь. Невольная дрожь пробегает по спинам зрителей, когда львы в поисках своего места слишком близко подходят к прутьям выстроенной на арене клетки. Какой смелостью, терпением, любовью к животным надо обладать, чтобы безоружным решиться войти в клетку ко львам — гладить их, кормить мясом из своих рук, заставлять выполнять сложные упражнения!

История цирка знает множество имен укротителей, чья смелость поражала публику. Но советские артисты и в этой трудной и опасной профессии сказали свое новое слово. И здесь одно из первых мест принадлежит Ирине Николаевне Бугримовой.

И. Н. Бугримова — участница Всеукраинской спартакиады. 1927 год.

Вот она, посадив на качели льва, вместе с ним взлетает почти под купол цирка. Заставив львов улечься на опилки манежа, Бугримова сама ложится на этот живой львиный ковер; ее львы делают сложные пирамиды, берут мясо изо рта своей хозяйки, прыгают через препятствия. Но дело не только в этих трюках, дело и в другом — в подаче номера. Еще в двадцатых годах в наших цирках выступали по преимуществу иностранные укротители. Держа в руках горящие факелы, вооруженные железными трезубцами, палками, они нарочито подчеркивали опасность, которой подвергались. Очень часто обозленные львы переходили к нападению, и тогда схватка нередко кончалась смертью укротителя.

Первыми отказались от запугивания животных старейшие наши мастера Б. Эдер и Н. Гладильщиков. Они стремились лаской и терпением приручить хищников, и оба включали в свои номера не только героику, но и юмор. Бугримова воспользовалась этим опытом, дополнила и развила его.

Одетая в венгерку и лосины, красивая женщина появляется на арене. Женское изящество в артистке соединяется со смелостью и мужеством. От одного льва к другому переходит дрессировщица, ласкает их, ловко увертываясь от, может быть, и нежных, но очень опасных львиных объятий. Бугримова умеет показать льва действительно царем зверей, опасным и жестоким хищником, и в то же время она никогда нарочито не демонстрирует опасность. Ее номер волнует как акт высокого мужества, но в нем нет той подчеркнутой игры на нервах, которой отличается буржуазный цирк.

Бугримова не принадлежит к семье потомственных цирковых артистов, которым «тайны» их профессий открываются с детства. В молодости Бугримову привлекал спорт: летом — легкая атлетика, в особенности метание копья, диска, ядра, зимой — коньки. Она добилась хороших результатов, выступала в соревнованиях, занимала первые места. И от спорта Бугримова пришла к цирку. Вместе с А. И. Буслаевым (тоже спортсменом) они сделали номер «Полет на санях». Из-под самого купола цирка по крутому скату летели вниз маленькие салазки, взлетали в воздух, пролетали сквозь вертящееся кольцо и опускались на специально подготовленный амортизатор. Этот номер послужил хорошей подготовкой для будущей дрессировщицы львов — профессии, о которой Бугримова мечтала давно. И вот наступил день, когда она впервые вошла в клетку ко львам. «Круг смелости» — назывался номер, и это название было вполне оправдано: по стенам клетки, в которой находились львы, мчались мотоциклисты.

Лев — очень опасный хищник, поэтому Бугримова начинает работать с молодняком, обычно не старше двух лет. Львята, привыкая к манежной клетке, играют в ней, борются. Так проходит несколько дней. Одновременно звери знакомятся с дрессировщицей, она кормит их, заботится о них. И наконец начинается дрессировка.

Каждый лев должен знать свое место. Сначала его приходится сажать силой, но едва он сел, ему сейчас же дают кусок мяса. Если лев упрямится — что делать! — в ход пускается бич: нельзя потакать капризам, иначе животное избалуется и не будет слушаться. Это легко сказать: «Пусть лев сядет на свое место», — иногда поиски места повторяются по сто, по двести и больше раз, пока животное точно не запомнит, что от него требуется. Так же репетируются и все остальные трюки.

Вырастая, львы хорошо запоминают, что рука дрессировщицы может быть доброй и ласковой, когда они послушны. Но в этой же руке зажат хлыст, больно бьющий неподчиняющихся. И постепенно львы привыкают и любить свою хозяйку и бояться ее. Но иногда инстинкт хищника может оказаться сильнее, чем его привязанность или страх. Вот почему укротитель должен всегда быть настороже и не забывать ни на минуту о том, что запуганное животное всегда хуже работает, к тому же запуганность часто переходит в озлобленность.

Сейчас И. Н. Бугримова готовит новый трюк: лев будет крутить громадное колесо, а другой лев — бежать поверх этого колеса. Мировой цирк не знал ничего подобного. И разве не высшим достижением дрессировки является лев, едущий на лошади? С этим номером Бугримова выступает с большим успехом.

Каждый вечер появляется артистка на манеже цирка. За смелость, за ловкость и изобретательность Бугримову любят советские зрители.

Репетиция нового трюка с вращающимся колесом.

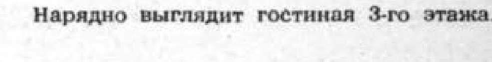
Лев-наездник.

ГОСТИНИЦА „СОВЕТСКАЯ“

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

Нарядно выглядит гостиная 3-го этажа.

«Советская» — это слово золотыми буквами начертано над входом в здание новой столичной гостиницы, сооруженной на Ленинградском шоссе трестом Мосжилгосстрой.

Вестибюль. Пол, стены, колонны покрыты светлым мрамором. Хрустальные люстры льют спокойный дневной свет. Тяжелые синие бархатные портьеры обрамляют высокие окна. Фарфоровые вазы прославленного Ленинградского завода имени М. В. Ломоносова, торшеры с густыми синими абажурами, стильная мебель и картины на стенах — все здесь говорит о красоте, великолепии, уюте, большом и строгом вкусе людей, строивших и оборудовавших гостиницу.

По широкой мраморной веерообразной лестнице — большое инженерное искусство потребовалось от ее строителей — поднимемся на верхние этажи, заглянем в многочисленные гостиные, с комфортом обставленные комнаты. На трех верхних этажах здания сто номеров из одной, двух и трех комнат.

— Каждая комната в нашей гостинице имеет свое «лицо»,— рассказывает старший производитель работ инженер Виктор Иванович Власов.— Это касается не только отделки стен, стиля мебели, но и таких мелочей, как, скажем, письменный прибор или настольная лампа. Главное достоинство нового здания заключается в высоком качестве строительных работ и оборудования.

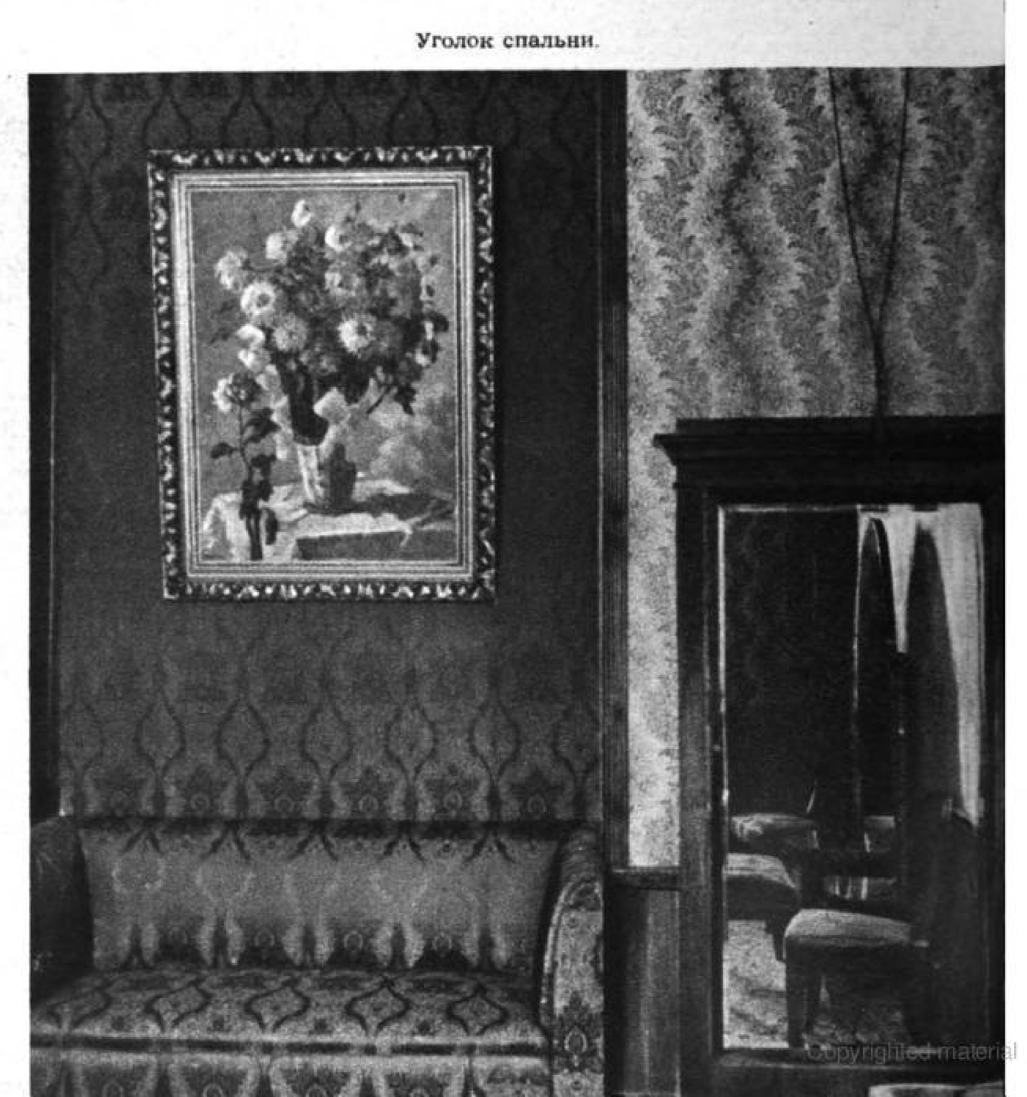
В. И. Власов с полным правом может, оглядываясь назад, сказать, как далеко шагнули строители гостиниц в советских городах. В свое время В. И. Власов строил гостиницу «Москва». Но тогда он был только каменщиком. Одновременно Виктор Иванович учился в вечерней школе рабочей

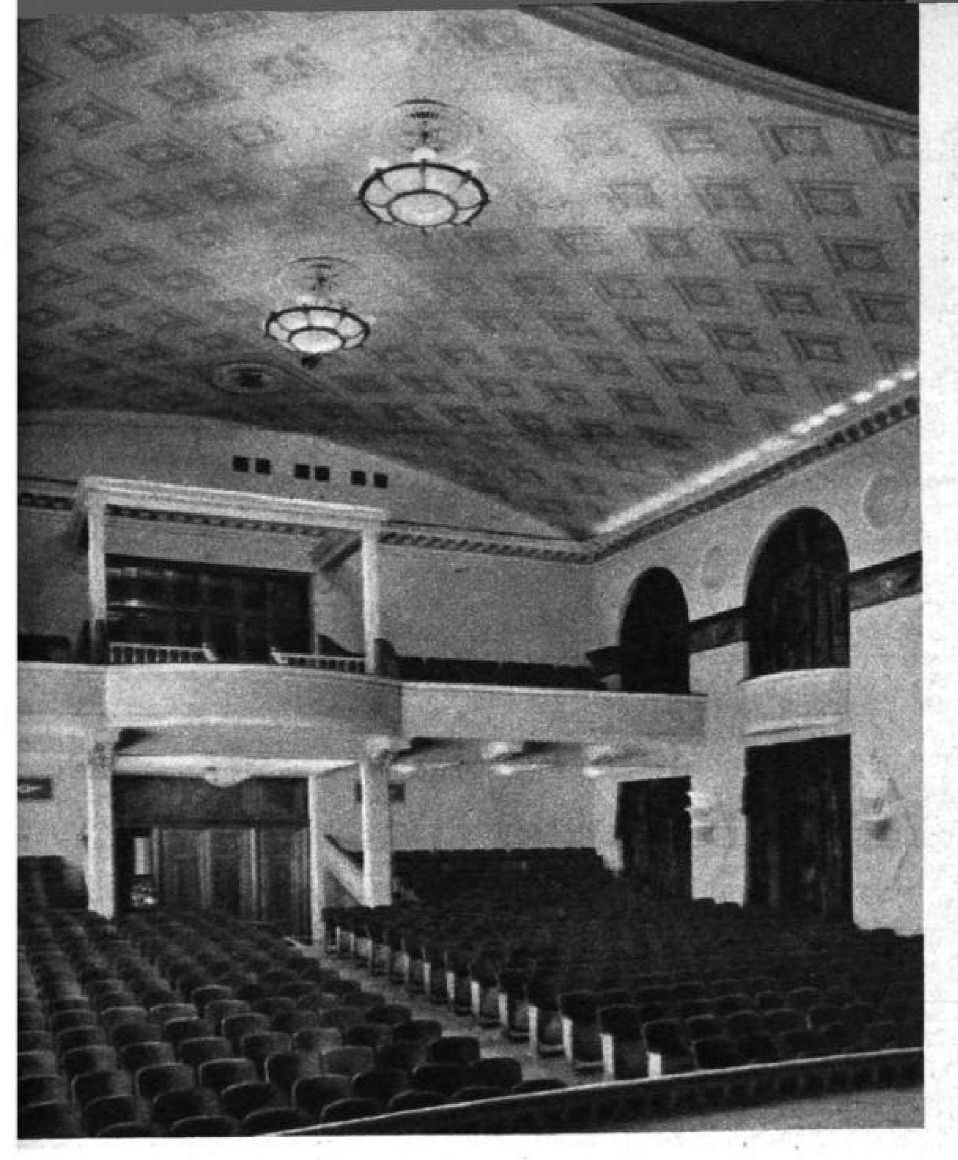

Гостиная одного из трехкомнатных номеров.

Уголок спальни.

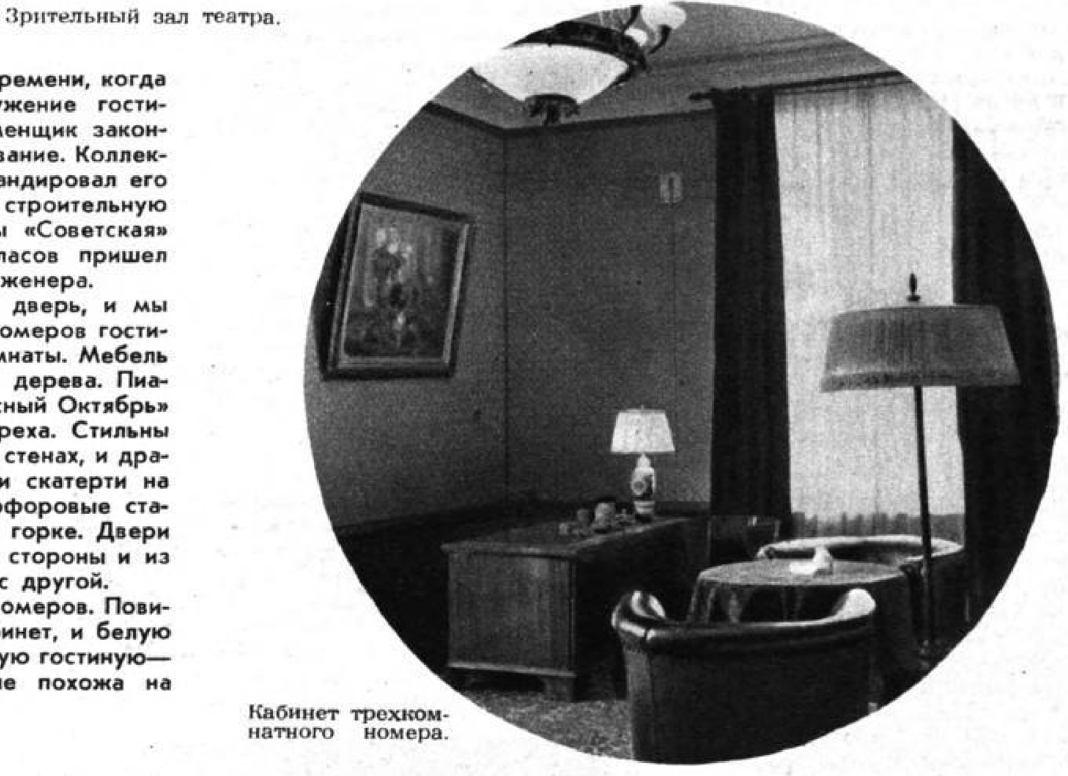

Зрительный зал театра.

молодежи. К тому времени, когда завершилось сооружение гостиницы «Москва», каменщик закончил среднее образование. Коллектив строителей командировал его в институт. И вот на строительную площадку гостиницы «Советская» Виктор Иванович Власов пришел уже с дипломом инженера.

Власов открывает дверь, и мы входим в один из номеров гостиницы. В нем три комнаты. Мебель гостиной орехового дерева. Пианино фабрики «Красный Октябрь» тоже сделано из ореха. Стильны и штофные обои на стенах, и драпировки на окнах, и скатерти на столах, и даже фарфоровые статуэтки в стеклянной горке. Двери из ореха — с одной стороны и из красного дерева — с другой.

Мы обошли ряд номеров. Повидали и красный кабинет, и белую спальню, и золотистую гостиную — ни одна комната не похожа на другую. Столь же старательно и любовно оформлены однокомнатные номера.

Кабинет трехкомнатного номера.

Комнаты и залы гостиницы украшены 800 картинами советских художников.

В другой части здания расположен ресторан. Рядом — коктейль-холл, бильярдная. Кухня ресторана полностью электрифицирована. Единственная огневая печь предназначена для приготовления шашлыков. Кухонные электрические агрегаты потребляют энергии столько же, сколько два больших жилых дома. Четыре подъемника соединяют кухню с заготовительными цехами.

В гостинице есть свой театр. Его зрительный зал вмещает 800 человек.

— При сооружении гостиницы широко применялась механизация строительных работ,— рассказывает начальник строительства М. О. Самет.— На стройке под руководством опытных мастеров — штукатура П. С. Севостьянова, столяра П. Ф. Косорукова, маляра А. А. Егорова, паркетчика К. К. Муханова, мраморщика Г. И. Кретова и других — работали молодые рабочие, воспитанники школ ФЗО.

Авторы проекта гостиницы «Советская» в прошлом году были удостоены Сталинской премии.

Я. ЯКОВЛЕВ

Мраморная лестница ведет на верхние этажи.

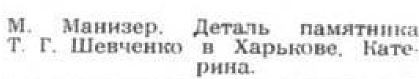
Вестибюль гостиницы.

«Калиновая роща» А. Корнейчука. Наталия Ковшик — народная артистка СССР Н. Ужвий.
Фото Б. Борисова

«Украденное счастье» И. Франко в постановке Киевского государственного академического драматического театра имени И. Франко. В роли Анны — народная артистка СССР Н. Ужвий.

М. Манизер. Деталь памятника Т. Г. Шевченко в Харькове. Катерина.

ОБРАЗЫ ЖЕНЩИН УКРАИНЫ

В Харькове высится созданный скульптором Манизером памятник Тарасу Шевченко. Вокруг постамента скульптор расположил фигуры героев произведений Шевченко и среди них любимый поэтом образ Катерины. В создании ее скульптуры Манизеру помогала Наталия Ужвий. Вглядитесь в прекрасное лицо Катерины — вы прочтете в нем глубокое горе, скорбную задумчивость, скрытый гнев. Такими артистка рисует сценические портреты своих землячек из далекого прошлого.

Играя Анну («Украденное счастье») и Марусю («Ой, не ходи, Грицю»), Ужвий раскрывает всю горечь судьбы украинской женщины до революции. Но артистка показывает, что наряду с тоской в каждой из них таится сила протеста, рожденная любовью к родине, стремлением к лучшему будущему.

Первый акт «Маруси Богуславки». Старый кобзарь поет песню о подвигах запорожцев. Маруся-Ужвий в украшенном цветами и лентами костюме украинской девушки, прислонившись к резному столбику крыльца, слушает деда. Ее лицо побледнело, глаза широко раскрыты; кажется, она воочию видит все, что происходит с героями-запорожцами. Кобзарь запел об их ужасной гибели. Ужвий вскрикнула, закрыла глаза, по ее лицу струятся слезы...

Во втором акте мы видим Марусю в плену. В пышном наряде ханской наложницы бродит она по дворцу. Запястья звенят на ее руках, как кандалы. Пролетают птицы. Она бросается к решетке, протягивает к ним руки. Они летят на родину. «Лебеди мои, лебедятки...» — тоскует голос Ужвий, и кажется, что ее жалобы и стоны сейчас перельются в песню, протяжную песню о женской доле.

Слушая певучий голос Ужвий, постигаешь всю красоту и богатство народных песен Украины.

Павло Тычина сказал об украинском языке: «Наш говор соловьиный». Голос Ужвий подтверждает это определение. Недаром поэт в стихотворении, посвященном актрисе, писал, что она «сложила» свои образы — не сыграла, а именно сложила,— как песню.

Особенно вдохновенной, свободной и широкой становится эта песня, когда актриса играет роли советских женщин, наших современниц.

В годы Великой Отечественной войны Ужвий сыграла в фильме «Радуга» роль партизанки Олены. Актриса воплотила на экране героический образ советской матери, отдающей во имя Родины не только свою жизнь, но и жизнь своего первенца, только что рожденного сына.

В рассказе «Рождение человека» Горький пишет о глазах матери, «насквозь промытых слезами страданий», которые «снова были изумительно ясны, снова цвели и горели синим огнем неисчерпаемой любви». Вот такие глаза были у Ужвий в этой роли, и тот, кто видел ее Олену, верно, никогда ее не забудет.

Когда фильм «Радуга» вышел на экраны, Ужвий получала сотни писем от бойцов, сражавшихся в то время на фронтах Отечественной войны. Они писали о том, как глубоко потрясала их ее игра, как росло их желание, не щадя жизни, сражаться за таких, как Олена, советских матерей.

Кончились испытания войны. Счастье мирного труда передает Ужвий в созданных ею в последние годы образах Ольги в «Макаре Дубраве» и Наталии Ковшик в «Калиновой роще» А. Корнейчука.

...Радостная, оживленная вбегает Ольга-Ужвий в садочек своего отца Макара Дубравы. Но вот мать начинает расспрашивать ее о жизни с мужем, и тень ложится на лицо Ольги. Ее мучит не только то, что Павел заметно изменил отношение к ней, но главным образом то, что он стал плохо работать. Глубоко и серьезно переживает Ольга ошибки любимого мужа.

Но ведь мы с вами видели ее сейчас веселой и оживленной. «Я только что пришла из больницы», — сказала тогда Ольга. И мы понимаем, что она живет не только своим личным горем, но прежде всего своей работой врача, и это дает ей радость. Так актриса сразу приносит с собой на сцену характерные черты советской женщины во всем ее духовном богатстве.

В роли Наталии Ковшик — «Калиновая роща» А. Корнейчука — Ужвий появляется на сцене гневная, возмущенная, но, слушая, как она обрушивается на Романюка, невольно думаешь: а как, наверное, хорошо умеет эта женщина приласкать и ободрить, сколько в ней нежности!..

Ковшик-Ужвий относится к людям строго и любовно, как мать. Она полна деятельной, материнской заботы не только по отношению к своей родной дочери Василине, но и к художнику Вербе, к писателю Батуре, к вдовам-колхозницам, к Романюку — ко всем советским людям, с которыми сталкивает ее жизнь. Счастливое, горячее материнское сердце раскрывает Ужвий в этой роли. И снова нельзя не сказать об ее обаятельной речи, о ее чудесном украинском говоре.

Ужвий сыграла огромное количество ролей — она выходила на сцену в образах купеческой вдовы Юлии Тугиной («Последняя жертва») и испанской королевы Елизаветы («Дон-Карлос» Шиллера), юной, задорной Беатриче («Много шума из ничего») и надменной польской красавицы Марины Мнишек («Борис Годунов»)... Но в центре ее творчества образы украинской женщины прошлого и настоящего. Ее искусство посвящено судьбе этой женщины.

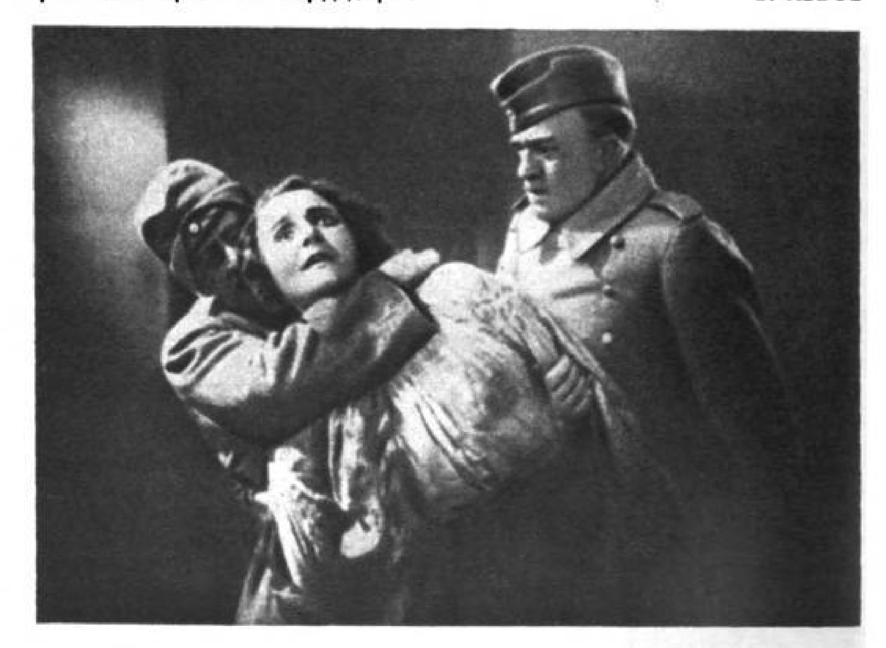
Думая о славном пути замечательной украинской актрисы Наталии Ужвий, вспоминая сыгранные ею роли, невольно останавливаешься на одной из них — на роли актрисы дореволюционного провинциального театра Ваниной в пьесе И. Тобилевича «Житейское море».

В этой роли все так контрастно с судьбой самой Ужвий — любимого народом мастера советского театра!

...Вспоминается финал спектакля. Грязный номер гостиницы. Бродячие актеры собрались в дорогу. Трагик Иван Барильченко с пафосом произносит речь о том, что отныне он будет честно служить «святому» искусству. Поодаль стоит Ванина-Ужвий. Она слушает своего коллегу молча, зябко пряча руки в муфту, неподвижно глядя перед собой. Смотришь в её печально-насмешливое лицо и чувствуешь: все красивые слова Ивана — ложь, иллюзия, а правда — то, что видят впереди эти тоскливые глаза: бесконечные скитания, унижения, безрадостное ремесло...

Судьба Ваниной из пьесы Тобилевича — судьба многих актеров «малороссийских трупп», некогда колесивших по просторам Украины и терпевших всяческие притеснения царских чиновников. Творческая жизнь Наталии Ужвий — это сегодняшний день советского украинского театра, окруженного любовью и уважением народа.

Б. ЛЬВОВ

Кинофильм «Радуга». Олена — народная артистка СССР Н. Ужвий.

Футбол на льду

М. МЕРЖАНОВ

Фото А. Бурдукова

Как только раздался призывной свисток судьи, в движение пришли все игроки. Замелькал маленький красный мячик, запел под коньками лед, послышались частые глухие звуки ударов клюшки.

Русский хоккей многие называют футболом на льду. Он и впрямь похож: и числом игроков, и принципом атак, и многими правилами.

Хоккей поставил футболиста на коньки и вооружил его клюшкой. Коньки придали ему скорость, а клюшка дополнительную маневренность.

Но простого умения кататься или даже бегать на коньках, как бегают скороходы, недостаточно для футболиста на льду. Он должен в совершенстве скользить, делать повороты, перебежки, остановки, прыжки. Это — большое искусство. Хоккеисты до такой степени свыкаются с коньками, что просто-напросто не чувствуют их, забывают о них. Кто-то образно назвал их металлическим голеностопным суставом. Этот «сустав» помогает хоккеисту исполнять любые приемы и маневры.

В конькобежном спорте существуют бегуны на короткие дистанции, так называемые спринтеры, и бегуны на длинные дистанции — стайеры. Первые рывком берут старт и мчатся по кругу меньше минуты. Вторые спокойно, заложив руки за спину, плавно бегут по накатистой дорожке несколько километров.

Хоккеист же должен быть и стайером, и спринтером, и фигуристом. В течение одного состязания он берет сотни стартов, делает сотни коротких рывков, чтобы догнать соперника, отобрать мяч, не дать пройти в опасную зону. В то же время он и стайер и своеобразный марафонец, ибо он за девяносто минут пробегает около тридцати километров. Он и фигурист, ибо исполняет самые сложные упражнения, причем не в условиях спокойного скольжения, а в борьбе, в толчках.

Таков спортивный диапазон хоккеиста.

Владеть коньками, свободно бегать, делать фигурные узоры — это лишь основа. Нужно еще хорошо управлять клюшкой, а с ее помощью и мячом.

Когда каждый из хоккеистов овладеет этим искусством, тогда начинается самое трудное: собирание игроков в коллектив, в один спортивный организм, связанный между собой умением передать мяч, взаимопониманием, тактической и комбинационной изобретательностью.

Коллективизм — принцип советского спорта, но коллективизм в хоккее определен еще и самим характером игры, ее темпом.

Хоккеист совершает рейд с мячом от ворот до ворот значительно быстрее, чем это делает футболист. Поэтому ледяное поле ему кажется более коротким, чем травяное, хотя размеры их абсолютно одинаковы; поэтому нападающий хоккейной команды быстрее и чаще приходит на помощь своей защите, чем это делает футболист. Отсюда и особенность тактики, которую условно можно назвать «все в атаке, и все в обороне».

Хоккей — давнишняя самобытная игра, рожденная на прудах и реках среднерусской полосы и не носившая тогда этого английского названия. Неоформленный в рамки строгих правил, он бытовал в деревне как игра с палкой на льду. Мальчишки гоняли по реке кусок крепкого деревянного обрубка и стремились загнать его в ящик или в будку, которую называли «городом».

— Город взят! — кричали мальчишки и начинали игру заново.

Хоккей как спортивная игра по писаным правилам начал культивироваться в России в конце прошлого века, сначала в Петербурге и затем в Москве, Твери и Орехово-Зуеве.

Он развивался вместе с футболом, как его «зимний брат», и влиял на него, как, впрочем, и пользовался его влиянием. Многие правила и приемы кочевали из «зимы в лето» и наоборот.

Хоккей дарил футболу темп, быструю реакцию на мяч, умение уйти — «ускользнуть» — от противника, обойти — «объехать» — его, а футбол отдавал «брату» красоту комбинаций и тактических приемов, хорошо проверенных летом.

В этом содружестве росли и крепли братья-близнецы.

Взаимодействие футбола и хоккея хорошо видно на спортсменах, которые занимаются и тем и другим видом спорта. Их много. Но наиболее ярко, на мой взгляд, это заметно в игре отличного футболиста и хоккеиста Василия Трофимова.

Присмотритесь, как он на зеленом поле по-хоккейному «объезжает» с мячом своих «противни-

Всеволод Блинков (в белой рубашке) перед ударом.

ков» и как он на льду по-футбольному «срезает» угол поля и угрожающе наступает на ворота. И не только это, много приемов перенес Трофимов со льда на траву, и многими футбольными приемами пользуется на льду.

Вместе росли, видоизменялись, приобретали современные черты эти два вида спорта.

Вспоминаются игры хоккеистов «Яхт-клуба» и «Униона» на Патриарших прудах. То было тридцать лет назад. Они были так же спортивно «старомодны» и тактически просты, как просты и прямолинейны были незамысловатые, безнаказные выходы с мячом футбольных «теноров» к угловому флагу, чтобы оттуда послать дугообразную эффектную подачу на ворота.

Теперь такой «тенор» к угловому флагу так просто не пройдет. Теперь нужен финт — обманное движение, рывок, выход на свободное место, пас, а главное, нужно хорошо понять и спортивно почувствовать «локоть» партнера, его замашки и навыки. Теперь играть на льду сложнее.

И чем труднее становится игра, тем больше она привлекает спортсменов.

В русский хоккей у нас играют всюду: в городах, рабочих поселках, колхозах, — играют и мальчишки во дворах. Более ста тысяч хоккеистов организованы в команды и принимают участие в различных состязаниях. Эта цифра говорит об увлекательности и доступности этого вида спорта. И если хоккей в Москве и на юге считается младшим братом футбола, на севере, на Урале и в Сибири он старший брат. И не случайно среди сильнейших команд страны, которые принимают участие во Всесоюзном чемпионате, мы встречаем спортсменов из Красноярска, Новосибирска, Челябинска. Команды этих городов давно применяют все «столичные» навыки игры и являются серьезными соперниками для лидеров.

Два года назад почетное звание чемпионов страны было завоевано спортсменами свердловского Дома офицеров.

Но и теперь команды северных городов входят в группу первоклассных и показывают интересную, живую игру, технически вполне зрелую, а тактически своеобразную.

Но сильнейшей командой страны является коллектив столичных динамовцев, два года подряд выигравший первенство страны по русскому хоккею.

Это отлично подобранный, хорошо сплоченный спортивный организм, в котором все звенья несут предельную нагрузку и отлично взаимодействуют между собой.

Когда смотришь на игру динамовцев, на их точные и быстрые передачи, то кажется, что красный мячик, скользящий между ними, липнет к намагниченным клюшкам. Действия их кажутся синхронными. Правда, в последнее время стал часто применяться так называемый подрезной удар, под «щечку» мяча, чтобы он поднялся над головами и в свободном полете по-футбольному совершил «воздушный рейс» от ворот до ворот, от края до края. Здесь уже клюшка не может проявить свои «магнитные» качества. Но этот новый прием в русском хоккее, естественно, породил и новые правила, разрешающие ловить на лету «воздушный» мячик и опускать его на лед, так сказать, «с небес на землю». Это заставило не только изучать новые приемы игры, но и изменить тактику. Если раньше хоккеист, пробегая по полю, в каждое мгновение мог получить мяч, то теперь появились секунды, когда мяч находится в воздухе и когда хоккеист должен бежать, выбирать выгодную позицию, обманывать противника, не имея мяча под клюшкой, а лишь наблюдая за ним, подняв голову.

Отсюда появились резкие выходы вперед, новое построение атакующей линии, необходимость быстро возвращаться к своим воротам, наконец, ловкие удары по мячу, еще не упавшему на лед.

Все это продиктовано жизнью, изобретено и освоено динамовцами, которых по праву можно считать «законодателями мод» в русском хоккее.

Не случайно они дважды были чемпионами и десять раз обладали «Кубком СССР».

Их быстрый, атакующий стиль, «жажда гола» нашли свое выражение и в цифрах.

За два года они не проиграли ни одной встречи, закончив прошлый и нынешний сезоны с выразительным соотношением вбитых и пропущенных мячей: 35 : 2 и 34 : 2.

...Когда диктор говорит «прослушайте составы играющих сегодня команд» и после этого называет Василия Трофимова, Всеволода Блинкова, Сергея Соловьева, Владимира Савдунина, Сергея Ильина, то невольно перед вашим взором лед покрывается зеленой, сочной травой, хоккейные ворота вырастают до размеров футбольных, а лыжные шаровары укорачиваются до трусов. Но нет. Перед вами блестящая гладь катка и одиннадцать спортсменов, одетых в бело-голубые костюмы и вооруженных коньками и клюшками. Известные футболисты, названные диктором, — отличные, первоклассные хоккеисты.

Русский хоккей не только не мешает, но помогает футболисту круглый год держать себя в спортивной форме, приучает к новым тактическим приемам, к постоянному хорошему чувству коллективизма, наконец, к тому «духу борьбы», без которого никакой спорт немыслим и никакой спортсмен не боец ни на льду, ни на траве.

Постоянный «дух борьбы» — типичная черта для динамовского коллектива. Они беспокойны на льду, настойчивы и как-то по-особенному жадны к чужим воротам. Кажется, все условия для спокойного завершения игры налицо: на щитах 5 : 0, на часах считанные минуты. Но нет, мчится по краю Трофимов, выходит на выгодную позицию Соловьев, а отличный техник Блинков посылает мяч такой силы, что вратарь не успевает шелохнуться. На щитах — 6 : 0.

Весь коллектив много и хорошо поработал для заслуженной победы. Тренер Василий Трофимов вдумчиво готовил команду к каждому состязанию и определял тактический прием в зависимости от манеры игры противника. Кроме того он сам отлично забивал голы, подтверждая на льду изыскания, сделанные им накануне на столе.

Капитан Всеволод Блинков вел нападающих в «бой» и был тем реальным выражением «духа борьбы», который, как электричество, распространялся по всей команде.

Сергей Ильин — знаменитый некогда футболист, неопровержимо доказавший, что возраст в спорте не помеха, — в 46 лет надежно обороняет ворота своей родной команды. И если за два года десятки нападающих самых различных клубов в своем неудержимом стремлении к чужим воротам сумели лишь четыре раза добиться успеха,— в этом заслуга защитника Сергея Ильина, клюшка которого преграждала путь мячу.

Стоит упомянуть и других игроков, хороших мастеров своего дела — вратаря А. Матчина, защитников И. Давыдова и Н. Артемова, нападающих Н. Медведева и А. Гусева.

...Бегут динамовцы, поет лед, лежащий под ними в шрамах, снежная пыль летит из-под ног, а мяч мелькает у чужих ворот.

МОТОЦИКЛЫ НА ЛЕДЯНОЙ ДОРОЖКЕ

Мотогонки по ледяной дорожке — увлекательное зрелище и замечательный вид зимнего спорта. По кругу Московского государственного ипподрома мотоциклы мчатся со скоростью, превышающей сто километров в час. Стальные шипы покрышек врезаются в лед, вздымая вихри серебристой пыли. Слившись с машинами, гонщики крепко сжимают рули.

Нужно большое мастерство, чтобы удержать машину в повиновении, чтобы, не снижая скорости на вираже, не вылететь в снежный сугроб.

Вот уже второй год на ледяной дорожке Московского государственного ипподрома проводится розыгрыш специальных призов Московского центрального спортивного авто-мотоклуба. В нынешнем сезоне в соревнованиях участвовало много команд.

Дистанция гонок — шесть кругов — 9 600 метров.

Первыми стартовали женщины. Круг за кругом вперед уходит мастер спорта Нина Михеева-Сусова. Она и финиширует первой.

Стартуют юноши. И снова на дистанции разгорается острая борьба. Лучший результат у юного мастера спорта Николая Соколова. Среди мужчин победителем гонки вышел чемпион Советского Союза мастер спорта Николай Селиванов.

Капитаны команд ВВС, занявших первые места в соревновании мотоциклистов.

Фото А. Бочинина

Увеличиваются мощности машин, растет скорость гонок, мастер спорта Сергей Овчинкин проходит 9 600 метров за 5 минут 33 секунды.

На старте самые мощные мотоциклы. Взмах флажка — и, ревя моторами, гонщики устремляются вперед. Первым финиширует заслуженный мастер спорта Виктор Куланов с замечательным временем — 5 минут 26,1 секунды. Никому еще в гонках по ледяной дорожке не удавалось проходить шесть кругов с такой высокой скоростью. Все победители — члены спортивного клуба Военно-Воздушных Сил.

Исключительный интерес вызывают гонки мотоциклов с колясками. На виражах, чтобы увеличить равновесие машины, колясочники резко откидываются в сторону, противоположную повороту. Только ноги их остаются в машине, а сами они повисают над дорожкой.

И снова на финише первыми спортсмены команды ВВС: водитель Александр Разоренов и колясочник Юрий Соколов. Это опытные мастера мотоциклетного спорта, чемпионы Советского Союза по мотокроссу.

Общекомандный переходящий приз завоевали мотоциклисты Военно-Воздушных Сил Московского военного округа.

В. ДМИТРИЕВ

Варвара КАРБОВСКАЯ

Рисунок Б. Лео

В квартире председателя заводского комитета тишина. Ляля и Петька играют в кубики, разговаривая шепотом. Настасья Даниловна, теща председателя, неслышно ступая в мягких туфлях, убирает со стола, стараясь не звякать посудой. Жена собирается на ночное дежурство в министерство, где она работает машинисткой.

Сам Алексей Егорович сидит за письменным столом в полосатой пижаме и строчит. Впрочем, работа подвигается не слишком споро: пять — шесть строчек напишутся бойко, а потом начинаются муки творчества, и тогда, как нарочно, хочется сразу всего: и курить, и чай пить, и пожевать чего-нибудь сладенького, и поссориться с кем ни попало...

— Мама, вы мне чаю дадите? Сколько можно дожидаться?! Последняя пачка папирос? Зина, неужели нельзя было позаботиться заранее? Лялька, не клади Пете кубики за пазуху!..

Он подвигает к себе чистый лист бумаги и сердито смотрит на него.

— Ох, уж эти мне женщины! Каждый год с ними мучаюсь!

— Алеша,— мягко говорит Настасья Даниловна,— а ты бы, чем так мучиться, взял бы да с прошлогоднего доклада переписал...

— Вот когда вам поручат делать доклад о женском дне, тогда вы и переписывайте! Хоть с прошлогоднего, хоть... с допотопного! Ведь надо же соображать: международное положение меняется с каждым годом, все больше женщин всех стран и народов борется за мир... Наконец, на нашем заводе многое изменилось. Женщины на глазах растут, учатся, вступают в партию, занимают ответственные посты...

Настасья Даниловна вздыхает, забирает посуду и уходит в кухню. Теперь Алексей Егорович нападает на жену:

— Значит, ты, что же, не возьмешь печатать мой доклад? Неужели тебе трудно?

— Мне ничего не трудно, но если будет много работы, я просто не успею. И вообще я не люблю на работе печатать посторонние материалы.

— Ага! Мужнин доклад — это для нее посторонний материал!

— Не придирайся, пожалуйста. Почему ты не можешь отдать своим заводским машинисткам?

— А ну их! С ними фокусов не оберешься. То им мой почерк не нравится, то их моя орфография не устраивает. Избаловали их, распустили! А все почему? Потому что директор — женщина. И вечно поблажки устраивает всем бабам.

— Бабам! Замечательно красивое выражение в устах предзавкома. Конечно, все женщины плохи... Не понимаю только, зачем ты о них пишешь доклад?

— С наслаждением не писал бы!

Алексей Егорович устал, ему хочется поворчать. Зинаида Ивановна видит это и спроваживает ребят в комнату к бабушке. Совершенно незачем Петьке в четыре года знать, что женщины под сердитую руку называются бабами.

...Поздно ночью, покончив с печатанием министерских приказов, писем и смет, Зинаида Ивановна достает доклад своего мужа. Он недавно звонил ей и справлялся, все ли она разбирает. Она сухо ответила ему: «Уж как-нибудь разберусь» — и повесила трубку.

...Человек совершенно не считается с тем, что она дежурит ночью, что это утомительно. Навязал еще ей свои иероглифы, двадцать раз перечеркнутые... И вообще нечуткий человек. Когда он работает, все ему подай, принеси. Совершенно не думает о том, что она тоже работает.

«Вот возьму и впечатаю ему страничку от себя,— думает Зинаида Ивановна.— Например: «Очень часто мы, мужчины, недостаточно бережно относимся к своим женам, не считаемся с тем, что они наравне с нами работают и приносят государству большую пользу, что у них и дома еще полно забот и хлопот... И зачастую мы, мужчины, даже самой маленькой доли этих забот не хотим взять на себя, и мы, мужчины...»

Что-то не совсем складно получается, — решает Зинаида Ивановна.— Ничего, сначала напечатаю его доклад, а потом хорошенько обдумаю и вставлю где-нибудь эту страничку. Он до собрания прочесть не успеет, а как выйдет на сцену, так и откатает все подряд, потому что он волнуется, когда выступает, и ему будет уже не до поправок. И выйдет очень правильно и справедливо».

Она берет два листка бумаги, перекладывает их свежей копиркой и начинает печатать. «Вот поди ты! Алексей ворчал, когда писал, и говорил, что с удовольствием отказался бы от доклада, а как здорово у него получилось! Про зарубежных женщин определенно хорошо — прочувствованно, сердечно! Но и про своих заводских здорово! Только что он и на машинисток злился и на директора, а с какой гордостью и как по-товарищески он обо всех о них пишет! И главное, совсем не избитыми словами. Правда, у него написано «достежения» с буквой «е» (надо будет ему об этом сказать), но это ничуть не меняет смысла. А смысл очень хороший! Тут и новый дом для детского сада, и дача для заводских ребят в Сосновке (и Ляля с Петькой поедут), и триста пятьдесят путевок в санатории для женщин-работниц, и новые квартиры (это, пожалуй,— самое приятное для каждой женщины), и учеба, и занятия во всевозможных кружках, и коллективные походы в театры... И ведь все это как-то проходит через заводской комитет, а большая часть даже исходит от него... Ужасно много он работает!»

Седьмая страница доклада отпечатана.

«А все-таки он хитрый, Алешка! — думает Зинаида Ивановна.— Вон как перед женщинами рассыпается, а ведь, небось, не сознается, что дома барином живет: все ему подай, принеси...»

Она перевертывает восьмую страницу и с трудом разбирает заковыристый почерк: «Но приходится сознаться, что очень часто мы, мужчины, недостаточно бережно и чутко...»

— Алешка! — вслух обрадованно говорит Зинаида Ивановна.— Значит, ты все-таки сознаешь, понимаешь...

Ей очень хочется позвонить домой, помириться с ним: ведь они поссорились, когда она уходила. Она набирает номер. Долго звучат протяжные гудки, никто не подходит к телефону. Наконец в трубке раздается хрипловатый заспанный голос:

— Слушаю!

— Алеша, это я! — взволнованно говорит Зинаида Ивановна.

— Ага... Чего тебе?

— Я печатаю твой доклад. Ты знаешь, у тебя очень здорово получилось!..

— Ну и ладно. Все?

— Нет, я еще хотела сказать... Ты что делал сейчас?

— Чего ночью делают? Спал. (Слышен зевок с подвыванием в трубку.) Ребят в ванне искупал, уложил... Бабке горчичник поставил на правый бок.

— А я через два часа приду,— говорит Зинаида Ивановна в тайной надежде, что он скажет: «Я выйду тебя встретить, Зинушка».

— Ну-ну, не задерживайся там,— говорит сонный голос.— Да! Ты сколько экземпляров заложила? Два? Эх ты, Фоня-Моня, надо было три. Отстукай мне третий, ладно? Ну, а я пошел спать. И не звони больше, а то мне под звонок какая-то чертовщина приснилась. Ну, пока...

В трубке щелкает.

— Ну и дурак! — обиженно говорит вслух Зинаида Ивановна.— Бережное отношение! Опять заново печатать. А сам спать завалился. Очень ему нужно меня встречать, как же!..

Дробно стучит машинка. Ее стук напоминает Зинаиде Ивановне пулеметную очередь. 42-й год. Фронт. Алексей был политруком. Для первого знакомства вытащил ее из горящего вагона... А зачем, собственно, она об этом вспоминает, когда на него обижена?

Но хотя Зинаида Ивановна и в обиде на мужа, все же последние фразы доклада подкупают ее своей искренностью и теплотой: «Товарищи женщины! Разрешите еще раз поздравить вас и сказать вам от всего сердца спасибо! Спасибо вам, настоящие наши верные и любимые товарищи и в бою и в труде! Хорошие наши подруги!..»

«А все-таки он выкупал Лялю с Петькой и поставил бабке горчичник на правый бок,— вспоминает Зинаида Ивановна.— А что ему спать хочется, так это вполне понятно, вон он какой докладище накатал!.. И главное, столько фактического материала, цифр... Не всякий так сможет. А почему? Потому что он у меня хороший...»

Она закладывает в машинку третий экземпляр и думает: «Приду домой, не буду ложиться спать, напеку ему оладышков к чаю, он любит...»

Горькая услада

По распоряжению генерала Риджуэя сражающимся в «войсках ООН» в Корее турецким солдатам выдан увеличенный рацион шоколада.

(Из газет)

Американская «услада»
Издевкой выглядит прямой...
Солдат не хочет шоколада,
Солдату хочется домой!

И скажет будущий историк
Стамбулом проданных бригад,
Что оказался очень горек
Американский шоколад.

Рисунок С. Фикса

Заметки рыболова.

Эта занятная история произошла с моим товарищем — страстным рыболовом. В один из зимних морозных дней он возвратился с рыбной ловли, принеся единственный трофей — солидного налима. Рыбина так замерзла, что напоминала ольховый кругляк.

Жена моего товарища взглянула на добычу и заметила:

— Как есть полено. Что же мы с ним будем делать? Его и не почистишь.

— Возьми таз, налей воды и положи туда налима. За ночь он оттает.

Жена так и поступила.

Утром она сказала мужу:

— А знаешь, налим-то... исчез.

— Как исчез?

— Очень просто. В тазу его нет.

— Не может быть!

— Посмотри сам.

— Что за чушь!

Рыбак с недоумением смотрел на жену. Ему казалось, что она шутит. Он быстро оделся и пошел в кухню.

Действительно, в тазу, до краев наполненном водой, рыбы не было.

— Странно! — проговорил муж.

— Очень странно,— подтвердила жена.

Он в недоумении стоял посреди кухни и, как следователь на месте совершенного преступления, изучал следы странного происшествия. Заглянул в один угол, в другой.

Жена рассмеялась:

— Кошки у нас нет. Не ищи напрасно...

— Чем смеяться, лучше помогла бы мне.

Жена, как бы шутя, провела рукой под кухонным столом.

— Ой!.. — неожиданно вскрикнула она и стала вытирать руку о фартук.— Посмотри, посмотри!.. Что-то холодное и такое... скользкое.

Муж опустился на колени и извлек из-под стола... извивающегося налима. Когда налима пустили в таз с водой, он поднял там такую возню, что брызги летели чуть ли не до потолка.

Так «бесчувственное полено», оттаяв, превратилось вновь в живое существо.

Дело происходило на льду Московского моря. Собралось несколько человек, приехавших из столицы. У всех рыболовов снасти были первоклассные: лески-сатурн, блесны всех систем и размеров, «серебряные», «золотые».

Мы прорубали лунки, опускали под лед блесны, старательно махали изящными удилищами, и все безрезультатно. Ругали... северный ветер.

Но вот на льду появилась женщина. Голова ее была закутана не то платком, не то одеялом. В узенькую щелку светились острые глаза. На ней был длинный мужской полушубок, перехваченный веревочкой, на ногах большие валенки.

— Ну, как дела, ребятки?— проговорила она певучим голосом. Своим видом она напоминала ямщика и подмышкой держала какой-то кнут.

— Плохие дела! — ответило несколько голосов.

— Ой! Мой-то дед совсем расхворался. Собралась было печку топить, а он просит: «Сходи окуньков налови да ушицы свари, может, полегчает». Вот и пришла. Разрешите пешенку.

Самый молодой из нас подскочил к бабке:

— Где прикажете?!

— Сейчас, сейчас, сынок. Как бы не обмишуриться. Вот если б дед, так он враз бы. До затопления тут небольшая речушка протекала. А ну-ка, вот тут попробуй. На русло бы...

Пока прорубали лунку, бабка подготовила свою «снасть»: с кнутовища размотала толстую леску. Леса, как видно, была натерта сапожным варом. На конце ее болталась какая-то пластинка, напоминающая ручку от старой столовой ложки.

Мы бросили уженье и с любопытством наблюдали за рыбачкой. А бабка опустила под лед блесну и стала часто-часто махать удилищем. Затем перешла на редкие, размашистые движения... Вдруг леска натянулась, и вскоре на льду запрыгал горбач-окунь. Через минуту запрыгал еще такой же, затем третий...

— Вот и жаркое вашему деду,— заметил кто-то из нас.

— Это на уху. Судачка бы ему теперь на поправку.

Что-то чуть было не вырвало из руки бабки удилище.

Она не растерялась и, не торопясь, выбросила из лунки судака величиной с рукав полушубка.

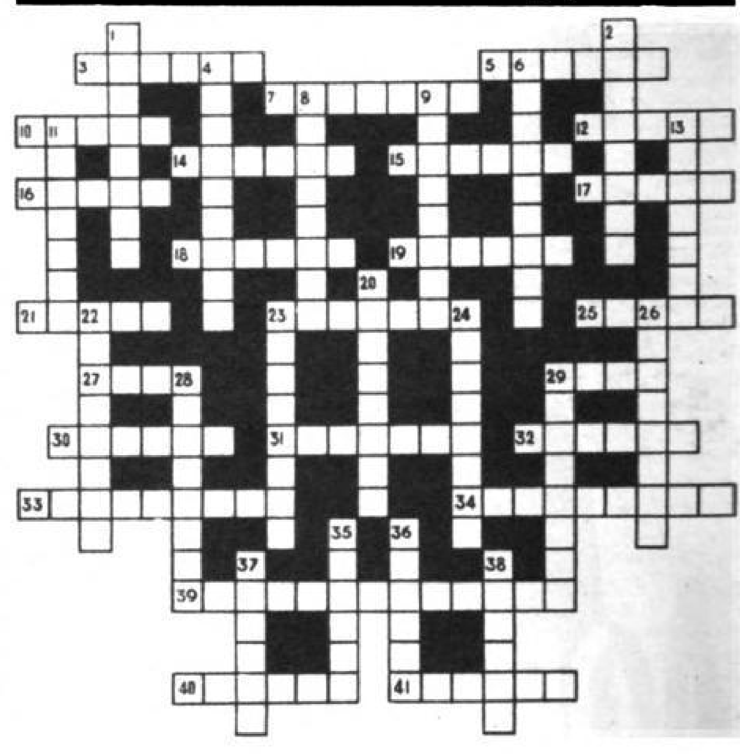
— Вот теперь и печку топить можно,— проговорила она и стала наматывать лесу на свое грубое удилище.

После ухода бабки мы бросились к ее «счастливой» лунке. Прорубали там же и новые. Но как ни старались, ничего путного не получилось.

Мы пришли к заключению, что дело не в северном ветре и не в чем-либо другом, а в блесне.

Блеску у бабкиной блесны было маловато, да толку много.

С. МИНАЕВ

По горизонтали:

3. Храбрость, бесстрашие. 5. Персонаж из романа А. Коптяевой. 7. Героиня повести М. Горького. 10. Приспособление, воспламеняющее горючее в двигателе. 12. Музыкальный инструмент. 14. Чемпионка по скоростному бегу на коньках. 15. Учительница из пьесы К. Тренева. 16. Народная артистка СССР. 17. Действующее лицо в пьесе «Заговор обреченных» Н. Вирты. 18. Цветы. 19. Лауреат международной Сталинской премии мира. 21. Плетение крючком, спицами или на машине. 23. Сельскохозяйственная специальность. 25. Заслуженная артистка Молдавской ССР. 27. Дерево. 29. Сани с парусом. 30. Способность сохранять впечатления в сознании. 31. Дочь Романюка из комедии «Калиновая роща». 32. Советская спортсменка, завоевавшая несколько золотых медалей на XI Всемирных студенческих играх. 33. Токарь, одна из инициаторов соревнования за отличное выполнение каждой производственной операции. 34. Руководительница в колхозном звене. 39. Рассказчица народных сказок и былин. 40. Героиня повести в стихах А. Яшина. 41. Председатель Международной демократической федерации женщин.

По вертикали:

1. Специальность колхозницы. 2. Белорусская народная плясовая песня. 4. Женщина, русский скульптор. 6. Артистка Узбекской ССР. 8. Знатная закройщица фабрики «Буревестник». 9. Приспособление для пряжи. 11. Руководительница в пионерском отряде. 13. Женщина-пилот. 20. Кушанье. 22. Небольшое водное пространство между берегом и краем льда. 23. Народная артистка СССР. 24. Рекордсменка в метании диска. 26. Советская артистка, лауреат конкурса солистов-исполнителей III Всемирного фестиваля. 28. Лицо, уполномоченное оформлять юридические акты. 29. Ягода. 35. Песня М. Исаковского. 36. Приспособление в ткацком стану. 37. Южное дерево. 38. Одна из величин, определяющих положение места на земной поверхности.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 10

По горизонтали:

3. «Ревизор». 6. Щепкин. 7. Вакула. 10. Бульба. 12. Товкач. 15. Гибнер. 16. Платон. 17. Земляника. 20. Днепр. 23. Алкид. 24. Чартков. 25. Канев. 26. Шашки. 28. Левко. 30. Акакий. 31. Иванов. 32. Пелагея. 33. Коляска. 34. Чичиков.

По вертикали:

1. Нежин. 2. Гопак. 4. Сечь. 5. Алов. 8. Пушкин. 9. Халява. 11. Андреев. 12. Тетушка. 13. Диканька. 14. Поприщин. 18. Шпонька. 19. Плюшкин. 21. Васильевка. 22. Подколесин. 27. Шинель. 29. Свитка.

Обо всём

УЧЕНЫЙ МЕДИК XII ВЕКА

Дочь русского князя Мстислава Владимировича, внучка Владимира Мономаха Евпраксия, еще девочкой интересовалась целебными свойствами разных трав.

Евпраксия была выдана замуж за византийского царевича Алексея. Покинув родину, она не бросает занятия медициной, много беседует с учеными, читает медицинские трактаты.

В прошлом столетии русский историк Х. М. Лопарев в библиотеке Лоренцо Медичи в Италии нашел медицинское сочинение, автором которого, как это удалось установить, была Евпраксия. Написанное ею медицинское сочинение было передовым для своей эпохи. Она первая из медиков византийского периода обобщила в одном ученом трактате разнообразные медицинские сведения и впервые широко осветила вопросы гигиены женщины.

ВЕС «ПАДАЮЩИХ ЗВЕЗД»

Часто можно наблюдать, особенно на темном зимнем небе, красивое явление природы — потоки «падающих звезд», правильнее — метеоров.

Только доступных нашему наблюдению метеоритов ежедневно в атмосферу влетает около 7 миллиардов! Но они настолько малы, что все вместе весят всего лишь около 5 тонн.

Очень яркие метеоры, равные по силе света, например, планете Венере, порождаются метеоритами весом лишь в 4 грамма.

Множество метеоров, наблюдаемых лишь в телескопы, вызываются пылинками весом в десятые доли миллиграмма.

В этом номере помещены восемь страниц цветных фотографий

Их образ жизни

«НАРУШЕНИЕ ПОРЯДКА»

В одном из лондонских кинотеатров демонстрировался фильм, превозносивший немецко-фашистского генерала Роммеля.

«Не восхваляйте убийц!» — крикнула возмущенная этим зрелищем госпожа Сирс, вдова британского солдата, погибшего в сражении с «африканским корпусом» Роммеля.

За «нарушение порядка» госпожа Сирс была приговорена к пятнадцати дням тюремного заключения.

«Юманите-диманш»

«ЭКСПЕРТ»

В Питсбурге (США) на процессе лиц, обвиненных в «ниспровержении существующего строя», выступил «экспертом по вопросам марксизма» судья Мусельмано. Мусельмано заявил, что Лев Толстой — «коммунистический писатель». Ввиду этого он обвинил одного из подсудимых в том, что он читал произведения Льва Толстого с целью «приобрести знания в области марксизма».

«Фриденспост»

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, К. В. СМИРНОВ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

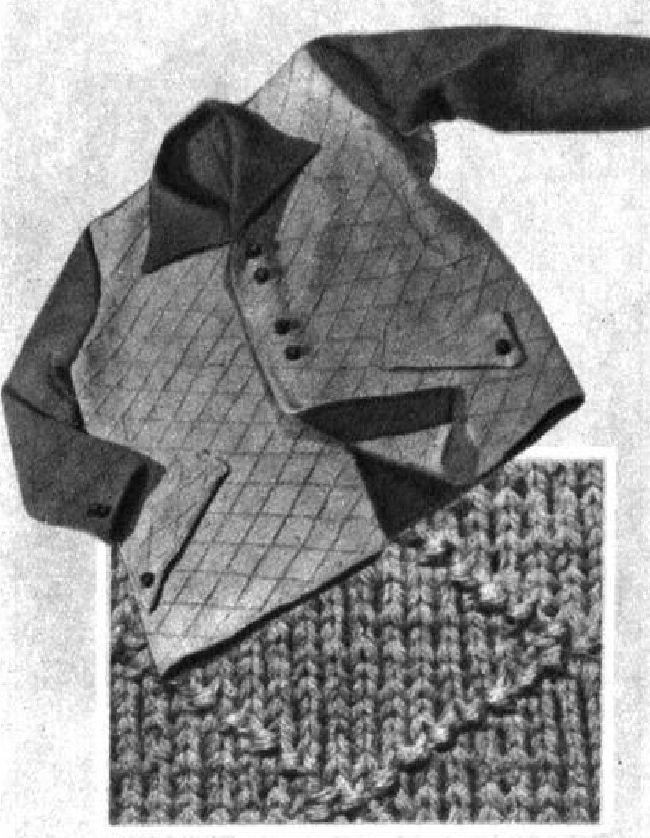
Оформление Л. Шумана.

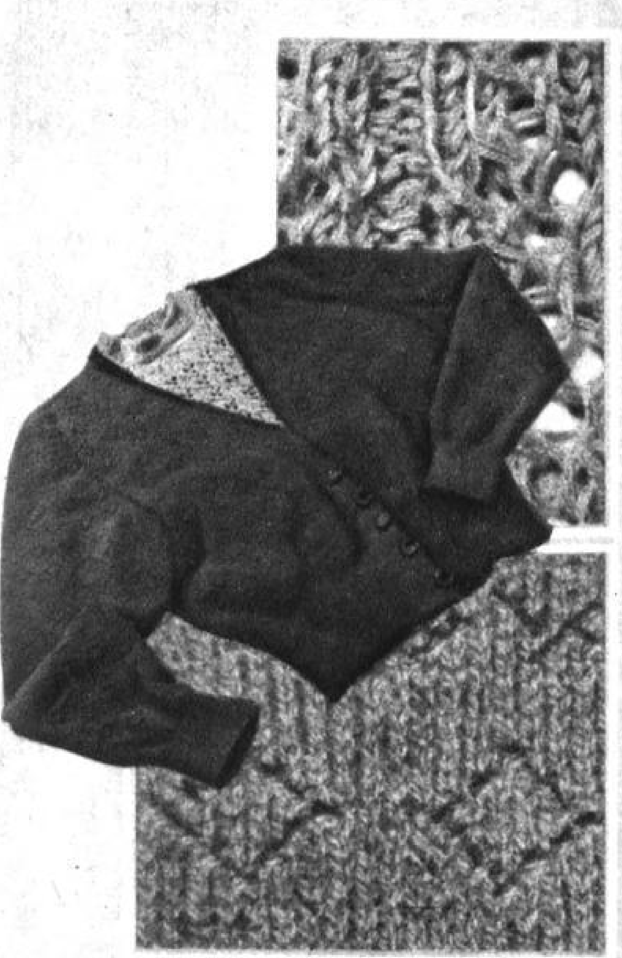
А 01340. Подписано к печати 4/III 1952 г. 5½ печ. л. Тираж 500 000. Изд. № 221. Заказ № 333. **Рукописи не возвращаются.**

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Вязанье

ВЕСЕННИЕ МОДЕЛИ

ЖАКЕТ

Материал: 300 граммов шерсти зеленого цвета, 300 — светлосерой. Спицы № 3.

Перед, спина, рукава и клапаны жакета связаны по прилагаемому образцу вязки.

Спина и рукава — зеленого цвета, перед и клапаны прорезных карманов — серые. Воротник и борта связаны «веревочкой», то есть лицевыми петлями и по лицу и по изнанке, шерстью зеленого цвета. Спина у талии перехвачена свободным, широким клапаном.

ЖИЛЕТ

Связан из 200 граммов шерсти светлозеленого цвета. Перед орнаментирован белой и черной шерстью. На спине хлястик, затягивающийся на пряжку.

КОФТОЧКА С АЖУРНОЙ ВСТАВКОЙ

Материал: 400 граммов шерсти вишневого цвета, 50 граммов розовой. Спицы № 3.

Образец ажурной вязки (на 24 петли):

1-й ряд: + 2 изнаночных, 5 лицевых. Повторять от + до конца ряда.

2-й ряд: как лежат петли.

3-й ряд: + 2 изнаночных, 2 лицевых, 1 накид, 1 петлю снять непровязанной, 1 петлю провязать налицо и протянуть ее через снятую петлю, 1 лицевая. Повторять от + до конца ряда.

4-й ряд: как лежат петли, а накиды наизнанку.

5-й ряд: + 2 изнаночных, 2 вместе, 1 накид, 1 лицевая, 1 накид, 1 петлю снять непровязанной, 1 петлю провязать налицо и протянуть ее через снятую. Повторять от + до конца ряда.

6-й ряд, как 4-й; **7-й ряд,** как 3-й; **8-й ряд,** как 6-й; **9-й ряд,** как 1-й; **10-й ряд,** как 8-й. С 11-го ряда повторять рисунок с 1-го ряда.

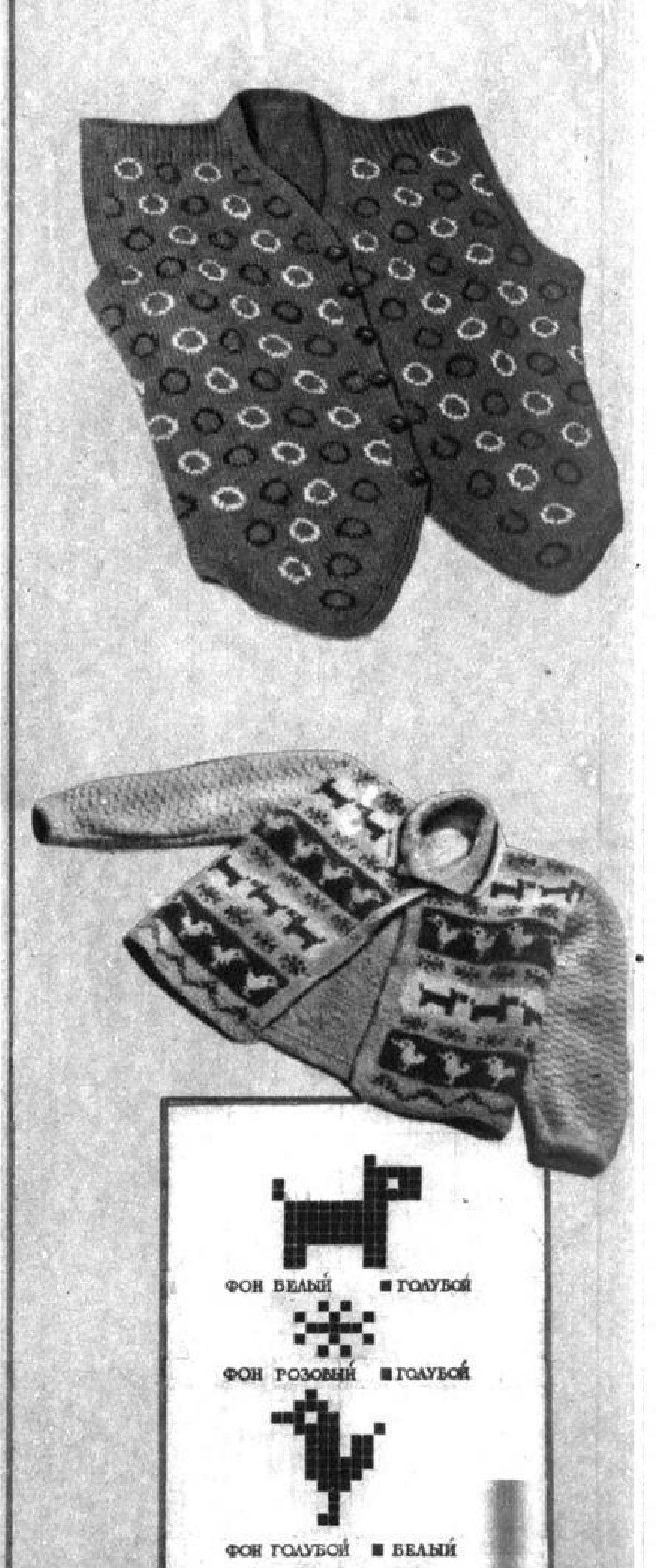
ДЕТСКАЯ КОФТОЧКА

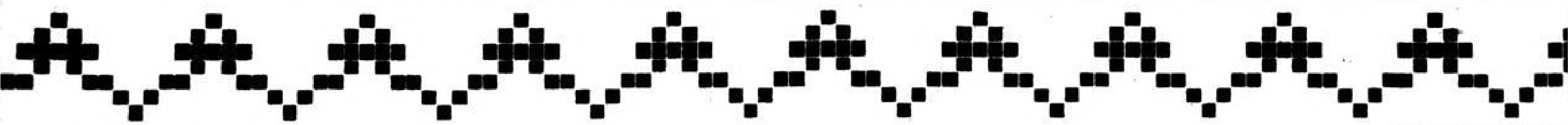
Материал: 180 граммов розовой шерсти, 20 — голубой, 20 — белой. Спицы № 3.

Спинка и рукава кофточки связаны из шерсти розового цвета, вязкой «палочки»: **1-й ряд:** 3 правых, 3 левых чередовать до конца ряда. **2-й ряд** и все четные — изнаночными петлями. С **3-го ряда** «палочки» располагаются в шахматном порядке.

Перед орнаментирован белой и голубой шерстью. Планки розовые. Розовый воротничок оканчивается одной голубой и одной белой полосками.

Э. ЛАЗЕБНИКОВА

Цена 3 руб.